

МБД

ISSN 0236—3283

6/91

ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ
ДЕТСТВО

Главный редактор
Евгений БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Тамара АЛЕКСАНДРОВА
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
фото Александра БОРОДИНА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.
По всем вопросам экспедирования
и полиграфического исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Составлено в типографии
Л.О. Прит-Юхтиэт
Саммарсет Финляндия

Цена в руб. 20,03,91 г.
Подписано в печать 05.04.91 г.
Листов 10. Ул. печ. л. 10.1.
Тираж 10 000. Заказ 1000000

6/91

ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Утехин. Дань скорби	58
Тамара Александрова. Портрет юноши с телескопом	2

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Валерий Алексеев. Три юных пажа. Повесть	12
Зарубежный детектив. Милдред Гордон и Гордон Гордон. Таинственный кот идет на дело. Роман. Перевод с английского. Окончание	84

ПРОБА ПЕРА

Саша Алексеев. Блистательная Анжелика. Фантастический рассказ	163
Стихотворение из конверта	144

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. Мэйсси. Николай и Александра. Главы из книги. Перевод с английского. Продолжение	146
Павел Анохин. «При всех обстоятельствах поступать как человек»	136

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Игорь Алчеев. Такие же, как все	64
Письма в «Мы»	10, 81
Обратная связь	57
Ищу друга	168

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Константин Кинчев: «Мы уже почти поем...»	73
Музыкальные страницы	172
Телега жизни. Сатира и юмор	185
На малом экране. Видеообзор	191

Борис УТЕХИН

ДАНЬ СКОРБИ

Это нужно не мертвым, это нужно живым.

Когда вездеход, то и дело увязая в болотной жиже, плыл по этому странному кладбищу с названием «Мясной Бор», у сидевших в нем появилось ощущение какого-то неудобства, вины, что ли, за виесенные в этот спокойный и торжественный лес шум и суету. Почему-то показалось кошунством тревожить огромную, в несколько квадратных километров могилу, так и не тронутую с того времени, когда в боях под Новгородом сотысячная 2-я ударная армия полегла в мокром болоте.

В тот день, 9 мая, День Победы, была Радоница — поминовение усопших. Случайное совпадение. Не случайное для тех, кто по своей воле, а точнее, по совести приехал в этот лес на болоте.

Обычно упоминание о Мясном Боре проходило по сводкам управлений внутренних дел. Лес с мертвой армией был бесценным источником всякого оружия — пистолетов, винтовок, автоматов, пулеметов, гранат и мин, которое очень надежно сохранялось в болотной почве. Первые ходки в этот лес — в основном мальчишки — шли не из любопытства, а из чувства долга. И Коля Орлов, Николай Иванович Орлов впослед-

ствии, обнаружив во время одного из таких походов тело мертвого лейтенанта, наверное, просто из любопытства, преодолевая страх и отвращение, вынимал у него из кармана «смертный медальон» с именем погибшего.

Возвращать человека из неизвестности — это оказалось не менее увлекательным, чем просто собирать оружие. Конечно, не для всех. И не сразу. Ощущение причастности к победе над злом и горем только со временем становилось для человека целью жизни... По письму Орлова приехала мать убитого. Родным без вести пропавшего не выплачивалось пенсий, не предоставлялось никаких льгот. Не учтен, не похоронен — а вдруг предатель? Таких «предателей» только в Мясном Бору лежало до сотни тысяч.

Коля Орлов стал ходить в лес и искать смертные медальоны. Два его брата, увлекшиеся той же странной для нашего времени целью, погибли на минных полях Мясного Бора. Стоила ли жизнь живых памяти о мертвых? Тем более что в память об этих мертвых не называли города и корабли. Они были обычные, рядовые и нетитулованные, не успевшие даже получить наград за свою недолгую войну. Только пожилые и совершенно обыкновенные родственники придут, выпьют водки за упокой, заплачут и поклонятся останкам.

Многим этого не понять.

Спустя несколько десятилетий после первой находки Николая Орлова в лес под Новгородом приехали похоронные команды. Нет, упаси Бог, это не совесть государства проснулась, за светлые идеалы и по бездарности военачальников кото-

рого погибла 2-я ударная. Это, как называли бы их в военном ведомстве «патриотически настроенная молодежь», или, говоря человеческим языком, увлеченные романтикой общего и святого для них дела. Мальчики и девочки с утра и до вечера вынимают кости из жидкой грязи. Складывают: череп к черепу, берцовую к берцовой... Потом увозят на предоставленных в порядке благотворительности военными вездеходах из леса и хоронят в братской могиле. Со священником, по православному обряду. Почеловечески. Вместе с костями вынимают мины, гранаты, стрелковое оружие. Все более или менее сохранившееся сдают. Пока они работают, в лесу то и дело раздается стрельба, иногда взрывы. Это непатриотически настроенная местная молодежь извлекает из земли исключительно оружие и балуется, постреливает. Говорят, в последнее время с этими ребятами ищут контакты гонцы из некоторых республик, где особенно остро стоит проблема вооружения. Организованных поисковиков деятельность альтернативной группировки раздражает, поскольку ради нескольких патронов навсегда хоронятся в земле редкие и бесценные находки — медальоны с именами.

Одно время среди обитых красным полотном новеньких гробов бродил старик. Он снимал очки с толстыми стеклами, шурился и, словно отрешившись от происходящего вокруг, прислушивался к ухаю «партизанских» взрывов в лесу. Некоторое время его фотографировали репортеры, и он все так же отрешенно смотрел в камеру, держа за обшлага плаща, за которыми на дешевом пиджаке блесст ве-

теранский орден Отечественной войны. Хусани Валиахметович Хасанов, рядовой 22-й стрелковой бригады, выходил здесь из окружения. Чудом вышел. Бывший рядовой смотрел на останки трех тысяч семисот двадцати своих однополчан, которые не смогли выйти, и путанно рассказывал о своем товарище, вместе с которым он выходил: терялся, встречался снова, искал пищу, прятался от немцев, нес его, обессилевшего, какое-то время, и что в конце концов тот остался, лес его не выпустил, не судьба... Он вспоминал этого одного солдата, словно скорбел о всей армии. Но увы, о многих мы скорбеть не умеем. Может быть, для этого и требуется перевернуть все тонны жидкой болотной грязи, мертвых костей и живого еще оружия, чтобы хоть кто-то смог приехать сюда, к Мясному Бору, и отдать дань скорби одному человеку: деду, сыну, брату, отцу... и вместе с ним всем лежащим здесь и не только здесь, еще не опознанным.

Их миллионы.

И это наши корни, пусть не конкретно тех мальчиков и девочек, кто хоронит здесь общих мертвых. Это корни нашего народа, без которого мы, сегодняшние, — ничто.

*Несчастен народ,
который имеет столько
безымянных могил.
Трудно будет его детям.*

Фото Петра НОВИКОВА

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ РОДИТЕЛЕЙ?

С детства меня заставляли хорошо учиться, делать уроки. Гулять я не ходила, подруг во дворе у меня не было, так что даже когда было время, погулять было не с кем. И все-таки в душе я не была домашним ребенком, меня тянуло к уличным — в подвал... Так взрослые оставили меня без друзей — и это только одна из их больших пакостей (а мелких не счесть).

Однажды летом в деревне, где я отдыхала, я познакомилась с одним парнем, и мало сказать познакомилась... Все время, когда я была с ним, моя жизнь была как сон-сказка. Я не обращала внимания на дни — ведь у нас были ночи...

А в октябре мне позвонила его сестра и сказала, что он разбился на мотоцикле. Теперь его родители уехали отсюда, и я потеряла последних друзей. С тех пор я живу как в бреду. Сейчас мне пятнадцать, но я чувствую, что все нереально... Парни не любят тех, у кого они не верят, а ведь недосмотр в школе, когда приходит девочка, и она кошмар. Вот так он может прийти

Самое страшное в этой истории то, что ОБО ВСЕМ УЗНАЮТ РОДИТЕЛИ. А они у меня не идеальные, причем два сапога пара...

Вот я и думаю: как защититься от родителей? Ведь объяснить им что-нибудь бесполезно. Но почему так?

Таня К.
Ленинград

ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНА ЗНАЛА

Мне 16 лет. У меня сложилась сложная ситуация. Дело в том, что я влюбился в нашего классного руководителя. Может быть, это покажется смешной детской любовью, которая быстро проходит. Но когда я ее вижу, у меня даже голова кружится. Мне хочется сказать ей, что все, что у меня есть, принадлежит ей. Ее зовут Оля. Ей 24 года, у нее семья — муж, сын. Свои заботы. На каждый праздник я дарю ей букет цветов...

Да, у нас разница в возрасте, но я думаю, что для ЛЮБВИ нет возрастных преград. Я хочу, чтобы она знала: на свете есть еще один человек, который дорожит ею.

Андрей Ю.
Челябинская обл.

ЕСЛИ МУЧАЕТ ТОСКА

Может, поможет такая рекомендация тем, у кого внутри гадко и тоскливо.

Итак. Если мучает тоска и кажется, что взорвешься от избытка всяких горестных чувств, попробуйте найти кусочек природы, где светит солнышко и травка зеленеет, а может, и иней серебрится (или золотится).

Так вот, надо, например, пойти в лес, выйти на поляну и как можно громче и страшнее заорать. Должно полегчать.

Петя ВАСИН
г. Томск

МНЕ ТАМ ВЕСЕЛО

Мне 15 лет, учусь я неплохо, и мне нравится ходить в школу. Там я чувствую себя свободнее, чем дома.

У меня есть своя компания, где мне так весело! Но предки меня не пускают туда: «Там одни шлюхи и пьяницы собираются, курят, матерятся и трахаются. Подонки! Еще раз туда пойдешь — месяц на улицу не выйдешь!»

Это все правда. Ну и что? Там очень кайфовые парни,

с которыми мне очень весело. Конечно, в каждой компании есть «общие» девочки. Я не знаю, кому как, а мне их жалко. Ведь парни их не уважают, смеются над ними, унижают. А вот за что? Конечно, я их не оправдываю, но ведь они отдали этим парням все то, что имели и чего уже никогда не вернешь! Может быть, они хотели обратить на себя внимание, думали, что их будут все уважать. А как обидно им думать, что они нужны парням только для «этого». И у нас в компании есть такая девочка. Парни ее презирают — а она смеется... Я знаю многих девчонок, которые пошли на это. Они хотели какой-то красивой жизни, а что вышло?

Мне скучно жить без моей компании, меня туда просто тянет. Тянет на дискотеки, в бар, гулять. Родители стараются меня оградить от всего этого, но из-за их требований я становлюсь все злее и злее. Я состою на учете в детской комнате милиции, и отец говорит: «Если у вас что-нибудь случится, твои друзья отделаются, а ты будешь в колонии».

Но мне в компании так хорошо!

Дина
г. Новосибирск

Валерий АЛЕКСЕЕВ

ТРИ ЮНЫХ ПАЖА

ПОВЕСТЬ

I

Субботним вечером в середине апреля молодой бородач Борис Лутовкин стоял у окна своей двухкомнатной квартиры на первом этаже серокирпичного дома и ждал прихода людей. Широким лбом прислонившись к стеклу, Лутовкин разглядывал бледное небо, белые стены панельных пятиэтажек, свалявшиеся в серый войлок газоны, за которыми простиралась прямая циклопически широкая улица. Словом «местожительство» исчерпывалось всё своеобразие этого поспешно застроенного пустыря, но Лутовкин не мог так, естественно, думать: здесь он вырос, и всё это выросло вместе с ним. Голые ветки рябин и боярышника буквально стучались в его окно. Яблони бывшего деревенского сада, уцелевшие между домами, стояли как каменные. Вдали собирался дождь.

Юная жена Лутовкина Надежда уехала на субботу-воскресенье к матери, отношения с которой у Лутовкина пока еще не сложились: он никак не мог назвать ее мамой, более того — даже мамой Надежды эта женщина ему не казалась, и он втайне дивился их немислимому родству. И в предвидении долгого вечера Лутовкин позвонил своему школьному товарищу Олегу Никифорову, чтобы тот приезжал к нему с девушкой, а та пускай прихватит с собою какую-нибудь подругу: потанцевать, повеселиться, то-сё. Желательно без чумы двадцатого века.

Такого рода предложения Олегу были не в новинку. Олег ютился у родителей и проявлял немало изобретательности, организуя свою личную жизнь. Лутовкину повезло больше: его старики построили себе отдельную квартиру, коммуналку, оставив государственную молодым. Но это произошло совсем недавно, полгода назад. По сути дела, впервые в жизни Лутовкин оказался хозяином совершенно свободной квартиры. Он вел себя с ней порядком так, как считал возможным.

«Распорядился, как считал возможным» — слова не совсем точные: собственно, и считать-то ничего не пришлось. Едва Надежда уехала, ноги сами привели Лутовкина к телефону, палец сам набрал нужный номер, и Олег моментально откликнулся, как будто только того и ждал: «Модель два — четыре? И бутылка партейной? Всегда готов!»

Лутовкин находился в радостном, почти что праздничном состоянии. Угрызений совести не испытывал, поскольку был слишком поглощен новизною возникающих обстоятельств. Какой-то внутренний диалог в нем, разумеется, шел, но сводился к отрывочным репликам: «Да бросьте вы... с меня не убудет... вся молодость искалечена... инвалид детства». Впрочем, и диалогом-то это нельзя было назвать, потому что внутренний оппонент помалкивал.

Подготовки в данном случае были, конечно же, неуместны. Лутовкин ограничился тем, что убрал все бросающиеся в глаза фотографии, сучки, корешки и прочие дары природы, которые они с Надеждой собирали осенью в Подмосковье. Подсознательно он стремился стереть все индивидуальные черты своего быта, создать впечатление ничейного пространства, наподобие явочной квартиры резидента иностранной разведки или кооперативного дома свиданий, — но отчета себе в этом не отдавал. Спроси он себя — сам удивился бы, зачем выносит красивую вазу на кухню, а веничек багульника ставит в бутылку из-под кефира. Багульник, кстати, указывал на известную тонкость его душевного склада: цветы здесь были бы не к месту, а без цветов — нехорошо.

При этом Лутовкин меланхолично напевал:

— Если б я, к примеру, птенчиком по небу летал, я бы тогда бы сильно трепетал. Но уж не для леса и уж, конечно, не для речки, всё для вас, Борис Андреевич, для своей скотинки, для своей овечки. Ляй-ля-ляй-ляй...

Лутовкин был вполне устоявшимся человеком. Работал старшим техником в лаборатории оптической связи и имел дело с квантовыми генераторами, о которых вправе был говорить «эти чертовы лазеры». Обращению с ответственной техникой его научили в армии, затем в вечернем институте к навыку прибавилось еще и понимание сути. Институт дорожил Лутовкиным и обещал ему преподавательскую ставку, которую Лутовкин ценил не слишком высоко (нашли чем заманивать, десять долларов в месяц), однако в открытую не отвергал. Работала там на кафедре лаборанткой Надежда, молоденькая, круглолицая, потрепанные «старпрепы» изображали вокруг нее пляс мотыльков. При встречах с Лутовкиным на ясном личике Надежды появлялась тень то ли пренебрежения, то ли досады. Так молодые хозяйки смотрят на суповой набор, из которого ничего не сварить. «А

жить как-то надо», — глядя на нее, думал Лутовкин. Для брака в наше спидоносное время такого резона вполне достаточно. В один прекрасный день Лутовкин с юмором объяснился, и его предложение было принято всерьез. Вот так полгода назад Лутовкин стал семейным человеком.

Покончив с уборкой, Лутовкин сменил рубаху: надел нарядную ярко-желтую, приятно обтягивающую его небогатые мышцы.

Теперь надо было выпить для тонуса: так делают многие перед приходом людей. Лутовкину же это было особенно необходимо. Пьют по-разному: устало, лихо, истово, деловито. Лутовкин пил с юмором. Подвыпив, он становился добродушным, деятельным, веселым и тотчас же начинал озиаться в поисках средств, чтоб начудить. Чудить Лутовкин любил, и все его чудачества под хмельком удавались. Вот почему в любом застолье Лутовкин был нужным человеком. Другие, захмелев, ярились, задирали друг друга либо, что еще хуже, начинали качать правоту. Которые еще плакали, которые хвастались физической мощью. Один только Лутовкин никому ничего не доказывал, он был неистощим на выдумки — от доброты своей, от искреннего желания насмешить. Стремления же напиться у него не было, он и не напивался.

Лутовкин достал из серванта початую бутылку коньяка, налил рюмку, отведал, почмокал толстыми губами.

— Глупый пингвин, — сказал он вслух, — глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах. Глупый пингвин? Ну, допустим. Прячет тело? Это ново, это даже детективно. Чье же тело прячет пингвин глупый жирное в утесах? Ах, своё. Тогда понятно: нет состава преступления. Никого он не зарезал, никого он не ограбил, ну а если прячет тело — то не ваше это дело.

Закончив монолог и тем самым подведя черту под внутренним спором, Лутовкин лихо опрокинул рюмку. Затем встал, сказал «бырр», передернул плечами и, подойдя к окну, прислонился лбом к холодному стеклу. В таком положении мы его и застали.

Однако долго пребывать в неподвижности Лутовкин не мог. Оставив на стекле мутноватый отпечаток, он с живостью метнулся к комоду, достал из ящика ножницы, подошел к зеркалу и с высокомерным видом принялся подстригать бороду. Высокомерие шло не от свойства натуры (в принципе Лутовкин был очень прост), а от выставленного вперед подбородка.

Но тут рука его замерла с ножницами на весу: послышался звонок, не телефонный, а дверной, музыкальный. Лутовкин сам его поставил, был ответственным квартиросъемщиком, и отрегулировал по вкусу издавал гудение зуммера, а затем раздавалось «тилинь-тильда». Чтобы добиться непрерывного чистого звона, нужно было

нажать кнопку определенным образом, но об этом знали лишь сам Лутовкин и, конечно, Надежда.

Встревожившись, Лутовкин взглянул на часы: для гостей было еще рановато. Олег, правда, жил неподалеку, но он еще должен был достать выпивку, а девушкам вообще предстояло ехать через весь город. Как бы то ни было, сильный звонок повторился. И, переставив коньяк на пол, за кресло, Лутовкин пошел открывать.

2

Вернулся он в сопровождении низкорослого человечка. Скорее, впрочем, не в сопровождении, наоборот: гость шел впереди, а хозяин, угрюмо ссутулившись, плелся сзади.

Гость бросил на диван задубенелый от старости плащ, решительно выдвинул стул и сел с таким счастливым вздохом, как будто после долгих странствий вернулся к себе домой. Ботинки он снял при входе, брюки почти до колен были забрызганы грязью, а выцветший темный тканевый плащ свидетельствовал одновременно о бережливости и о пренебрежении к одежде вообще.

— Весна-то какая! — сказал он, повернув к Лутовкину лицо, которое можно было бы даже назвать симпатичным, если бы его не портили совершенно старообразные, круглые в черной оправе, очки. — Теплынь невероятная, голова кругом идет.

Лутовкин не ответил. Он постоял у дверей, потом скрестил на груди руки, потом сунул руки в карманы, потом сел на диван.

Случилось непредвиденное: явился Сева Корнеев, еще один школьный товарищ, давно и нежно любимый здесь человек, которого Лутовкин рад был принять в любое время дня и ночи, но, естественно, не сегодня. Сегодня и остренький носик Севы, и маленькая лысинка в чернявых его волосах, и ноги в черных носках — всё вызывало у Лутовкина раздражение. Пожалуй, особенно ноги: попробуй останови человека в прихожей, когда он тут же, у порога, начинает разуваться.

— Что с тобой, старичок? — ласково спросил Сева.

— А что такое? — с усилием, как бы издалека, отозвался Лутовкин.

— Говори громче! — весело крикнул Сева. — Ты же знаешь, в апреле я совершенно глухну.

Скрипнув зубами, Лутовкин ничего не ответил. Прогнать Севу он не мог. Сева принадлежал к тем простодушным людям, которые совершенно не понимают игры обстоятельств, не любят ее и боятся. Сказать ему правду про обстоятельства было все равно что пнуть ногой.

— А Надя где? — спросил Сева.

Лутовкин вяло объяснил.

— Понятно.

Они дружили давно и знали друг о друге практически всё, Лутовкин, Корнеев, Никифоров. В школьные годы это была супертайная организация «ЛУКОН» у которой имелась даже своя резиновая печать, на ней был вырезан трехглавый дракон. Тогда Лутовкин мечтал о солидной партийной работе с телохранителями, двойниками, персональным шофером и засекреченной дачей. Олегу от жизни нужны были деньги, много денег. И женщины, тоже много. А Севе Корнееву требовалась одна лишь всесоюзная слава, причем он соглашался и на посмертную. Когда-то эти наметки с присущим ей стихийным юмором. Времена засекреченных дач отошло, деньги потеряли заключенный в них смысл, слава стала чем-то постыдным. К тому же, по убежде-

н,
и-
на
д-
м
ти,
сь
ю-
м.
и
е-

нию Лутовкина, Сева искал славы где-то не там: победовавши учителем и корректором, он работал в литературном музее, а сколько славы это приносит — догадаться нетрудно. Правда, в свободное время Сева писал книгу. Именно поэтому его сегодняшний приход застал Лутовкина врасплох: по субботам-воскресеньям Сева обычно работал в читальном зале. Нет, не работал, а **работал**: этот глагол в применении к своей книге Сева произносил с особой застенчивой твердостью.

— Остекленелый ты, — сказал Сева. — Неприятности?

Сквозь очки на Лутовкина смотрели его светло-карие девичьи глаза.

— Так, настроения нет, — ответил Лутовкин и отвернулся.

— Что-то не нравится мне у тебя, — сказал Сева. — Розги на столе, рефлексией пахнет...

— Рефлексией? — переспросил Лутовкин и покосился на угол, где стояла бутылка. Она была вся на виду. — А, рефлексией...

В мыслях прокляв всё на свете, он деланно зевнул.

— Не притворяйся, — сказал Сева, глядя ему в лицо. — Один, и рубаху надел такую трагическую... Уж не стреляться ли надумал?

— Еще чего, — буркнул Лутовкин. — Городишь ерунду.

— Не ерунду, — возразил Сева.

И принялся оглядывать оголенные стены. Очки его с любопытством блеснули. Лутовкин забеспокоился: отсутствие даров природы бросалось в глаза. Сам мысля исключительно левым (рассудочным) полушарием, Лутовкин высоко ценил способность правого (интуитивного) делать выводы на основании неполной информации. А Сева был человеком интуитивного склада. При всем своем простодушии порою он высказывал мудрые догадки, которые потом подтверждались. И если он говорил о ком-нибудь «дрянь человек», рано или поздно этот человек проявлял себя дрянью. Сейчас Лутовкин видел, правое полушарие работало вовсю: Сева как бы принохивался к разгадке. Надо было что-то предпринимать.

— Стреляться я не привык, — сказал он, пытаясь сбить Севу со следа. — Это для тех, кто себя больше жизни любит. А я наоборот: жизнь люблю, а себя не ставлю ни в грош.

— Это у тебя что-то новенькое, — продолжая осматривать комнату, без всякого интереса сказал Сева.

— Дурак я, Сева, ты понимаешь, дурак, — заторопился Лутовкин. — Не в том, конечно, смысле, что глупый, а в том, что всё понимаю. Наукой точно установлено, что всё понятно только дуракам. И всё понимаю и за себя, и за тебя, а вот ты ни хрена не понимаешь. Остро ты и умный такой.

Лутовкин эту тираду Сева тоже пропустил мимо ушей. Школьники, не раз заговаривали ему зубы, и Сева привык смеяться в ответ.

— С Надеждой разругался, — сказал он уверенно.

Это было выше человеческих сил. Не выдержав, Лутовкин вскочил, заложил руки за спину, отошел к окну и, встав спиной к Севе, принялся покачиваться на мысках.

— Ладно, старик, — проговорил Сева, — не дергайся. Я тебя не покину.

Чувствуя, как по спине ходят мурашки ненависти, Лутовкин услышал звон стекла, бульканье жидкости.

— Извини, я тут распоряджусь, — говорил, наливая коньяк, Сева. — Тебе многовато.

Пауза.

— Ну, за женщину твою, — сказал Сева. — Ты знаешь, как я к ней отношусь.

Лутовкин знал. Полгода назад, решая для себя вопрос о женитьбе, он спрашивал у Севы совета, и мнение Севы оказалось положительным. Сперва он, правда, отбивался от роли эксперта, но Лутовкин так горячо и убедительно просил, что Сева уступил. Он долго и придирчиво выяснял, нет ли у Лутовкина каких-либо тайных (служебных там или финансовых) мотивов: в таком случае, говорил Сева, я просто умываю руки. Но Лутовкин божился, что всё чисто: Надежда ему нравилась и к тому же, по слухам, умела готовить, а Лутовкин высоко ценил домашнее питание. Единственное, что его сдерживало, — опасение, что его избранница окажется... как бы это помягче... не слишком порядочным человеком. Самая мысль об этой возможности Лутовкина жестоко терзала. Старикам Надежда понравилась, но старики жили устарелыми категориями, их представление о том, на что способны молодые девицы, было, по мнению Лутовкина, недостаточно развитым. На отца, к примеру, произвело впечатление, что Надежда предстала перед ним ненакрашенной, а маму растрогало то, что у Надежды не было осенних сапог. Родители попрекали Лутовкина, что он слишком тянет с женитьбой. «Поматросишь и бросишь?» — язвительно спрашивал отец. А мама заклинала: «Не обижай сироту!» Лутовкин же медлил оттого, что сомневался. Чтоб молодая жена да не гуляла от мужа — это представлялось ему маловероятным. К тому же в интимных делах Надежда оказалась очень стеснительной, это можно было по-всякому толковать. Олег, испытанный друг, был плохим экспертом по части женской нравственности, он сам ходил весь опутанный связями, приносившими меньше радостей, чем хлопот. Оставался лишь Сева, носитель книжной премудрости, знаток человеческих дум.

Надежда привела Севу в восторг, и Лутовкин получил такие бурные заверения, что чуть было не пошел на попятную. «Женись, — твердил Сева, — женись немедленно, и нечего тут думать. Такое бывает раз в жизни. Это твой шанс!» Сам Сева был холост и не обнаруживал

намерения жениться: он считал себя безобразнее саламандры и полагал, что лирическая сторона жизни для него навеки закрыта. Надежду, вполне ординарную девушку, он увидел совершенной красавицей и, устроив семейное счастье друга, вроде бы и сам этого счастья вкусил. Молодые нуждались в общих знакомых, которых им предстояло еще завести, и приходящий друг семьи их обоих устраивал: Лутовкин со стороны Севы мог не опасаться никаких поползновений, а Надежда в присутствии Севы безвредно расцветала и становилась взрослой и кокетливой, ей это шло.

— Ты обо мне подумай,— говорил между тем Сева,— кто ж меня будет блинчиками кормить?

Дело было, разумеется, не в блинчиках. Надежда давно уже вычислила и не без гордости сообщила мужу: «А Севка твой млеет по мне, вот так». Лутовкин не возражал: в определенном смысле это даже льстило его самолюбию. Теперь с приходом Севы в доме Лутовкиных становилось еще уютнее: он приносил с собою ауру бескорыстной заинтересованности, и «кинга», как выяснилось, хорошо расписывать на троих. Сева, как правило, уходил домой проигравшим — оттого, что сражался в одиночку против двоих да при этом еще делал маленькие поблажки Надежде, — но, как дитя, огорчался, проигрывая (вряд ли притворялся огорченным, этого он не умел).

Олега Надежда невзлюбила с первого взгляда: «Противный, и глаза у него белесые». Да и Олег постоянно над ней насмехался — вести себя с замужними женщинами по-другому он не умел.

Между тем выпитый Севой коньяк начал оказывать действие, которое принято называть благотворным.

— Нет, я заранее знаю, что неправ именно ты, — внушал Сева. — Именно ты виноват, поганый ублюдок, и чем скорее ты это признаешь, тем будет легче тебе самому. Я бы на твоём месте сейчас позвонил и покаялся: Надя, я — поганый ублюдок. Уверю, ей это польстит...

Сева вещал вдохновенно. Самое скверное было то, что Сева считал себя вправе все это говорить: будто Лутовкин задолжал ему тысячу рублей и теперь обязан молча выслушивать великодушные рекомендации, как эти деньги лучше вернуть.

— Ладно, кончай, — не оборачиваясь, буркнул Лутовкин. — Развел агитацию. Надоело.

Сева раздраженно умолк, как будто наткнулся на стеклянную стенку.

— Может мне вообще лучше уйти? — спросил он после паузы.

Лутовкин покраснел, повернулся.

— В доме, — напыжвшись, сказал он, — у тебя в доме вопросов не задаю. Но сама по себе мысль очень дельная.

Тут снова зашипел музыкальный звонок, и сердце у Лутовкина екнуло.

— Кто бы это мог быть? — оживленно промолвил он. — Интересно.

3

Хозяин пошел открывать, а Сева подошел к книжным стеллажам, скользнул беглым взглядом по верхним парадным корешкам и, присев на корточки, стал рассматривать нижние, туго набитые старыми брошюрами полки.

Когда Лутовкин устроил эти дурацкие смотрины, Сева рассудил: ну что ж, если человек не приучен к свободному волеизъявлению, возьмем ответственность на себя. С этого ложного шага всё и началось. Встреча состоялась в шашлычной «Ягодка».

Надежда за весь вечер не проронила ни слова и, насколько Сева мог судить по бледному пятну ее лица, даже не улыбалась. Сева знал, что в очках у него слишком испытующий взгляд, и потому сидел без очков. Фигурой, росточком и манерами Надежда походила на прилежную восьмиклассницу — из тех, что прячутся от учительских глаз не у окна, не у двери, а непременно в среднем ряду. Олег, от души наслаждавшийся «госприёмкой», подавал Севе многозначительные сигналы, призывая его приступить к исполнению. Наконец Сева решился, надел очки, взглянул Надежде в лицо — и сердце его всхлипнуло от сострадания. Детское личико Надежды было затуманено тоскливым недоумением. Похоже, она догадывалась, что ситуация для нее унизительна, но не могла уяснить почему. Видимо, общность переживания и вызвала искру: Сева тоже тяготился своей ролью и испытывал перед этим полуробенком смутное чувство вины. Перехватив его участливый взгляд, Надежда благодарно улыбнулась. «Свершилось, — сказал Олег, — есть контакт».

В тот вечер Сева дал себе слово: раз уж ввязался в эту историю, он обязан сделать всё, от него зависящее, чтобы Наде было хорошо. Впрочем, зависело от него очень немногое: был свидетелем в ЗАГСе, помогал молодым двигать мебель, приносил книги и воевал с фирменными календарями, которые Надежда развешала по стенам. Вина и жалость — это было в основе, а остальное доделала фантазия. Любопытный сдвиг произошел у Севы в сознании: все чаще ему казалось, что и семья эта, и бедный ее уют, да и сама Надежда — творение его рук...

Если бы Сева узнал, что, по мнению Надежды, он «тащится и млеет», творческая радость его была бы сильно замутнена. К счастью, он совершенно ни о чем не догадывался и продолжал себя чувствовать в этом доме как дома.

— А, Себастьян, и ты здесь! — весело вскричал Олег.

Такая у него была манера: он не любил называть людей просто по именам, ему это казалось скучным. Бориса Лутовкина он звал то Билли, то Боборыкиным, то каким-то Барбудой, а Сева (Всеволод) превращался у него в Савосю, Володю, Сильвио и Иоганна Себастьяна Баха.

Встреча друзей была бурной и радостной.

— Что-то ты не мужаешь, — сказал Олег, похлопывая Севу по спине. — Пора, друг, пора. Хочешь, я тебя в клуб дзюдо запишу? Это тебе не иго-го. Ездить, правда, придется ко мне в Южный порт, но зато эффект потрясающий. Две недели поломают — и станешь другим человеком.

— А зачем мне другим? — улыбаясь, отвечал Сева. Он вынужден был придерживать очки: от каждого Олегова хлопка они соскакивали у него с носа. — Мне и так хорошо.

— До поры, Савося, до времени, — назидательно сказал Олег. — Защищенным надо быть, эпоха такая. Могут побить.

Он прошел в передний угол, развернул кресло, сел лицом к Севе, долго, прищурясь, дружелюбно на него смотрел. Крупный, светловолосый, самый стандартный из них троих, Олег был в синем пиджаке с металлическими пуговицами, в светлых брюках и казался похожим то ли на летчика-любителя, то ли на молодого миллиардера.

— Что это ты, братец, закипший такой? — спросил он наконец.

— Да вот, — сказал Сева, — хозяин на улице гонит.

— Кто? Бургиба? Не бери в голову. Когда захотим, тогда и уйдем. Ну, а вообще — как у тебя? Далеко еще до синих слонов?

Это была школьная Севина присказка: если каждое утро выливать в унитаз ведро синей воды, то и рыбки в реке станут синими, и трава на берегу посинеет, но до синих слонов еще ох как далеко. Как-то запала Олегу в душу эта нехитрая мудрость, и он часто, по поводу и без повода, ее вспоминал.

— Да приближаемся потихоньку, — с застенчивой улыбкой отвечал Сева. — Восьмая глава.

— Уже восьмая! А как называется?

— «Детская месть Печорина».

— Вона. Ишь ты. Детская месть. Значит, что у нас получается?

И Олег, загибая пальцы, перечислил названия семи предыдущих глав: «Песни карлика», «Песни карлика», «Песни карлика». Олег вообще многое помнил касательно Печорина, и не упускал случая козырнуть памятью. Насколько было трудно судить, в Севиней книге речь шла о Лермонтове (хотя сам

Сева упорно это отрицал: «Нет, о жизни вообще»). Лутовкин уважал словесность, полагая ее равноправною формой познания, но, когда речь заходила об этой книге, он не трудился скрывать раздражение: ему и жалко было Севу, понапрасну тробившего время жизни, и претила вся эта несурзная болтовня.

Поэтому, потоптавшись для виду в гостиной, Лутовкин удалился в прихожую к телефону. Время шло, назревали обстоятельства, и надо было выпутываться из положения.

Был один только способ удалить Севу: звонок мамыши Корнеевой. Сева боготворил свою мать. Эта рыхлая женщина вот уже много лет страдала таинственным заболеванием, природы которого никто не мог определить. А проявлялось это заболевание так: целыми днями она лежала в постели, читала, курила, ночами мучилась от бессонницы, а по утрам жаловалась на головную боль. Все заботы по дому, включая стирку, уборку, стряпню и доставание продуктов, брал на себя смиренный и работающий супруг, майор тыловой службы, а после его смерти домоводческую эстафету принял старший брат Севы, унаследовавший натуру отца. Он работал водителем автобуса, не пил, не курил, не знался с женщинами, всё до копейки приносил в дом и увлеченно обслуживал маму и Севу. Сева трудился над своей монографией, а мать лежала, читала и поглядывала на всех поверх книги желтыми глазами, казавшимися яркими на ее бледном лице. Она живо интересовалась делами сыновей и их приятелей, охотно вступала в беседу. Лутовкин побаивался этой женщины: ее увядший рот с поразительной легкостью произносил желчные фразы, а глаза всегда смотрели беспокойно, зорко и пристально. Сева не уставал повторять, что он ей всем, всем обязан, но в чем это выражалось конкретно, Лутовкин не спрашивал: семейные легенды лучше не разбирать. Олег ненавидел мадам Корнееву всеми переливами своей флотской души: однажды эта женщина назвала его рептилией. Прямо в глаза и сказала, не помнится уже, по какому поводу, а может быть, и без повода, случались с нею такие внезапные озарения, смотрит на человека — и вдруг получай ни за что оплеуху: «А ты, дорогой мой, рептилия». Обременять такую женщину просьбами, да еще деликатного свойства, было, конечно, бессмысленно, но со старшим Корнеевым Лутовкин надеялся столкнуться. Он несколько раз набирал номер — как на беду, мадам Корнеева пребывала в бродячем состоянии и подходила к телефону сама. Услыхав ее тихий, придушенный голос, Лутовкин тут же бросал трубку. На третий или четвертый раз она спокойно сказала:

— Ну, погоди, кошка драная, я тебя отловлю.

Взглянув на часы, Лутовкин впал в уныние и возвратился в гостиную в самом гнусном расположении духа.

Олег как ни в чем не бывало, развалился в кресле, благодушно беседовал с Севой, делился с ним своими жизненными задумками. Сева слушал очень внимательно, даже напряженно, как будто разговор шел на малознакомом языке, и на лице его было смешанное выражение недоверия и почтительности. Планы Олега сводились, как обычно, к тому, чтобы малыми усилиями заработать побольше денег и зажить наконец без проблем, только подсчеты он вел не в рублях, а в финских марках. Купить вскладчину теплоход и водить его по Сайменскому каналу — вот такую идею Олег лелеял, и обещала эта задумка баснословные барыши. Впрочем, у Олега в мыслях всегда были не сотни и не тысячи даже, страшно сказать: если бы его планы сбывались хотя бы в десятой части, он давно уже и в самом деле стал бы миллиардером. Только не могли они сбыться ни на сотую долю процента — слишком много и охотно Олег о них говорил, бесконечные разговоры эти разъедали любой, даже самый надежный замысел, словно ржавчина, создавая успокоительное ощущение, что дело уже идет.

Нет, кое-что Олегу ухватить удавалось, но больше, как он сам признавал, «на дуру», по мелочам. Вдобавок Олег недостаточно твердо держал собственную мысль, и сегодняшний рассказ его то и дело соскакивал на какую-то не относящуюся к делу трансформаторную будку, которую ему обещали уступить почти даром, за десять тысяч даже не марок, а просто рублей. По всей вероятности, Олег уже взял на себя какие-то обязательства перед владельцами будки, и воспоминание об этом его неприятно волновало.

— А что, она на самом берегу стоит? — добросовестно пытаюсь вникнуть в суть идеи, спросил Сева.

— Кто на берегу? На каком берегу? — удивился Олег.

— Не кто, а что, — терпеливо и кротко пояснил свой вопрос Сева. — Телефонная кабина, она прямо на берегу?

Олег долго молчал, серьезно глядя на Севу.

— Да, брат Сильвио, — сказал он наконец. — Интеллект у тебя для других целей.

Лутовкин понял, что настал подходящий момент.

— Ну что, ребята? — сказал он, нервно потирая руки. — Чтой-то знобит меня сегодня. Выпьем граммuleчку — и ступайте вы по домам. А я себе прилягу.

— Вот, пожалуйста, опять, — проговорил Сева, обращаясь к Олегу. — Я тебе говорю, он плохое задумал. Одного его никак нельзя оставлять.

— Почему нельзя? Можно, — сказал Олег и поднялся во весь свой вытянувшийся рост. — Ежели связать хорошенько — то можно.

Правильно, он подошел к Лутовкину, обхватил его своими могучи-

ми лапами и, хотя Лутовкин раздраженно сопротивлялся, поднял его и закинул себе на плечо.

Сева понаблюдав, как Лутовкин дрыгает в воздухе ногами, потом молча направился к выходу.

— Э, ты куда? — спросил Олег. — За веревкой?

— Нет, домой позвоню, — сказал Сева. — Надо маму предупредить, чтобы к ужину не ждала.

5

Когда он вышел, возня сразу же прекратилась. Олег поставил Лутовкина на пол, тот с досадой передернул плечами и плюхнулся на диван.

— Ну что ты будешь делать?

— Давно сидит? — вполголоса спросил Олег.

— Да полчаса уже, если не больше, — шепотом отвечал Лутовкин.

— И не понимает?

— И не понимает! — сказал Лутовкин с отчаянием. — Я уж и так, и этак... А напрямую — нельзя. Ты его знаешь.

Олег задумался.

— М-да, накладочка, — сказал он. — Значит, пошел у мадамы отпрашиваться... А может, мадама его призовет?

— Она как раз в форме, — печально промолвил Лутовкин. — По квартире колышется.

— Ну, ничего, — сказал Олег, помолчав. — Я его сейчас вразумлю.

— Нет уж, ты, пожалуйста, не встревай в это дело, — вскинулся Лутовкин. — Знаю я тебя, китобоя. Тут ситуация деликатная, тебе не понять.

— Чистеньким хочешь остаться? — насмешливо спросил Олег. — В желтой рубашончке, брезгливенький такой? А я, значит, отброс, портянка?

— Ты холостяк, братуля, — миролюбиво ответил Лутовкин. — Это всё в корне меняет. По крайней мере для него.

Олег не любил долго сердиться.

— О-хо-хонюшки. — Он походил по комнате, поколупал ногтем прутик багульника. Вдруг светлые брови его насупились.

— Слушай, — он повернулся к Лутовкину, — ты кошелку мою из прихожей унес? Там две бутылки «Сахры», банка сайры...

Лутовкин раскрыл рот и ничего не ответил.

— Тогда всё, — весело сказал Олег. — Тогда не знаю, как ты будешь вывинчиваться.

Он засмеялся.

— Очень весело, — раздраженно проговорил Лутовкин.

Это рассмешило Олега еще больше. Раскиснув в беззвучном хохоте, он сел на пол.

— А матрёшки-то... — простонал он, плача от смеха.

— Ай, ну тебя к черту! — глядя на него, Лутовкин сам начал сдержито смеяться.

— А матрёшки-то... едут, едут... — стонал, хохоча, Олег. — Скоро будут... А у нас тут... всё готово... полный дом экспертов...

— Во юродивый! — нервно смеясь, сказал Лутовкин.

Он поднялся и пошел в смежную комнату. У двери остановился, погрозил Олегу пальцем.

— Ты смотри у меня, без самостоятельности. Я всё образую.

6

Сева появился минут через пять. Увидав Олега сидящим на полу, удивился:

— Что с тобой, дорогой?

Олег не ответил. Он лениво поднялся, снял пиджак, осмотрел его, отряхнул и повесил на спинку стула. Ему было неприятно, что его застали задумчивым. В голове у него так сложилось, раз задумался — значит больной. А думал он, естественно, о жизненном неустрое. Какой-нибудь бразильский капитанишка шлёпает на своей посудине по Амазонке, в двадцать пять наверняка имеет и фазенду, и трехэтажный особняк с гаражом, и катер, и жену с кучей детишек, и парутройку надежных слуг. Да Бог с ними, со слугами, можно жить и у нас, вон даже Боборыкин и тот в отдельной квартире тешится с молодою женой. А мы что, меньше об лёд колотились?..

— Ну и что, отпросился у мамульки? — спросил он наконец.

— Мама больна, не забывай, — мягко сказал Сева. — Ей нельзя волноваться. Она опять всю ночь не спала.

— Ну, еще бы, — Олег усмехнулся. — Если днем высыпаться...

Но, заметив, что Сева расстроился, тут же пошел на мировую:

— Впрочем, извини. Это я так.

Посидели, молча глядя друг на друга. Севина мама в этой компании представляла собою объект, говорить о котором вообще нежелательно: тем самым все трое молчаливо признавали, что с нею что-то не так. Однако Олег не всегда мог удержаться, и Сева, помня о «рептилии», это ему прощал. Иногда и мама, человек безупречного ума, ошибалась.

— Я смотрю, ты грандиозное затеял, — сказал наконец Сева. — Буфеты, конфеты... А с чего?

Олег потянулся на дверь — Барбуда как будто вымер. Инструкций не было, надо было действовать самому.

— Да тут понимаешь,— небрежно проговорил он,— день рожденьчик небольшой...

— Не болтай,— возразил Сева.— Я ваши дни рождения помню, слава Богу. Небось, корабль свой утопил и страховку теперь пропиваешь.

— Не надо так говорить, Всеволод,— серьезно сказал Олег.— Мы люди суеверные. А день рождения у одной моей знакомой. Простая общежитская девчонка, встречать нигде, не на улице же встречать? С подружкой придет. Ты пойми, Володя, пойми и не осуждай. Жизнь — она ведь не ко всем домашним боком. Вон в Эфиопии что творится... Что ты хмуришься, детка? Что тебе не понравилось?

— Да неудобно,— задумчиво сказал Сева.— Я же не знал...

Он посмотрел на свои захлюстанные штаны, на ноги в черных носках. У Олега в этом смысле было всё в порядке: ботинки его и брюки сверкали такой чистотой, как будто он шел сюда посуху.

— А что тебя гложет? — поинтересовался Олег.

— Без подарка — нехорошо...

— Да, подарок — это, конечно... — Олег выжидающе смотрел на Севу: надо было, чтобы Сева сам пришел к нужному выводу.

Но в это время зажужжал музыкальный звонок — за сегодня уже третий.

— А вот и они,— весело сказал Олег.— Боря, встречай гостей! — громко крикнул он в соседнюю комнату.

— Бегу! — отозвался Лутовкин. И в самом деле затопал по коридору.

— Ничего,— продолжал Олег,— перебьются и без подарка. Они девчонки простые, не протокольные. В общем, свои.

В прихожей слышался шум. Женский голос, довольно резкий, произнес:

— Нет, нет, спасибо, мы сначала в порядок себя приведем. Такая грязь у вас в районе, такая раскисень! Хотя бы встретил кто-нибудь.

Лутовкин что-то сказал в ответ, должно быть, остроумно оправдался, потому что раздался серебристый смех.

Оставив девушек у зеркала, Лутовкин вернулся к друзьям. Встал в дверях, глядя поочередно то на Севу, то на Олега. Вид у него был довольно растрепанный.

— Ну, и куда ты девал новорожденную? — непринужденно спросил Олег.— Сознаться, старый греховодник.

— Новорожденную? — тупо переспросил Лутовкин.— А...

— Сразу видно женатика,— перебил его Олег,— совсем отвык от светских оборотов речи. Милый Бобик, если есть день рождения, должна быть и новорожденная. Естественный вопрос: куда ты ее подевал? Мы, например, желаем ее поздравить.

— А, ну да,— с облегчением сказал Лутовкин.— Черт! Сейчас подошло.

И удалился.

— Растерялся Барбуда,— сказал ему вслед Олег.— Слушай,— он повернулся к Севе,— ты только Надюшке не докладывай, что мы тут без нее мероприятие провели. В конце концов это я навязался... со своими василисками. Соображаешь?

— Почему с василисками? — улыбаясь, спросил Сева.— От Василисы или от василисков?

Олег не понял шутки (по правде сказать, довольно натушной) и потому нахмурился.

Так в чинном молчании они подошли к двери и встали по обе стороны, ожидая появления дам.

7

Вошли две девушки: одна поплотнее, светловолосая, в пышном голубом платье (не стоило труда определить, что это у нее резкий голос и серебристый смех), другая в темно-синем, джинсовом, с неправильным свирепым личиком, темные волосы распущены по плечам, на груди черный шелковый бант.

— А вот и мы,— произнесла толстушка.— Добрый вечер, мальчики...

— Целую ручки, целую ручки,— с нерусской галантностью проговорил Олег и в самом деле поцеловал довольно неуклюже подставленные ему руки.— Позвольте представить: мой общий друг Всеволод Корнеев, широко известный как Себастьян Бах, доцент, гарант, эксперт и светлой души человек.

Сева покосился на Олега и шаркнул необутой ногой.

— Меня зовут Женя,— приветливо сказала толстушка,— а это Аля.

— Кого ж из вас можно поздравить? — конфузливо спросил Сева.

— Поздравить? Ха-ха-ха! — Женя залилась серебристым смехом.— Замечательно!

Очки у Севы затуманились, он оробело повернулся к Олегу: что я такого сказал?

— Женечка,— недовольно заметил Олег,— ты прелестно смеешься, но в данном случае твой смех неуместен. Здесь все свои, и скрывать нам нечего. Открою маленький секрет: как раз сегодня наша Аля стала на год старше... по сравнению с тем же числом прошлого года. У-ти-ти, денежко-денежечка ты наша!

Он ловко выхватил из кармана соску-пустышку, протянул ее Але. Та усмехнулась, пожала плечами, но взяла.

— Это мы с товарищем доцентом,— пояснил Олег,— скинулись на скромный подарок. Смотрите: приняла пустышечку! С первого раза приняла. Значит, будет жить.

— Ну, Олег, ну, заводной! — жизнерадостно воскликнула Женя, но лицо у нее при этом сделалось оскорбленным и даже злым.— С тобой не соскучишься.

— А это на счастье,— волнуясь, сказал Сева и вложил Але в руку что-то тускло блеснувшее. Аля подняла руку, разжала пальцы — на ладони у нее лежал гладкий темно-синий камешек.

— Ой, жучок! — проговорила Женя и умиленно посмотрела на Севу.— Красивенький... А мне?

— К сожалению, у меня только один,— порозовев, сказал Сева.— Пятнадцать лет носил в кармане, думал — повезет, и вот пригодилось.

— Вроде навозный,— заметил, приглядевшись, Олег.

— Сам ты навозный! — возмутилась Женя, сразу воспылавшая к Севе симпатией.— Тоже мне, специалист по сельскому хозяйству.

— Нет-нет, всё правильно,— сказал Сева.— Именно навозный скарабей. У египтян он считался священным. Мама сказала: носи, ну я и носил.

— В кармане,— сказала Женя,— а надо на цепочке, на шее. Дай-ка,— обратилась она к подруге,— дай-ка, я рассмотрю.

Но Аля зажала скарабея в руке и протянула его Севе.

— Не надо,— сказала она (голос у нее был низкий, грудной),— не надо, глупости это всё. Возьмите.

— Давай, давай мне, если глупости,— Женя заливисто рассмеялась.— У меня и цепочка есть, серебряная. Как раз к голубому платью.

Аля повернулась к подруге, оглядела ее платье. Потом опять настойчиво протянула руку к Севе.

— Возьмите,— сердито сказала она.— Не надо, я не хочу.

Сева растерялся. Спрятав руки за спину, он снова посмотрел на Олега.

— Не хочет навозного,— бесстрастно пояснил Олег,— хочет золотого.

Аля метнула на него убийственный взгляд и неожиданно, изловчившись, сунула скарабея в нагрудный карман Севиного пиджака.

— Носите сами,— сказала она при этом.

И видя, что Сева вспотел от конфуза, примирительно тронула его за рукав.

— Может, еще повезет,— добавила она и, улыбнувшись, сделалась миловидной: скуластая, смугловатая, светлоглазая, с большим, своеобразно очерченным ртом.

— Ну, вот и ладненько,— сказал Олег.— Теперь будем действовать

Рисунки Марины ПИНКИСЕВИЧ

так: ты, Аля, ступай на кухню, там Боборыкин один вкалывает. Ты, Женечка, останешься здесь, мы будем протирать фужеры. А товарищ доцент у нас мастер столы раздвигать.

— А где здесь кухня? — глядя на Севу, спросила Аля. Она, по-видимому, пыталась как-то загладить свой грубый отказ.

— Пойдемте, я вас провожу, — деревянным голосом ответил Сева. Он подал руку и повел ее в коридор. Со стороны это выглядело довольно забавно: тщедушный мужчина в черных носках — и дама в модных туфлях и нарядном платье.

— Что это вы, ребята, ерунду какую затеяли? — спросила Женя, когда они с Олегом остались одни. — Чет-нечет. Или мода пошла?

— Кыш! — прикрикнул на нее Олег. Постоял, прислушался, со вздохом сел на диван. — Экспериментальный вариант: два волка, две козы и капуста.

— Да что происходит, в конце концов? — сердито спросила Женя.

— Что, что... — передразнил ее Олег. — Зачтокала. Доцента выставить не можем.

— Господи, делов-то... — протянула Женя. — Взять за ухо и сказать: мальчик, пшёл вон, ты бяка.

— Не всё так просто, Женечка, — сказал Олег. — Это не мальчик, это наш друг и притом ходячая экспертиза.

— Так пускай остается! — рассудила Женя. — Может, даже так веселее. Только без драки.

— Нет, ты не въехала, — возразил Олег. — Барбуда при нем стесняется.

— Чего-чего? — насмешливо переспросила Женя. — Этот... стесняется? Да он в трамвае готов...

Тут в голове у нее, по-видимому, что-то соскочило, она на секунду умолкла, забыв, о чем идет речь, и вдруг накинулась на Олега:

— Дурак ты какой-то, а не капитан. Ну что б тебе было сказать, что это у меня день рождения?

— Прости, не сообразил, — серьезно ответил Олег. — Откуда мне было знать, что у него бижутерия в кармане?

— На улице, наверно, нашел.

— Нет, вряд ли. Я думаю, папаша его, покойник, привёз, он в Арабии тылы обеспечивал. А кстати... — Олег тоже с легкостью менял предмет разговора. — Кстати, о птичках. Где это ты откопала такую красотку? В твоей общаге я что-то ее не встречал.

— Красотку? — Женя высоко подняла светлые бровки. — Ха-ха-ха. Уж ты скажешь. Из села Перкино она. А в общаге только ночует... раз в месяц. Тоже мне красотка!

Олег обнял ее, притянул к себе, посадил на колени.

— Ну, ну, не злобствуй. Ты для меня краше всех, сестричка моя... незнакомая...

Сестричками Олег называл всех своих подруг — в порядке профилактики, чтоб не заносились в мечтаниях.

— Бедная твоя, — упираясь обеими руками ему в грудь, Женя сердито попыталась вырваться. — Братишка названный...

Олег старался не так, что она пискнула. Некоторое время стояла со сдержанной улыбкой, потом Женя как ни в чем не бывало сказала:

— Это ей надо стесняться.

Слово «ей» она произнесла с нажимом, и, не видя всей сцены, выдержанной в сочном фламандском стиле, можно было бы вообразить, что это говорит злонравная добродетельная старушка.

— Кому это ей? — лениво спросил Олег.

— Сам знаешь кому, — отвечала Женя — Как это жена молодая не умеет собственного мужа удержать? Живут себе вместе, спят под одним одеялом...

— Это верно, — согласился Олег. — С мужем надо обращаться строго по инструкции.

— Ох, я бы на ее месте... — Женя мечтательно сощурила глаза.

— А что бы ты на ее месте? — любопытствовал Олег.

— Я бы показала ему козью морду.

— Так покажи, вот тебе и случай, — добродушно сказал Олег. — А я пока твоей пейзажкой займусь.

— Кем-кем? — удивилась Женя.

— Пейзажкой, в смысле колхозницей. И будет у нас бригадный подряд.

— Лапы-то свои тогда подбери, — ласково проговорила Женя. — И где это ты слов таких нахватался?

— Что-то Бобочки не слышно, — заметил Олег.

— Прячется Бобочка, — съязвила Женя, — прячется от твоей красоти.

Но тут Лутовкин, слегка как будто заспанный, вышел из смежной комнаты. У него не складывалось: по-прежнему трубку брала мадам Корнеева. Только теперь она угроз не источала и говорила сладким голосом: «Алло, будьте добры, поддержите, пожалуйста, трубочку, мы проверим на станции, почему не соединяют...» Очень ей, должно быть, хотелось отвадить всех драных кошек, докучающих ее сыновьям.

С приходом Лутовкина Женя встала, смиренно оправила платье — без особой, однако, поспешности.

— Молодцы, — желчно сказал Лутовкин и сел на диван рядом с Олегом.

— А ты зачем сюда пришел? — недовольно спросил Олег. — Где твое место?

— Я им не теща, — огрызнулся Лутовкин.

Посидели, прислушались. На кухне шел вполне дружелюбный разговор, слышимость была — как в театре.

— По руке начинают гадать, — ревниво сказала Женя.

— Ну, что ж, — отозвался Олег, — это сближает.

— Но не у меня в доме, — буркнул Лутовкин. — Вон, буераки кругом, пускай туда идут и сближаются, сколько влезет. Нашли себе игорный дом...

— А не кажется ли тебе, Боба,— с насмешкой спросил Олег,— не кажется ли тебе, что ты здесь вообще какой-то необязательный? Шел бы ты, братец, в кино. Хочешь, я дам тебе трёшник?

Лутовкин покраснел, но сдержался.

— Нет, дорогой,— сказал он высокопарно,— плохо ты Бориса Андреича знаешь. Борис Андреич всегда в эпицентре событий. У него всё рассчитано на пять ходов вперёд.

— Хвастунишка,— проворковала Женя.— Ну и что ты скажешь о подруге моей? Хорош товар?

— Да ничего,— ответил Лутовкин.— Итальянистая.

— Боже мой! — изумилась Женя.— Вы все с ума посходили. Из Перкина она, ясно тебе? Из села Перкино.

— А вы сами, сударыня,— добродушно спросил Лутовкин,— извиняюсь, откеле будете?

— Без пяти минут москвичка,— с достоинством ответила Женя.— Из Красногорска.

— О! — Лутовкин встал и раскланялся.— Сударыня, я лишь однажды имел счастье посетить ваши края, и там мне морду распухли.

— Да, мальчики у нас крутые,— признала Женя.

— Не то слово, сударыня, не то слово!

— А, собственно, чего мы ждем? — зевнув и потянувшись, спросил Олег.

— Суверенитета,— внушительно ответил Лутовкин.— В пределах вверенной мне территории.

Он включил свет и пошел к окну задергивать шторы.

9

— А где холодильник? — спросила Аля, стоя посреди крохотной кухоньки и критически разглядывая обстановку: шаткий стол, явно дачного типа, ярко-красные полки и табуретки.

— Холодильника пока нет,— как бы извиняясь, ответил Сева.

— Так что же делать?

Сева медлил с ответом. Стол был девственно чист, на нем стояла одна лишь солонка, приготовлениями даже не пахло.

— Подождем хозяина,— предложила Аля и, тронув табуретку пальцем, села.

Отсюда из окна был лучше виден яблоневый сад, изломанный, истоптанный и захваченный, как душа пропащего человека.

— Курить здесь можно? — спросила Аля.

— Не знаю, наверно,— ответил Сева.— А вообще в этом доме никто не курит.

Аля пожала плечами. Из широкого кармана платья она достала сигареты, решительно опростала солонку, высыпав соль на стол. Сигареты у нее были германские, недешевой оказалась и дамская зажигалка, которую, закуриив, она положила на видное место.

— В этом доме,— повторила она, выпуская дым из красивых ноздрей.— Вы здесь часто бываете?

— Да, частенько,— ответил Сева.

Аля посмотрела ему в глаза.

— А почему?— спросила она, стряхивая пепел в солонку.

— Как почему?— удивился Сева.— Дружим.

— Слово-то какое... С женой тоже дружите?— спросила Аля и наморщила нос, что, видимо, означало у нее усмешку.

— Тоже,— коротко ответил Сева и отвернулся к окну.

За окном громыхнуло, небо быстро темнело. Белые стены домов стали яркими и как будто бы вздулись, словно наполненные ветром паруса.

— Вы на меня за что-то сердитесь?— спросила Аля.

Сева не расслышал вопроса: весной он действительно глож.

С подарками Аля была не настолько уж щепетильна (скорее даже наоборот), но «навозный жук» попал в больное место. Дело в том, что Аля и в самом деле была из села Перкино, хотя и пыталась это скрывать. Не было лучшего способа уязвить ее, чем напомнить, что родом она из села Перкино. Красивое среднерусское это село, конечно же, ни в чем не было виновато, но москвичей название Перкино отчего-то смешило. Действительно, в сочетании с царственным именем Альбина Перкино звучало диковато. Альбина пробовала выдавать себя за ленинградку, но находились дотошные люди, знавшие Питер лучше,— и поневоле приходилось выкручиваться. Перкино цеплялось за нее, как репейник, и, куда бы Альбина ни попадала, везде непостижимым образом обнаруживалось, что родом она из села Перкино, а обратить это в достоинство, в предмет даже гордости («Да, я оттуда, да, я такая») у Альбины не хватало ума. Можно всё сказанное выше назвать пустяками, но это означает лишь, что нас терзают другие пустяки.

Попад в Москву, Альбина, естественно, сделала себя стопроцентной москвичкой и, как это часто бывает с провинциалками в столице, перестаралась. Ей всё казалось, что над выговором ее смеются, и она усвоила презрительные мяукающие модуляции столичных продавщиц. Боязнь оказаться простоватой в одежде заставляла ее искать вычурные «аксессуары», и сегодняшнее платье ее, к примеру, явно портил черный бант. Борясь со скованностью, Альбина приучила себя жестоко курить, напустила на себя злое высокомерие, и результаты не заставили себя ждать: за девочкой из села Перкино закрепилась

репутация «оторви да брось». До поры до времени Альбина держала поклонников на отдалении, пока не нашелся один, назвавший себя экономистом: сытый взрослый мужчина, он угадал в Альбине задержанного волчонка, обласкал, захвалил, приручил. За все свои хлопоты экономист был щедро вознагражден — настолько, с его точки зрения, щедро, что несколько ополоумел, оставил семью, отпустил длинную бороду и, когда Альбина, уже уверовавшая в себя, дала ему полную отставку, принялся докучать ей, за что ребята из общежития однажды крепко его проучили. Экономист исчез, оставив у Альбины стойкую привычку к развлечениям: деньги у него водились, и поскольку круга людей, где он мог бы показаться с Альбиной, у него не было, он предпочитал проводить время в ресторанах, гостиницах и иных местах отчуждения. Теперь Альбина ни минуты не могла оставаться без радости: не курить — так балдеть. не балдеть — так целоваться, а если не было ни танцев, ни вина, ни поцелуев (бывало, что и сигарет), ей нужно было немедленно ехать куда-то, где имелось и то, и другое, и третье. Очень тянуло Альбину к «Меркурию», но там имелась своя длинноногая бригада, и туда её не пускали.

Видимо, это было у нее в крови: мать-портниха, наградившая дочку звучным именем, учила Альбину «Живи, доченька, пока собой хороша, ни в чем себе не отказывай, старухой еще досыта успеешь набиться. Солидными мужиками не брезгуй, но и молодежи не сторонись, а то в чужих слюнях прокиснешь».

Вот так Альбина из села Перкино оказалась в гостях у старшего техника лаборатории оптической связи. То, что хозяин женат, подруга сообщила ей по дороге. Альбина нисколько не огорчилась: с жена-тыми было проще, от них в любую минуту можно было отделаться. Но так уж устроены женщины, что именно жена Лутовкина интересовала ее больше всего.

— А какая она из себя? — спросила Альбина.

— Кто? — На этот раз Сева расслышал.

— Хозяйка, кто же еще.

— Красивая, — ответил Сева.

— Ну и что? Я тоже красивая.

Сева повернулся, внимательно посмотрел на нее и ничего не сказал.

— Вот тебе и раз! — Альбина изобразила удивление. — Молодой человек, ваше молчание неприлично. В конце концов, у меня сегодня день рождения.

Она коротко зыгмязлась. Сева молчал. Он напряженно и подавленно думал.

— Ну, скажите хоть что-нибудь о моей внешности, — не унималась Альбина.

— У вас в лице,— неохотно проговорил Сева,— есть что-то неандертальское и вместе монгольское. Вы откуда родом?

— Отсюда,— не задумываясь, ответила Альбина. Она еще не догадывалась, что село Перкино уже явилось с нею в этот дом.

— Ну, значит, я ошибся,— сказал Сева.

— Нет, вы не ошиблись. Вы провидец? — быстро спросила Альбина и протянула ему руку ладонью вверх.— Погадайте.

Сева не шевельнулся. Ему не хотелось прикасаться к этой девушке. Она казалась ему похожей на ящерицу — верткую, жесткую, пусть даже и безобидную, но всё-таки лучше ее не трогать.

Подержав немного руку на весу, Альбина подперла ею подбородок. «Ну, погоди,— мстительно подумала она,— тебе это отольётся».

— Видите ли,— медленно начала она,— я действительно наполовину иностранка. Мой отец... если его можно назвать отцом... представитель одной крупной южнокорейской фирмы. Мама познакомилась с ним при очень странных обстоятельствах... она была еще совсем девочкой. Я, собственно, и родилась в Сингапуре... правда, почти ничего не помню, всё было как сон...

Это была сказка, имевшая успех — особенно у юнцов. В ней кое-что не сходилось хронологически, но, чтобы это заметить, надо было вникать. Однако она сразу заметила, что Сева конфузливо опустил глаза.

— Вы мне, кажется, не верите? — спросила Альбина, очень задевая.

— Нет, отчего же... — пробормотал Сева, не глядя на нее, и уши его покраснели. — Всякое случается.

«Два ноль,— отметила про себя Альбина.— Счет растёт, дорогой товарищ. Чем будете расплачиваться?»

— Смотрите, дождь,— сказал Сева.— Может быть, свет включить?

— Не надо, я так больше люблю.

— Ну что ж, посидим, как в деревне,— сказал Сева.

— Почему как в деревне? — спросила Альбина.

— Мы в городе не видим, как темнеет,— пояснил Сева.— Слишком рано включаем свет.

— А вы жили в деревне? — Альбина взялась за другую сигарету: иного развлечения не предвиделось, и ей оставалось непрерывно курить.

— Полтора года,— ответил Сева.— Учительствовал в северо-западных краях.

— Что ж так мало? — глазами Альбина изобразила интерес, хотя ей было скучно.— Не понравилось, значит?

— Скорее я не понравился,— Сева, похоже, освоился и перестал ёжиться.— Детишки задразнили, с коллегами не поладил. У них там

в области свои порядки, феодальный край. Считали меня то ли тайным агентом, то ли ссыльным диссидентом.

— А как вас дразнили?

Сева засмеялся, pokrutil головой. Альбина отметила, что смех у него хороший, только зубы, пожалуй, мелки и желтоваты.

— Глажы,— сказал наконец Сева.

— Что-что?

— Глажы,— повторил он, растроганно улыбаясь. По-видимому, это воспоминание доставляло ему удовольствие.— Это по-местному морошка.

— Морошка? — переспросила, морщась, Альбина.— Вы прямо как по-сингапурски разговариваете.

— Вы никогда не слышали о морошке? — оживился Сева.— Ну, это же замечательная ягода, на болотах растет. Румяная такая, а как поспеет — желтеет и светится.

— Уж прямо светится,— насмешливо сказала Альбина.

— Уверяю вас, как фонарик! Ужасно пристрастился я к этой морошке. Там озеро такое замшелое, берега зыблются, и от морошки желтым-желто. Целыми днями хожу и ем, как журавль. Совсем стал дикий. А первого сентября вхожу в класс — на доске написано глажы. Сначала я не обратил внимания, так они принялись везде писать это слово. И на столе, и на сиденье стула, и на портфеле моем, и даже у меня на спине. Заколебали, как теперь говорят.

— А что, оно неприличное?

— Да нет, обычное местное словечко. И очень точное... я бы сказал, даже красивое: их едят, а они глядят.

— Ну, ну, и что же дальше? — быстро спросила Альбина. Она усмотрела здесь намек на свое рязанское прошлое.

— А дальше — стал я потихоньку сходить с ума. Дошло до того, что в глаза ученикам смотреть не могу. А они всё это быстро улавливают. Сидят две девчушки за первой партой, смотрят на меня не мигая и шепчут: глажы, глажы...

— А вы?

— А я дергаюсь.

— Странно,— сказала Альбина и засмеялась.— Очень странно. Но теперь-то прошло?

— Уж если рассказываю — значит, прошло,— ответил Сева.— Другой, наверно, бзик появился, свято место пусто не бывает.

Тут тихо скрипнула дверь, и оба они обернулись. Вспыхнул яркий свет.

— Сумерничаете? — спросил Лутовкин. Он стоял в дверях с суровым оскорбленным лицом.— Сева, а тебя к телефону.

— Кто? — удивился Сева и встал.— Кому я понадобился?

Лутовкин пожал плечами.

Когда Сева вышел, Лутовкин тут же подсел к столу и сделал первый заход.

— Три юных пажа покидали,— пропел он вкрадчивым голосом,— навеки свой берег родной, они так ужасно рыдали, стоял оглушительный вой...

Аля потушила вторую сигарету. Держа третью в руке, она внимательно и сосредоточенно слушала Лутовкина.

— Люблю белокурые косы,— грассируя под Вертинского, пел Лутовкин,— так первый, рыдая, сказал, но я не хочу, чтоб вопросы мне каждый дурак задавал... Аленька, это вы мне испохабили солонку? Отчаянный вы человек. Или ссор не боитесь?

Усмехнувшись, Аля закурила и, вскинув голову, выпустила дым из ноздрей. С этим всё было понятно, с этим она знала, как себя вести.

— А-лень-ка! — ласково продолжал Лутовкин.— Вся така маленька... Я вас буду Аленькой звать, не возражаете?

— Слащавых мужиков не терплю,— сказала Аля.

Лутовкин был несколько обескуражен, но не терял бодрости духа. Он отступил и перегруппировал ряды.

— Второй повторял беспрерывно: я чёрные косы люблю, смотреть на блондинок противно, за что и муки терплю...

— Жена ваша блондинка? — спросила Аля.

Лутовкин остановился.

— При чем тут жена? — с горечью сказал он.— Ну, при чем тут жена? Я вам такие песни пою, а вы сквернословите...

— Жене своей и пойте,— насмешливо сказала Аля.

— А для жены у меня другие песни,— не сдавался Лутовкин.— И попрошу не лезть со своим маникюром в мои семейные дела.

— Ну, ладно, ладно,— Аля протянула руку и потрепала Лутовкина по голове — снисходительно, как мать великовозрастного баловня-сына.— Ладно, разошелся. За стол скоро сядем?

Лутовкин хотел что-то сказать, но обернулся и увидел стоящего в дверях Севу.

— Да, незадача,— озабоченно проговорил Сева.

— А что такое? — с живостью спросил Лутовкин.

— Да братец мой ключи куда-то подевал, войти не может, из автомата звонил. А мама заснула, наверно. Схожу, посмотрю.

— Надо же! — вздохнул Лутовкин.— Это ж надо!

— Так что вот,— сказал Сева, обращаясь к Альбине.— Прошу меня извинить.

— Жалко,— ответила она.— Только разговорились.

— Нет-нет,— поспешно возразил Сева,— я не прощаюсь. Сбегаю и вернусь. Здесь рядом. Я даже плащ не возьму.

— Давай,— откликнулся Лутовкин.— Непременно. Одна нога здесь, другая уже там.

Когда хлопнула входная дверь, Лутовкин медленно повернулся к Але.

— Что это вы меня так... просвечиваете? — спросил он после паузы.— Аж знобит.

— Рубашка у вас красивая,— сказала Аля, морща нос.

Лутовкин был польщен.

— М-да? — сказал он, просияв, и потрогал кармашки.— Может быть, на ты перейдем... по такому случаю?

— Давай перейдем,— согласилась Аля.— Он что, действительно доцент, твой приятель?

— Нет,— недовольно ответил Лутовкин.— А какое это имеет значение... скажем, для нас с тобой?

— Ну, как же,— сказала Аля.— Никому не расскажешь, что у тебя знакомый доцент: пальцами будут показывать. Вот, скажут, путается со всякой швалью.

Лутовкин насупился.

— Между прочим, этот человек здесь случайно,— промолвил он.— И, по-видимому, не вернется.

— Вернется,— морща нос, ответила Аля.

Тут в кухню осторожно заглянули Олег и Женя.

— Стало как будто просторнее,— жизнерадостно сказал Олег,— или мне показалось?

— Все свои,— с гордостью ответил Лутовкин.— Без возвращенцев.

— Как же это тебе удалось?

— Братишка у него смысленый,— охотно пояснил Лутовкин.— Теперь не выпустит. Но, говорит, если вы мне его подпоили, приду кости ломать.

— Он такой,— подтвердил Олег.— Я его руку знаю.

— А что мы, собственно, теснимся в подсобном помещении? — проговорил Лутовкин и встал.— Пожалуйте к столу.

11

В большой комнате уютно горел торшер, шторы были плотно задернуты, на столе, кроме багульника, коньяка и «Сахры», расставлены были тарелки с бутербродами и вскрытыми консервными банками. Имелся даже аккуратно нарезанный вареный язык.

— Как много всего! — пропела Женя.— И откуда берётся?

— Однако приборчиков пять,— сказал Олег.

— Камуфляж, камуфляж,— радостно ответил Лутовкин.— Видимость плюргитма.

Расселись: Борис и Аля справа, Олег и Женя слева.

— И плащик оставил,— заметил Олег, оглянувшись.— А может, все-таки подождать?

— Исключено,— заверил Лутовкин.— Хотя...

Он трагически посмотрел на Алю.

— Хотя высказывались и другие мнения.

Запрокинув голову, Аля захохотала. У нее были прекрасные зубы.

— Что с тобой, радость моя?— спросила Женя.

— Ничего, сейчас пройдет,— сказал Олег.— Это у нее от плюрализма.

Однако Аля продолжала смеяться.

— Аленька,— капризно проговорил Лутовкин,— может, поделишься с нами? Вместе и посмеемся.

— Глажы,— сказала Аля сквозь смех.

— Не понял.— Лутовкин самолюбиво поджал губы.

— У тебя желтые бесстыжие глажы,— смеясь, пояснила Аля.

— Тем более не понимаю.— Лутовкин обиделся.— Я же не обусждаю твои дефекты...

— А у меня их нет,— сказала Аля.

— Девушка, ты распоясалась,— строго заметила Женя.— Тебя, оказывается, в приличный дом нельзя привести.

Олег постучал вилкой о бутылку, требуя тишины. Тишина воцарилась.

— Ну, что ж, друзья и примкнувшие к ним подруги,— сказал Олег значительным голосом.— Мы долго ждали этой минуты и наконец дождались. Но радоваться я не вижу причины: от нас ушел последний, можно сказать, хороший человек...

— Да будет пухом земля...— перебил его Лутовкин.

— Я не туда хотел,— недовольно сказал Олег.

— А я туда!— вскричал Лутовкин.— Да будет пухом земля под его нетвердыми шагами! Выпьем за наивных людей.

— Все мы были когда-то наивными...— сказала Женя и с удовольствием выпила «Сахры».— Люблю сладкие вина,— добавила она, облизывая губы.

— Да и сейчас временами,— Лутовкин посмотрел на Алю со значением,— как идиоты, верим во что-то хорошее, ждем чего-то, надеемся: вдруг обломится...

Аля снова захохотала.

И в эту минуту зашипел дверной звонок.

— Обломилось,— язвительно проговорила Женя.

— Главное для здоровья что?— сказал Олег и предусмотрительно выпил.— Главное — не прерывать акта.

Лутовкин сидел вполоборота к двери и терзал свою бороду пальцами.

Тишина, снова звонок.

— Боря, не открывай,— сказала Женя.— У нас инвентаризация.

— Ну, нет,— возразил Олег.— Мы так не можем. Как не открыть властям, ты что? Верно, Бабурин?

— Ай, помолчите,— грубо сказал Лутовкин.

Он напряженно прислушивался.

— Нет, вроде бы пронесло.

Но тут снова зажужжал зуммер, и лицо Лутовкина исказилось.

— С-сучий настырник,— сказал он, встал и вышел в прихожую.

— Может, хозяйка? — предположила Аля и наморщила нос.— Как ее, кстати, зовут?

— Кстати Надежда,— сказал Олег.— Нет, у Надежды особый звонок, я знаю. Вот так: тилинь-дилинь, тилинь-дилинь...

— Ты что раззвонился? — одернула его Женя.— Вон... — она кивнула на Алю,— из-за нее всё. Сидит и радуется.

— Я радуюсь, а ты злишься,— весело ответила Аля.— Каждому своё.

Олег между тем неторопливо ел.

— Женечка,— сказал он жуя,— надо уметь перестраиваться. На твоих глазах создается новое соотношение сил...

12

Сева ворвался в комнату запыхавшийся, возбужденный. Пиджак его дымился от сырости. На сей раз он не разулся при входе, но брюки его и ботинки были достаточно чисты.

— Черт, ну и дождь пролился! — сказал он.— Прямо как летом.

— Садись, дорогой,— дожевывая, пробормотал Олег.— Заждались, честное слово.

Сева хотел усесться на свободное место во главе стола, но разъяренный Лутовкин схватил его за рукав.

— Не сюда! — рявкнул он.— Протокола не знаешь?

Он усадил Севу рядом с Альбиной, демонстративно сдвинул их стулья, поставил Севе чистый прибор. Перекинув через руку полотенце в другую руку заведя за спину, налил ему вина. Щелкнул каблук, согнулся в поклоне.

— Что еще прикажете? — склонив голову к плечу, прошипел он.— Изготов свеженький рекомендую-с. Только что вырвали из пасти скота.

— Да будет тебе, угомонись,— сказал Сева и отвернулся, как будто от Лутовкина плохо пахло.

— Слушаю,— Лутовкин, пятясь, отошел.

— Ну, какие новости принесли? — спросила Севу Альбина.

— У подъезда дерутся,— ответил Сева, старательно подбирая себе закуску.— Но без ножей.

— Славно-то как! — посмеиваясь, сказала Альбина.

— Есть предложение возобновить тост — сказал Олег, когда Лутовкин уселся на председательское место.— Пьем за наивных людей. Ибо это они делают мир...

— Таким продувным,— заключил Лутовкин.

Он выпил, никого не дожидаясь, и мрачно потянулся за сайрой.

— Ну, нет,— возразил Сева.— Быть может, я чего-то не понимаю, но мы справляем день рождения. Предлагаю тост за девушек апреля, за их весеннее счастье.

— Как будто счастье может быть зимнее,— сварливо сказала Женя.— Счастье — это счастье.

— А что такое счастье, радость моя? — поинтересовался Олег.— Извини за лимитский вопрос.

— От лимиты слышу,— не задумываясь, ответила Женя.— Мы и про счастье можем. Счастье — это когда у тебя есть всё, что есть у других. И когда ты можешь делать всё, что позволяют себе другие.

— Интересно,— пробурчал Лутовкин, копаясь вилкой в консервной банке,— интересно, что позволяют себе в данный момент дети Рокфеллера.

— При чем тут дети Рокфеллера? — вскинулась Женя.

— А при том,— отвечал Лутовкин,— что с такой программой не видать тебе счастья, как своих ушей.

— Ответ не засчитан,— резюмировал Олег.— Передаю микрофон имениннице.

— Что за детские игры,— сказала Альбина.— Ты на своей барже массовиком, наверно, работаешь?

— Бывает, что и клоуном,— беззлобно ответил Олег.— Что делать, если пассажиры сидят, как проглоченные. Так будешь отвечать или нет?

— Пожалуйста,— сказала Альбина.— Нудить так нудить. Счастье — это когда у тебя есть то, чего нет у других. И когда ты можешь позволить себе то, чего не могут другие.

— Между прочим,— проговорил Лутовкин,— у нас по району гуляет маньяк. Отлавливает девиц и убивает их шилом. Может себе позволить.

— Глупо,— сказала Альбина и пренебрежительно дернула плечом.

— Ответ не засчитывается,— заключил Олег.— Что скажут доценты?

— У каждого человека есть то, чего нет у других,— помедлив, сказал Сева.— Только не все умеют это ценить, оттого и несчастны.

— Ну, правильно,— отозвался Лутовкин.— Люби, что имеешь,

и нечего возникать. Так говорят враги перестройки.

Глядя прямо перед собой, он доставал из банки ломтики сайры и один за другим механически клал их в рот. Борода его, обыкновенно приглаженная, сейчас топорщилась во все стороны. Лутовкин страдал от внутреннего разлада: хмель побуждал его дурачиться и чудить, а ситуация — хранить угрюмое спокойствие.

— Проще надо жить, господа,— сказал Олег.— Что это вас всех заиклило: другие, другие... В этом деле никаких других нет. Счастье — это когда человек молод, здоров, богат и свободен.

— И еще при этом умен,— заметила Альбина.

— А вот это уже личный выпад,— возразил Олег.— Попрошу огрaдить мою честь.

— Что-то у меня голова разболелась,— сказал вдруг Лутовкин, и это было очень похоже на правду.— Пойду полежу.

И, не дожидаясь протестов, поднялся из-за стола.

— Ну, братец, это не дело,— недовольно сказал Олег.— У тебя в доме твоих друзей поливают. Хозяин ты или не хозяин?

— Да все же свои,— вяло ответил Лутовкин.— Делайте, что хотите.

И, по-стариковски шаркая ногами, он вышел в смежную комнату. Там, кряхтя, сел на кровать, разулся и, высоко задрав ноги в желтых носках, завалился на подушки.

— Ладно, мы не гордые,— сказал после паузы Олег.— Будем голые на столе танцевать. Верно, девчата?

— Я еще не наелась,— капризно проговорила Женя.

— Лопай, кто тебе мешает.

Олег встал, прошел в спальню, о чем-то спросил хозяина. «Бу-бу», — отвечал Лутовкин. Вернувшись с магнитофоном «Тоника» и коробкой кассет, Олег сел на пол за диваном и принялся налаживать музыку.

— Что-нибудь старомодненькое,— бормотал он.— Я человек степной, не люблю скакать без нужды.

Грянула музыка. Это была запись аргентинской пластинки «Танго, славящие эпоху». Сама пластинка у Лутовкина тоже имелась, он ее очень берег и держал в запаянном пластиковом конверте.

— Ну, пошли? — сказала Альбина, повернувшись к Севе и жеманно выпуская дым.

Сева покорно поднялся. Оставив сигарету на своей тарелке, Альбина встала и положила обе руки Севе на плечи.

— Сними очки,— приказала она.

Сева помедлил, но очки все-таки снял и аккуратно положил на комод. Женя, наклонив голову и по-свекровьи поджав губы, смотрела на них из-за стола.

Танцором Сева был неважно — чего, впрочем, и следовало

ожидать. Нелепо притопывая правой ногой, левую он волочил по полу, как если бы она у него была деревянная или не сгибалась в колене. Но Альбина чувственно и обещающе улыбалась, словно это сутолочное движение будило в ней самую тайную женскую суть. Еще она гладила Севу по лацканам пиджака, склоняла голову к его плечу (глаза ее при этом были холодны, как лампы дневного света) и время от времени стискивала его ногу своими узкими бедрами — то есть проделывала всё то, что, по ее понятиям, полагалось. Однако Сева смотрел в сторону, вроде бы даже не замечая ее стараний.

Наконец Альбине это наскучило.

— Ну, и чего ты приперся? — спросила она.

— Простите, не понял вопроса, — Сева, мучительно щурясь, повернул к ней лицо.

— Ты вернулся, чтобы молчать?

— А что я должен говорить?

— Брось прикидываться дурачком, — сердито сказала Альбина — Ну, например, какие у меня дивные глаза, несравненные волосы, губы.

— Но без очков я ничего этого не вижу.

— Все равно, так положено. Иначе у нас с тобой ничего не получится.

— А что, собственно, должно получиться? — спросил Сева.

— Очень даже многое, — игриво сказала Альбина.

Сева промолчал. Он смотрел в сторону спальни. В открытую дверь видно было, как ноги Лутовкина в желтых носках (одна закинута на другую) подергиваются в ритме танца.

— За дружка переживаешь? — прищурясь, спросила Альбина. — Слушай, а может, ты голубой?

Но и эта колкость, действующая, как правило, безотказно, Севу, похоже, не уязвила.

— Ну, зачем же, — коротко ответил он.

Тогда Альбина решила подступиться с другого конца.

— Нет, не голубой, я чувствую, — ласково проговорила она и потерлась щекою о его плечо. — Серенький.

— Как вы сказали? — удивился Сева.

— Я сказала: серенький. Некрасивый, невидный, тихий... Серенький.

Сева принужденно засмеялся.

— Убийственная характеристика. Впрочем, в этом что-то есть.

— Конечно, есть, — сказала Альбина. — Серенький и кисленький. Я таких люблю.

Сева остановился. Без очков глаза у него были старые, с темными морщинистыми веками, и смотрели они так, будто ему было больно. Неожиданно он с досадой сказал:

— Зачем вы всё время говорите дрянные слова?

Этот вопрос застиг Альбину врасплох. Краснеть она не умела, такое у нее было свойство кожи. В тех случаях, когда другие краснеют, у нее лишь светлели глаза.

Мгновенно она прикинула варианты: вспылить? удивиться? обратиться в шутку? Остановилась на снисходительной укоризне.

— С тобой по-хорошему, — сказала она, — а у тебя завышенные претензии. Проще надо жить, правильно Олег говорит.

— Проще не хочу, — ответил Сева. — Этак можно вовсе дойти до мычания.

— А так тебе раз доходило?

Как ни старалась Альбина напустить на себя ласковую укоризну,

раздражение прорвалось; она не могла простить Севе ни глупого подарка его, ни своей неудавшейся сказки. Ей нужно было с ним расквитаться, но как? К удивлению своему, она обнаружила, что этого навозника очень трудно достать. Оставалось лишь подавить в себе жажду мщения — и ждать, терпеливо и осторожно ждать.

13

Лутовкин был незлобив и отходчив. Сейчас обида его совершенно прошла, на душе полегчало. Он лежал, рассеянно смотрел в потолок и тихонько насвистывал мелодию «Танго моего квартала». При этом обдумывая, как бы позабавнее обставить свое возвращение в люди. В конце концов, что произошло? А ничего не произошло. Друзья собрались у него в доме, веселятся, танцуют, поочередно расходятся по укромным углам... как говорится, совет да любовь. Может быть, вскочить, гикнуть и выкатиться из спальни колесом? То-то будет потеха. И — всеобщая радость: «Милый Боря, ты снова наш!»

Нет, выкатываться колесом, пожалуй, не стоило. Опытный комик, Лутовкин представлял себе паузу, которая неизбежно наступит после бурного ликования: ну, вернулся Карлсон, и что? Нужно что-то объяснять, мотивировать, рассеивать подозрения, что веселье у него напускное... а тогда оно как раз и становится напускным. Нет, потеха должна быть принципиально иной, ни в коем случае не капитулянтской.

Лутовкин тихо встал, ~~на цыпочках~~ прошел через другую дверь на кухню. Обе пары ~~теневали~~, никто не заметил его передвижений. С кухни Лутовкин принес остаток красной краски, из ванной старую простыню. Ухмыляясь себе в бороду, обильно окропил простыню красным, спрятал краску под кровать, налил на себя ужасную ~~ткань~~ и, запрокинув голову, лег. Какое-то время он издавал горловые хрипы, но потом это ему надоело. Ничего, сами явятся, решил он и притих.

Минут через десять в спальню заглянула Женя. При неярком свете бра она не сразу разглядела тело Лутовкина. Потом ойкнула и схватилась рукой за косяк.

— Олег,— сказала она громким шепотом.— Да Олег же!

Лутовкин ожидал душераздирающего крика, но расчет его оказался неточным. Насмерть перепуганная Женя вовсе не намерена была поднимать шум.

— Олег, ты где?

В туалете ~~забурлила~~ вода. Женя шмыгнула на кухню и что-то громко ~~заговорила~~. Сколько Лутовкин ни прислушивался, он не мог разобрать ~~эти слова~~.

— Да ты что? — забубнил Олег. — Да почему домой? Что за спешка?

Сквозь приспущенные ресницы Лутовкин видел, как Олег пытается протиснуться в спальню, а Женя его не пускает. Наконец Олег прорвался, решительно подошел к телу друга, постоял над ним, припнулся и сказал:

— Да, отмучился, страдалец.

И, наклонившись, крепко схватил Лутовкина за бороду.

Лутовкин взревел и вскочил, как подброшенный. Больно было до слёз.

— Паразит! — заорал он. — Стерлядь! Пусти! Убью!

— Живой, — констатировал Олег и разжал пальцы. — Да я ж ничего такого и не хотел... так, прядь волос для медальона...

— Сволочь этакая, — брюзжал Лутовкин, оцупывая свою поруганную бороду. — Половину выдрал, гад!..

— Ха-ха-ха! — серебристо засмеялась Женя.

Лутовкин повернул к ней перекошенное лицо.

— Ну, ты! — рявкнул он. — Дар Валдая забавный!

Он бушевал бы еще долго, но друзья подсели к нему с двух сторон, уговорили, утешили, как могли. Женя принесла зеркальце и сама расчесала Лутовкину бороду, только тогда он успокоился.

А в общей комнате рыдал аккордеон Анибалья Тройло. Лутовкин гордился тем, что во всей Москве едва ли наберется десяток людей, слышавших это имя.

— Танцуют? — спросил он, кивнув на дверь.

— Нет, на диване сидят, — ответил Олег, — беседуют.

— Эта своего не упустит, — сказала Женя.

Лутовкин взглянул на нее, хотел что-то спросить, но не стал. Он всё ещё сердился на Женю: сорвала такую потеху!..

Однако та же мысль, видимо, пришла в голову и Олегу.

— Не упустит? — с сомнением переспросил он. — Вот уж не предполагал, что в женском мире на Савосю повышенный спрос.

— Ну как же, — сказала Женя. — Такого помучить — одно удовольствие. Альбина свежатинку любит. Чтоб мясо — так с кровью.

— Ты же ее сама сюда привела, — резонно заметил Лутовкин.

— Сама! — возмутилась Женя. — Да ей только свистни, среди ночи, задрав хвост, куда угодно помчится.

— Так не свистела бы!

— А откуда мне было знать, что вы тут мальчика припасли?

— Ну, я на это дело смотрю широко, — солидно сказал Олег. — Все мы, как говорится, не херувимы. И не вижу ничего страшного, если ребята какое-то время попользуются друг другом, расширят, так сказать, кругозор. Колоду надо чаще тасовать. Вон бразильцы — какой красивый народ! А отчего? Да оттого, что хорошо перетасовались.

— Иди ты со своими бразильцами,— сердито сказала Женя.— Сам ты бразильский индюк. Я дело говорю, а он ерунду какую-то бормочет...

— Я, сестричка моя, о друге забочусь,— внушительно возразил Олег.— Тебе, глупой женщине, этого не понять.

— О друге,— передразнила Женя.— Считаю, что скисла ваша дружба. Пузырями пошла.

Олег нахмурился.

— Это еще почему?

— А ты подумай,— злорадно сказала Женя.

Наступило молчание. Олег думал, а Лутовкин смотрел, как он думает. Лутовкину, как ни странно, стало обидно за свою Надежду: эх, Сева, Сева, на кого променял! На первую попавшуюся дешевку. Друг семьи называется... Лутовкин попытался представить, как Сева является к ним в гости с Альбиной и они садятся расписывать «кинга» вчетвером. Нет, это было решительно невозможно.

— О господи! — Женя вздохнула.— И до чего ж эти мужики тупоумные! Знаете, что она сейчас делает? Она ему рассказывает всю правду про вас.

Лутовкин встрепнулся:

— А что она ему может рассказать?

Женя хихикнула.

— Ангелочек, пупсик! Известное дело, что. То, чего ты больше всего на свете боишься.

— Да ничего я не боюсь,— с досадой сказал Лутовкин и откинулся на подушки. Однако нос его беспокойно заострился.

— Нелепое лепишь,— задумчиво проговорил Олег.— Зачем это ей?

— А затем,— торжествующе ответила Женя.— Такая наша бабская технология. Если хочешь голову мужику заморочить, то сперва надо отсечь от него окружение. Чтоб никто уже больше на него не влиял. Вот ты, например, Олег Батькович. Для Савоси ты уже не товарищ. Почему? Потому что заманил бедную девушку в семейный бордель. И Боре, хоть он и храбрый у нас портняжка, тоже выпадает черный марьяж. Альбина сама подскажет: а хорошо бы раскрыть Наденьке глаза. Может, даже с квартиркой вот с этой придется расстаться. В Медведково на подселение наш Боря поедет, а Наденька — на Рязанский проспект.

Лутовкин прыгнул в воздухе закинутой на колено ногой, хотел было что-то сказать, но вместо этого лишь присвистнул.

— Так-так,— заинтересованно сказал Олег,— любопытная беллетристика. Ну, дальше?

— Дальше? Озвучка ваш ненаглядный достанется ей в очищенном

виде,— ликуя, продолжала Женя.— Она его, конечно, помусолит и выкинет, и лет через пять вы все трое встретитесь где-нибудь возле пивной, облезлые, как дворняги. Подобный случай был в Тамбове.

— Во, прогнозистка! — восхищенно сказал Олег — Да ведь для этого ей как минимум надо на себя наклепать. Признать, что сама она — разъездная лярва.

— Нашел чем напугать,— пренебрежительно сказала Женя.— «Три мушкетера» читал? Помнишь, что леди Винтер с этим лютеранином сделала?

— С пуританином,— буркнул Лутовкин.

— Вот-вот,— сказала Женя,— с таким же теплым, как ваш Савося. Любая женщина, если хотите знать, всегда мужика сделает виноватым...

В спальне воцарилась крошечная тишина.

— Вот что они с нами делают,— промолвил после долгого молчания Олег,— а мы потом только руками разводим.

— Да выставить ее,— гневно дыша, сказал Лутовкин,— выставить ее к чертовой матери!

— Так приступай,— тут же отозвался Олег.— Что ты валяешься, как полено?

— Ну, во-первых,— помедлив, сказал Лутовкин,— не я ее выдумал, а во-вторых, мне не с руки, все-таки я тут хозяин...

— Намек ваш понят,— сказал Олег.— Черную работу делает красный.

И не двинулся с места.

Выждав минуту, Лутовкин повернулся лицом к стене.

— Ладно, чего там,— глухо проговорил он,— пусть будет как будет. Мы все тут люди собрались закаленные, где сядешь на нас — там и слезешь. Парня хорошего жалко, конечно... пропадет ни за грош, он у нас безотказный.

И прозвучало это до того убедительно, что в тот же миг он сам проникся состраданием к другу, хорошему парню.

— Правда, Олег,— поддакнула Женя, тоже проникшись,— надо что-то делать...

— Ну, если вы так считаете... — сказал Олег и решительно встал.— Нет ничего проще.

— Что ты намерен? — встревожившись, обернулся Лутовкин.— Предупреждаю: только без драки.

— С кем? — Олег ухмыльнулся.— Я просто проведу оздоровительную беседу.

И он вышел в гостиную.

— Эй, молодые! — раздался его зычный голос.

Музыка смолкла.

— Пригрелись, ясные. Пора и совесть знать. Ты, Себастьян, сходи пока в туалет, а мы с Алевтиной пойдем в кулуары.

— Во идиот! Что он делает? — яростно зашептала Женя. — Кого он ведет? Разве с ней договоришься?

Она привстала, но было уже поздно: Олег втащил за руку Алю.

— Ну? — спросила Аля, высвободив руку и прислонившись спиной к стене. — Что за обращение? Что вы тут затаились? Предупреждаю, я буду кричать.

Смугловатое личико ее было исполнено негодования, однако ноздри по-дикарски опасно трепетали: что-то ее встревожило.

— Послушай, Анастасия... — начал Олег, прикрыв дверь в гостиную.

— Меня зовут Альбина, — отрезала Аля.

— Вот даже как... — Олег откашлялся и посмотрел на Лутовкина, но тот лежал на подушках, заложив руки за голову, и отсутствующим взглядом смотрел в потолок. — Гм... да. Ну, ладно. Всё это забавно, конечно, и веселимся мы со страшной силой, но ты Себастьяну голову не морочь. Не по Сеньке шапка.

Аля взглянула на подругу, смиренно сидевшую в ногах у Лутовкина, и усмехнулась длинной тонкой усмешкой.

— Шапка... — повторила она. — Боже мой, в какой дурдом я попала.

— Тебя что, за шиворот сюда волокли? — скорбно спросила Женя. — Сама притадилась.

— Сама, — подтвердила Аля, потирая запястье руки, за которую ее схватил Олег.

— Так что же ты, — понизив голос, спросил Олег, — что же ты дураками связалась?

— А скучно было.

— Теперь не скучно?

— Спасибо, ничего.

— Ну, веселись, — сказал Олег и отошел от двери. — Но смотри: я предупредил.

Дернув плечом, Аля взялась за дверную ручку. Тут словно красная шаровая молния вспыхнула в голове у Лутовкина: дикая мысль «Врёшь, не выйдешь!» ослепила его, и, ничего более не соображая, он вскочил на ноги, перешагнул через спинку кровати, обеими руками схватил Алю за шею и вместе с нею рухнул на пол у шкафа прямо к Олеговым ногам. Всё это было настолько неожиданно, что Олег и Женя оцепнели от изумления. Они глядели на них сверху, даже не пытаясь помешать, с одинаковыми болезненно-зачарованными лицами, как будто наблюдали сладострастную сцену. Должно быть, хватка Лутовкина стала крепчать, потому что Аля начала спихивать его

с себя, упираясь коленями и руками. Мучительная гримаса на ее лице показалась Лутовкину презрительной, упорное сопротивление не приспособленного для борьбы, мягкого и зыбкого женского тела вызвало новую вспышку ярости. Взгляд его упал на записанную под шкаф кровавую ткань, и, освободив одну руку, он вытянул край простыни и стал накидывать ее на Алино улыбающееся (как ему казалось) лицо, а она царапалась и отбивалась, причем оба не произносили ни звука, только бурно всхлипывали. Но тут Аля наконец увидела красные пятна на простыне, забилась, задержалась и, отворотив от Лутовкина лицо, хриплым голосом позвала:

— Сева! Себастьян! Или как тебя там?

— Эй, счумились вы, что ли? — сказал Олег и, наклонившись, взял своими ручищами Лутовкина за плечи, с трудом оторвал его от Альбины и через спинку кровати швырнул в дальний угол. — Здесь вам не тропики.

Аля медленно поднялась, повертела головой, склоняя ее то к одному, то к другому плечу, потрогала пальцами шею.

— Мать твою так, — без всякого выражения сказала она, — вот это, я понимаю, тусовка.

— Ну все, ну все, — миролюбиво проговорила Женя, ногою запикивая простыню обратно под шкаф. — Размялись — и хватит.

— И куда же ты трупы складываешь? — глядя сверху вниз на Лутовкина, весело и зло спросила Альбина. — В шифоньер?

Лутовкин молчал. Привалившись к подушкам, он судорожно обшаривал руками свое иссакненное лицо. Только теперь, когда кровавое возбуждение схлынуло, он осознал происшедшее — и его зазнобило от страха. «Глупый пингвин робко прячет...» Как нашептали.

— А что, ребята, — сказала Аля, — мне с вами нравится. Будем дружить.

14

Сева сидел у магнитофона в наушниках. На стук двери он обернулся, щелкнул тумблером. Альбина подошла к столу, налила рюмку «Сахры», с жадностью выпила.

— Что глядишь? — спросила она. — Нарочно уши заткнул?

Сидя на корточках, Сева снял наушники, вымученно улыбнулся.

— Что им от вас было нужно?

— Та, — Альбина махнула рукой. — Долго объяснять. То тебя никак выпроводить не могли, теперь я им, видите ли, мешаю.

Сева поднялся, поспешно снял очки, принялся протирать их носовым платком. Альбина насмешливо на него смотрела. На шее у нее синели следы от пальцев Лутовкина.

— А ты и не знал, дурачок? — спросила она.

— Нет, почему же, — Сева отвечал, не поднимая глаз.

Ну, разумеется, он знал, друзья переоценивали его наивность. Здесь обратная связь: полагая кого-нибудь глупцом, сам глупеешь, оттого что становишься на путь упрощения. Впрочем, если уж быть честным, надо признать, что к догадке его привело странное поведение старшего брата. Брат стоял в дверях и бубнил, как заведенный: «Не надо тебе туда ходить, и не ходи, и не надо, там без тебя обойдутся». Сдвинуть его с места Сева так и не смог бы, если бы не мама. Мудрый человек, мама на секунду отвлеклась от телевизора, чтобы бросить через плечо: «Пусти его, он должен сам убедиться». И всё, больше она ничего не сказала. Понимающему — достаточно. Выскочив на улицу, Сева долго стоял под дождем; не понимал он, не понимал, хоть убей, **как это возможно**. Он любил этот маленький чистенький дом, островок безопасности среди жизни, которой он не понимал и боялся. Даже под своей крышей он не чувствовал себя спокойно, ощущая ревнивый болезненный беспорядок. Только здесь, у Надежды, он отдыхал душой — и вот пришла пора платить за эту невинную радость. Он возвращался с отвращением и стыдом, помня одно: надо уберечь хотя бы Надежду. Вид жующей и пьющей компании его ужаснул: с них со всех была как будто содрана кожа. И при этом они беспрерывно болтали и смеялись... Это был сочный клубок поганой хохочущей плоти, это было змеилище кишечнополостных, которые, копошась, заглатывают хохмы и тут же извергают их обратно. Всё острят, извиваясь, всё хохмят, содрогаюсь, кривясь, отводя друг от друга глаза, видящие, знающие мерзкую тайну... и никто им не скажет оттуда, с небес: «Ребята, да что же вы делаете со своей последней жизнью? Друг перед другом не стыдно — побойтесь хотя бы меня!»

Сева надел очки и взглянул на Альбину. Она смотрела на него пристально и испытующе. Незажженная сигарета прыгала у нее в губах.

— Слушай, ты не вздумай сбежать, — проговорила она наконец. — Ты еще провожать меня будешь, на такси, понял?

Слова ее прозвучали как-то невнятно: наверно, сигарета мешала ей говорить.

— У меня, кажется, денег при себе нет, — с трудом ответил Сева.

«Господи, покажи мне всю мерзость этой женщины, — молил кто-то в читанной им старой книге. — Открой мне всю грязь ее тела, все нечистоты...» Сева не имел права обращаться к Всевышнему с такой просьбой: он всё это видел, как будто она стояла перед ним нагая и лишенная кожного покрова, и ему было стыдно и страшно. Страшно еще и оттого, что это сочащееся мелкой кровью чудовище говорило красивым, почти человеческим голосом

и глядело красивыми, почти человеческими глазами. Глаза эти, светлые и бессовестные, чего-то просили. Но не мог же он отвечать за все на свете вытоптанные сады, за все освежаванные человеческие души...

Альбина закурила.

— О таких пустяках,— сказала она, выдыхая дым,— о таких пустяках, пока я жива, ты можешь не беспокоиться. Знаешь, у меня такое чувство...

Сева содрогнулся от омерзения, предчувствуя уже, что услышит непоправимые, гибельные для себя слова, но Альбина этого не заметила.

— У меня такое чувство, что я не зря тебя встретила. Ты мой хранитель, понял? Теперь ты мой хранитель, и ты будешь любить меня и беречь. Всё остальное не твоя забота...

Она хотела еще что-то сказать, но в это время раздался новый звонок, непохожий на все остальные. Это был хрустальный, чистый звонок, бесхитростный, как детское счастье.

— Кого это там? — удивилась Альбина.— Вроде все наши дома...

Она посмотрела на Севу — и умолкла. Лицо его было обезображено такой радостью, что на него было неловко смотреть. От уха до уха и даже по стеклам его очков блуждала мучительная улыбка. Руки, в которых Сева комкал платок, мелко дрожали.

— Ах,— сказала Альбина и засмеялась сухим и колючим смехом, шуршащим, как толченное стекло.— Ах, вот оно что, а я-то, халда... Молодец, отдежурил. Сменщики у тебя есть?

Сева ничего не ответил. Голова у него кружилась, как будто он хлебнул чистого кислорода.

Бодрый, энергичный, обутий, из спальни выскочил Лутовкин. Царапины на его лице были довольно прилично припудрены, и оттого оно припухло и вроде бы даже помолодело. Следом за ним чинно, рука об руку появились Олег и Женя.

— Так-так-так, хорошо.— Лутовкин окинул взглядом стол.— Грязные тарелки — убрать! Шестой прибор поставить! Три пары, три пары, три пары! Всё, как в лучших домах Минусинска.

Альбина и Олег сели за стол. Альбина тронула себя за щеку — в том месте, где темнели синяки, выразительно взглянула на Олега, тот юмористически пожал плечами: да вроде бы так, ничего особенного. Лутовкин, виновато улыбаясь, протянул Але пудреницу. Церемонным кивком Аля поблагодарила его, раскрыла пудреницу и принялась приводить себя в порядок. Женя с отрешенным видом начала собирать посуду. Сева стоял в стороне и изо всех сил пытался справиться со своим бессмысленно улыбающимся лицом.

Новый звонок.

— Предупреждает! — сияя, пояснил Лутовкин.— И ключ-то у нас

есть, но мы же такие деликатные, как бы не застать разброд и шатания. Олег, дай, пожалуйста, музыку!

Женя понесла стопку тарелок на кухню. Олег, перегнувшись назад, включил магнитофон.

— Сева, а ты что стоишь, как неродной? — глядясь в круглое зеркальце, спросила Альбина. — Всё только начинается. Иди сюда, — она похлопала рукой по сиденью соседнего стула, — а не то место займут!

Сева дернулся и, поколебавшись, подошел и сел рядом с нею.

— Надо, Сева, надо, — сказала Альбина, зацеловала пудреницу и обняла его за плечи. — Надо, серенький, надо. Надо, синенький мой жучок. Чтобы всё было хорошо... — добавила она шепотом, наклонившись к нему и трогая губами его ухо. — Чтобы милая наша ничего не узнала.

— Так-так-так... — В счастливом возбуждении Лутовкин метался по комнате, проверяя, всё ли в порядке, и украдкой расставляя по местам дары природы.

Вернулась Женя, принесла чистые тарелки, с достоинством села.

— Потому что, если она не узнаёт, — жарко шептала Альбина, — всё опять будет хорошо. Но уж ты прижмись ко мне понежнее, а не то она возьмёт и поймёт...

— Ну, за воссоединение семей, — пробормотал Олег, наливая.

— Нет, за нас с Себастьяном, за хорошую встречу, — возразила Альбина, ероша Севе волосы. — У меня день рождения, я так хочу.

Уткнувшись носом в тарелку, Сева потел от тоски. Он уже знал, что ему предстоит. Поры этой женщины источали едкую слизь, она пачкала Севу, но он не смел от нее отодвинуться.

— Ты это... — усмехаясь, сказал Альбине Олег, — резвись потихоньку, палку не перегни.

— Какую палку! — весело воскликнула Альбина и звучно чмокнула Севу в нос. — Бедненький мой Иисусик! Наконец-то я тебя нашла!

Лутовкин выскочил было в прихожую, вернулся, обнял друзей за плечи, подмигнул Альбине.

— А третий любил королеву, — запел он душераздирающим голосом, — и молча пошел умирать...

— Не мог он направо-налево, — подхватил Олег, — священное имя шептать.

И вместе:

— Кто любит свою королеву, тот молча идет умирать!

Еще один чистый, но уже нетерпеливый звонок.

— Лечу, Надежда, лечу! — крикнул Лутовкин и выбежал в прихожую.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

В письмах, приходящих в редакцию, читатели «Мы» откровенно высказывают свое мнение о тех произведениях, что публикуются на наших страницах, о рубриках журнала, о том, получается ли он — с их точки зрения — вообще. Хотя говорят — «сколько людей, столько и мнений», — мы решили опубликовать часть этих отзывов. Пусть каждый наш читатель сверит свои впечатления от прочитанного с этими выдержками из писем, согласится или не согласится с ними. Вспомним: ведь истина рождается в споре!

...В журнале публикуется повесть Валерия Алексеева «Паровоз из Гонконга». Я ее читаю и не могу понять, правда это или ложь. Неужели там все так плохо? Все люди в повести какие-то злые. И Клава, и Матвеев. А Букреевы — разве это люди? Не может быть, что за граница так портит людей, что там каждый старается урвать кусок побольше, забывая про других.

ТУЗОВ Вовик. Москва

...Вы напечатали только несколько легенд из такой замечательной вечной книги, как Библия. Но я прошу вас — напечатайте все легенды до конца. Раньше я думала, что Библия — это нечто вроде молитв. Но оказалось иначе. Мы должны знать всю Библию.

Наташа

...Только одно мне понравилось — Библия. И что это у вас за тусовка? Вы что, обалдели? У меня от нее хвост облез. Бумага в журнале замечательная, а содержание не годится.

ДМИТРИЕВ Сергей. Тула

...Я прочитала повесть Петра Кожевникова «Две тетради». Эта повесть произвела на меня большое впечатление, я испытала чувства, непонятные мне самой. Мне пришлось задуматься. Мне стало дико и страшно, что я могла оказаться на месте Гали или еще кого-то. Может, потому, что я живу в селе и у нас нет таких страстей, как в городе, я бы, наверное, никогда не поняла этих людей. Окажись я в такой ситуации, я бы не выжила. У них на уме только тряпки, вино, девочки (мальчики). И ничего святого. Я бы не хотела быть похожей на них. Я бы не смогла так никогда. Это очень страшно. Но думаю, что эта повесть может кому-то помочь.

МОСКАЛЕВА Ю.

Читинская область

...Я ваш журнал читаю от корки до корки. Особенно мне понравились, как и многим, «Две тетради» П. Кожевникова. Наверное, оттого, что сама хотела бы быть на месте Гали и тоже хотела бы иметь возле себя такого человека, как Миша.

Оля Б.

Днепропетровская область

*Человека, который в близких отношениях с небом,
сразу хочется спросить про любимую звезду.
Ваня смеется над такой банальностью:
— Нет, нет у меня любимой звезды!
Любимое созвездие имеется. Рыбы.
Я под ними родился.*

Тамара АЛЕКСАНДРОВА
Фото Анатолия ЗЫБИНА

ПОРТРЕТ ЮНОШИ С ТЕЛЕСКОПОМ

— В гороскопы веришь?

— Серьезно не отношусь, но иногда... Вспало же мне: «Вам окажет финансовую поддержку крупная организация, но особенно не обольщайтесь: дабы не разочароваться». И на следующий день — раз: «Тебе стипендия Детского фонда!» Время идет, а я ее не получаю... Так что — верить?..

Стипендию Иван Можаяев получает. Она назначена. Светлана Серапионовна Комарова, руководитель астрономического кружка Дворца пионеров и школьников, отмечает несомненные Ванины успехи.

Он занимается Солнцем и пишет работу на конференцию Малой академии наук — «Структура неоднородности магнитного поля в солнечном пятне».

В прошлом году побывал в Новосибирске на IX съезде Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

— И ты был готов к общению с серьезными учеными?

— Во всяком случае, обнаружил, что способен задавать им вопросы.

Что ж, это немало.

И еще было одно событие, сразу после съезда: экспедиция на Чукотку — наблюдение за солнечным затмением. Не знал даже, чему больше радоваться — интересной работе, путешествию или тому, что летел вместе с Каной, закадычным дружкой Сережей Кононко. Они чуть ли не с первого класса сидят за одной партой, вместе болеют астрономией, вместе ездят в Пилиповичи, где находится наблюдательная станция — метеорный патруль...

— Почти весь самолет был наш — экспедиция 96 человек, груза тонн семь. Развалились и летели от Москвы до Анадыра без посадки. С чудесным обслуживанием — с курицей, с горчицей!

Нет, Ваня не гурман, просто нормальный подросток: когда возраст движется к шестнадцати, а рост переваливает за сто восемьдесят, есть хочется всегда и все подряд. «И корову, и быка...» — декламирует мама, теряясь перед его аппетитом. Насчет быка неизвестно, а вот курицу — «даже две!» — съел бы в один присест.

— В Анадыре мы провели сутки. Остановились в клубе, спали на сцене. Походили по земле — все-

таки вечная мерзлота! Снег еще лежал, а был июль. Посмотрели на море. Чайки там — красавицы! На АН-24 полетели дальше, потом пересели на вертолет. Экспедиция разбилась на партии, и они расположились на расстоянии двухсот километров друг от друга — по полосе затмения. Мы попали на Малый Анюй, приток Колымы. Поставили палатки, установили телескопы. Кругом тайга. Зверья-а — тьма! Лоси по лагерю бегают...

— Ну а затмение увидели?

— Не повезло, помешала облачность. А две партии наблюдали, мы потом участвовали в обработке их материалов.

— Откуда у тебя любовь к астрономии?

Иван давно заметил, что в жизни многое связано самым смешным и странным образом. Вот если бы он не пел... Но он пел в знаменитом детском хоре «Щедрик», в Октябрьском дворце культуры. И там однажды открылась выставка детского технического творчества. Большое впечатление на него произвели самодельные телескопы.

До этого ему довелось разок взглянуть на небо в подзорную трубу. Звезды, оказывается, разной величины, разного цвета. Это открытие задело: небо над головой, а мы о нем ничего не знаем. Дома полез в свою «Детскую энциклопедию». Ваня, в общем-то, многим увлекается. Можно бы сказать — разбрасывается. Но ведь любопытство, как и здоровый неуемный аппетит, — основа роста.

Увидев телескопы, загорелся: «Вот бы самому построить и наблюдать небо...» Не успел подумать, как перед ним возник мальчик: «Хочешь к нам записаться?» Это был Саша Лановой.

— Шурик тогда совсем малышом был! Сейчас взрослый, пятнадцать уже — мужик!

— А себя ты считаешь взрослым?

— Гм... — Задумался. — Нет. Ничего пока не достиг. Даже сам себя не содержу. Не приношу конкретной пользы — кому-то...

— Об отрочестве говорят: трудный возраст. Ты это ощущаешь?

— Да, конечно.

— И можешь назвать трудности? Необязательно свои...

— Трудно смотреть на родителей, когда они не ладят. Маленьких обычно утешают: вырастешь — поймешь. А когда понимаешь — все труднее. Трудно переносить опеку: «Не приходи поздно...» Взрослые больше всего боятся нашей самостоятельности и почему-то всегда хотят узнать именно то, что мы не хотим говорить. Какая разница, почему я не был на последнем уроке? Мне надо было уйти. У меня были веские личные причины. Мне это важнее, чем урок. А меня пытаются: «Какие личные?..»

(Ванина мама, Евгения Петровна, призналась: грех на душу взяла, один телефонный разговор подслушала. С кем сын говорил, не поняла, но была потрясена сложностью переживаний, он, оказывается, уже взрослый!..)

— Трудно, когда приходится делать то, что считаешь бесполезным. Ну зачем мне мочеполовая система дождевого червя, бензольные кольца или учение Дарвина, с которым я в корне не согласен?!

Затем хотя бы, чтобы в корне не согласиться, попыталась было вставить я, но поняла, что в ответах Иван не нуждается, ему уже надоел спор, который постоянно надо вести с мамой и Оксаной

Витальевной, классным руководителем.

Они считают, что отчасти Иван прав: в старших классах неплохо бы ввести специализацию. И все равно не хотят смириться с разнообразием его ответов — от пятерок до троек: «Умный же парень, мог бы...»

— Грамота у него прихрамывает, — сокрушается мама. — Правда, уверяет, что работу по астрономии или письмо любимой девушке может написать без единой ошибки.

— Вот-вот, когда захочет... Но я-то не являюсь его любимой девушкой, — вздыхает Оксана Витальевна.

Они обе могут и дальше перечислять Ивановы недостатки, но стоит их в этом поддержать, как разговор тотчас повернет в противоположную сторону: Ваня хороший, добрый, доброжелательный, любит бабушку, дедушку... Хорошо относится к товарищам, и учителя могут обратиться к нему с любой просьбой. Ну кого допросишься вымыть во время дежурства черную лестницу? А Ваня вымоет без звука — работа есть работа. Что такого? Он и дома моет полы.

Оксане Витальевне даже обидно, что Ваня в классе не раскрылся до конца. Какой мальчик! Ему бы еще понять, что школа есть школа! Впереди одиннадцатый класс, и надо его хорошо закончить.

— Школа — это огромный кусок счастья! — иронизирует Можаяев.

А если серьезно, то он считает, что его школа с углубленным изучением английского дает неплохие знания. К тому же в ней нет отъявленного хулиганства и не бродит призрак токсикомании — никто ничего не нюхает. Эта школа знаменита в Киеве. Скажи, что учишься

в 57-й, и в ответ сразу: «О-о!» Когда-то тут работала супруга первого лица республики, так что имелись особые возможности... В школе — зал с начищенным паркетом и стеклянной крышей, пышная мозаика во всю стену — сочно-красная карта СССР, дорогая маловыразительная чеканка в вестибюле: книги, буквы, цифры, глобусы... Входите, дети, в мир знаний!

В конце уроков тут толпятся бабушки и дедушки, поджидая внуков. По ратиновым пальто и ондатровым шапкам, недавней специфичной номенклатуры, нетрудно понять, что в эту школу не только записывали по районному признаку, как, скажем, Ваню, который живет поблизости, но и устраивают.

Нам долго внушали: в нашем обществе нет и не может быть социального расслоения. Есть, да какое! Вот даже в школе оно мгновенно полезло в глаза, как только разрешили ходить без формы, и начался, по словам Оксаны Витальевны, всеобщий выпендрейж.

Спросила Ивана: как он-то относится к одежде?

— Люблю, чтобы было тепло и удобно. Не волнует — престижно, непрестижно... Конечно, одежда влияет на контакты. Но если человек, глянув на тебя, скажет: «Шмоток нет — гуляй, сынок», — такой и мне неинтересен. Это не мой тип людей.

— Но разве подобное не царяпает?

— Года два назад воспринималось остро. А сейчас... У нас своя замечательная компания — Кана, Лера, Лена, Шурик, Наташа, — где все друг другу интересно, независимо от лейблов на рубашках. Если тебе плохо, звони любому из них. Вот это главное. Некоторые пытаются самоутвердиться за счет одежды. У этого органически не переносит.

Мне показалось, Иван весь мир делит на «люблю» и «органически не переносит».

Органически не переносит, когда на допризывной подготовке парни («У нас в этот момент какие-то дикие лица!») маршируют по гулкому подвалу («Клип тут надо снимать!») или палят по мишеням.

Мишени вешают на пейзаж — зеленая трава, березы — и врубают «музыку» боя. Душа протестует.

Не переносит злобы. Не может понять, как это ударить человека, избить просто так? Вероятно, поэтому не принимает «металл», чувствуя в нем агрессию. Предпочитает мелодичный рок.

Любит Баха, Вивальди. Ходит с мамой в оперу. Нет, не тащит она его — сам бежит.

А с отцом ездит на рыбалку. Живут в палатке, питаются тем, что добудут. Рыбой, дикими яблоками, грушами. Вечером после ужина поют у костра. Как ни тяжелы рюкзаки, Ваня обязательно берет с собой аккордеон. С тех пор, как бросил музыкальную школу — за четыре месяца до окончания, — с инструментом не расстаётся.

На природе ему всегда хорошо, город ему не нравится. Это, конечно, не относится к старому Киеву — Андреевскому спуску с таинственным замком («Там водятся привидения!» — изображает ужас Иван), к Подолу...

Когда вырываешься за город, чувствуешь землю, небо — целостность мироздания. Особенно в Пилиповичах.

Ваня любит отправиться туда со всей компанией, на полное обслуживание, подальше от всех взрослых. Руководитель? Светлана Серапионовна? Конечно, она ездит с ними, но ведь это — сотоварищ!

Ваня любит... Всего, пожалуй, не перечислишь. Его мама правильно говорит: «Он обыкновенный жизнелюб». Самым счастливым днем считает день своего рождения — не ежегодный праздник с пирогами, а именно тот день, когда появился на свет — под Рыбами.

МЫ ТАКИЕ ЖЕ, КАК ВСЕ

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Быть подростком сегодня — настоящая каторга. Но не вздумайте высказать все это нашим родителям. Они наверняка начнут беспокоиться.

Им и так приходится ох как несладко при мысли о том, что с нами будет. Просто передайте им, чтобы они не так сильно пеклись о нас и перестали вешать разные ужасные ярлыки: не всем нам суждено стать технократами или безработными, сексуальными маньяками или носителями вируса СПИД... Не каждый из нас станет проходимцем, панком, жуликом, рокером, а если такое и случится, то ведь не всю же жизнь мы будем такими. Передайте им, что мы их любим и не желаем им зла, но они хотят нам слишком много добра, «их» добра. А мы хотим сами найти «свое» добро...

Вот какими мыслями поделились несколько десятков юных французов с журналисткой Жаклин Реми и сотрудниками социологического института под руководством Жана Потье. Им от тринадцати до семнадцати лет. Они гоняют на роликовых коньках по улицам, ведут бесконечные разговоры в лицейских бистро или тусуются на квартире кого-то из товарищей, если его родители на работе. Бывает, они вскакивают с постели среди ночи и, нацепив на уши «Уокмэ», принимаются за уроки.

Родители навязывают детям «свою» логику: «Трудись!» И подростки следуют ей, однако они не перестают задаваться вопросом: в чем заключается суть этой логики? Счастливое будущее как следствие успехов в учебе? А что еще? Как насчет разных ценностей? Надежд? Смысла жизни? Родители витают во временах своей юности — в 50-х, 60-х, 70-х и даже 80-х годах — и решительно не ведают, какие воспоминания следует отбросить, а какие сохранить. Дети, унаследовавшие их противоречия, сами разберутся, что к чему. А пока они, как и все, пребывают в сомнениях. И даже больше, нежели все.

Жаклин Реми излагает их кредо из девяти пунктов. Подростки говорят о том, о чем не осмеливаются

сказать вслух дома родителям, мечтая в то же время о понимании с их стороны: «Передайте им, чтобы они прислушались к нашим словам, диалог — вещь полезная!»

Думаем, что это «кредо» поможет тринадцатилетнему читателю «Мы» лучше разобраться в себе, а родителям узнать побольше о собственных детях.

МЫ СОВЕРШЕННО ЗДОРОВЫ

От слова «подросток» их тошнит. Любопытно, что даже в 16—17 лет они, упоминая своих ровесников, называют их «детьми».

— Когда родители говорят о подростках, создается впечатление, будто перед ними забавные зверушки, странные существа, больные, — признается четырнадцатилетняя Изабелла. — А мы такие же, как все!

Да, как все... В самом деле, когда человеку тринадцать, он страдает оттого, что его никто не воспринимает как взрослого, ну а когда семнадцать, он иногда по вечерам, перед тем как уснуть, мечтает вернуться в детство. Но ни за что на свете не признается в этом своим родителям. Взросление — дело непростое. Становишься каким-то не таким — весь облик преобразается: на теле начинают расти волосы, на лице появляются угри... И каждый, наверное, томим противоречивыми желаниями. Увлечен лишь самим собой, но себя несколько не любит. В довершение всего ведет себя так, как говорит шестнадцатилетний Николя: «Мне нравится лицемерить, внушать другим, что они выше меня. Но в душе я над ними смеюсь». Или Изабелла: «Проще всего сойти за дурачку, чем за умную. Я слишком долго

строила из себя идиотку перед взрослыми. И вдруг поняла, что мой коэффициент интеллектуального развития превосходит средний уровень. И я сразу стала другой».

В жизни подростка происходит немало странного: то он панк, то фэн, то хэви-металлик... Ему необходимо быть таким, как его товарищи, — одеваться в точности, как они, слушать ту же музыку, что и они. Хочется «безумствовать» вместе со всеми и ненавидеть всех сразу. Такое состояние может продолжаться два года, а может — два месяца. А родителям кажется, что этому не будет конца. Случается, однако, и так, что наибольшее облегчение после пережитого испытывают сами дети.

Подростку необходимо найти самого себя и понять других. Потом и эта необходимость исчезает — он себя находит, затем теряет и снова находит. Но такие состояния — не повод для того, чтобы, скажем, дарить 13—17-летним книгу «Слова, обращенные к подросткам». Те из них, кто получил эту книгу в подарок к Рождеству, ее просто возненавидели: «Мне вдруг показалось, что кто-то залез ко мне в душу. Кому какое дело, что творится у меня в голове!» Подростки упрекают своих родителей за то, что те сами пытаются ответить на вопросы, которые они им не задавали, и стараются излечить их от болезней, которыми они не страдают, не обращая при этом внимания на то, что у них, быть может, болит душа...

ШКОЛА — ЭТО КАТОРГА!

— К черту лозунг «Трудись и помалкивай!» Школа — это «слишком»... Слишком тяжелое

бремя; там надо слишком много трудиться; школа отнимает слишком много времени; она дает слишком мало прав. Вот у учителей это да: сделал дело — гуляй смело. Среди них есть те, кто дерет глотку, — мы таких не любим. И те, кто особенно не возникает, — таких нам жалко. Бывают и исключения — их мы обожаем: они с нами разговаривают как с двенадцатилетними. Они считают нас несмышленышами. Они несправедливы к тем, кто плохо учится из-за того, что у них не все ладится в семье. Они не позволяют нам заниматься тем, что нам нравится...

Вот так подростки отзываются о своих педагогах и при этом сетуют на то, что не могут пожаловаться на них своим родителям, поскольку родители всегда защищают учителей. Если мать и отец обычно плохо понимают друг друга, то едва речь заходит об учебе, как они тут же приходят к согласию, от которого становится дурно. И пререкаться с ними не имеет смысла.

— Какие у тебя сегодня отмет-

ки? — это первый вопрос, который задает мне мать, когда приходит вечером с работы. Меня от этого коробит, — говорит семнадцатилетний Себастьян. — Бывает, что родителям не дает покоя их любимый предмет. «Ты сделал математику?» — спрашивает меня отец каждый вечер. «Конечно, сделал», — отвечаю я ему, хотя на самом деле это не так. Борьба «кто кого» привела к тому, что я возненавидел эту его математику.

Нередко родители ставят своим детям условия: «Не будешь вечером гулять, пока не исправишь свои отметки...» или: «Не пойдешь с товарищами в поход...» «Хорошие от-

метки для нас как деньги, на которые мы можем купить себе свободу», — утверждает пятнадцатилетний Кристоф.

Но самое невыносимое — это когда родители начинают беспокоиться и постоянно спрашивают: «Почему ты любишь футбол, а не литературу?» или воспитывают тебя, как желторотого птенца: «Это не страшно, это пройдет, мы тебе поможем...» «В конце концов ты срываешься, — шепотом признается Оливье. — Начинаешь хорохориться перед ними. Делаешь вид, что тебе на все наплевать». А тайком плачешь. И вот приходит день, когда ты понимаешь, что тебе никогда не оправдать ожиданий родителей, и срываешься в разгаре учебного года.

МЫ НЕ МОЖЕМ БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ

— Но говорить об этом родителям, разумеется, не стоит. Это все

В 16—17 лет своими телефонными звонками они поднимают людей с постели в час ночи, катаются втроем на одном мотоцикле, вместо школы смотрят порнографические фильмы по «видикам» родителей, играют в палачей, курят сигареты с наркотиками и выпивают.

Родители запрещают своим детям употреблять спиртное, и дети делают это втихую: кто-то тайком приносит виски, а кто-то — пиво. «Когда я выпью, я «улетаю», — говорит четырнадцатилетняя Изабелла. Пятнадцатилетний Фредерик, воспользовавшись тем, что родителей не было дома, устроил свою первую пирушку: «Понимаете, чтобы девчонки разогрелись, нужно слегка поддать».

Весело, а взрослые почему-то — недоумевают они — воспри-

ОСТАВЬТЕ НАС В ПОКОЕ, ДАЙТЕ НАМ ДЫШАТЬ СВОБОДНО!

— Да, мы знаем, что «в ваше время»... Но ваше время прошло! Когда мы росли, вы говорили прекрасные слова: «Малыш — это личность». Тем не менее вы забыли, что подростку тоже нужна независимость, он вправе требовать уважения. Ему нужен воздух! — так хочется все это высказать родителям.

Самое любимое слово тринадцати-семнадцатилетних — «свобода». Но они свободны! По сравнению с предшествующими поколениями они действительно свободны. И все же главное, как и во все времена, заключается в том, чтобы расширить границы этой свободы. Одеваться, как хочется, встречаться, с кем хочется, и гулять непременно тогда, когда хочется. Родители, конечно, возражают. Однако мало кто из них следует принципу: «Это так, потому что не может быть иначе». Напротив, они объясняют, почему поступают именно так, а не иначе. А подростки только спорят. Когда у них есть право гулять вечером один раз в неделю, требуют, чтобы им разрешили два раза. Когда же гуляют два раза, настаивают на трех.

Требование свободы — это своего рода ритуал. Детям жалко тех, кто свободы лишен, но не завидуют и тем, у кого прав слишком много. «Моя подружка гуляет, когда ей хочется», — рассказывает шестнадцатилетняя Летиция. — Мне кажется, для нашего возраста это слишком. Впрочем, она в конце концов сама это поняла. И стала гулять два раза в неделю».

Зачастую каждая свобода на-

поминает стремление бежать от всех и отовсюду. От родителей, которые ссорятся между собой, от школьных потрясений. И они бегут. «В общем-то я убегаю просто так», — говорит Дамьен. — Иногда я слоняюсь в тоске по скверам...» «Я не хочу трудиться. Я вообще ничего не хочу», — признается Батист. Что ему остается? «Бежать? Но куда? Без папы и мамы я не смогу». Да, это страшно. И все же, когда им что-то не нравится или когда их охватывает жуткая тоска, они убегают. «Я позвонила родителям, чтобы они не беспокоились, и сказала, что хочу немного проветриться», — рассказывает Анна. Она ушла из дому неделю назад, нанюхалась для «кайфа» каких-то растворителей и оказалась в больнице. Вот чем в конце концов обернулась для нее долгожданная свобода. «Чего бы мне хотелось, — определяет Кристоф, — так это управляемой свободы. Это было бы справедливо».

МЫ ХОТИМ ОБЩАТЬСЯ ТОЛЬКО С НАШИМИ ДРУЗЬЯМИ

Нет ничего важнее друзей.

— С ними я могу говорить обо всем, — кричат подростки все как один. Обо всем — значит о том, чего не поведаешь родителям: о делах сердечных, о тревогах за свое будущее, о беспричинных страхах, а также о том, что было дальше в телесериале, который вчера пропустил. Они предпочитают, чтобы их чуткая, а порой страстная дружба была сокрыта от любопытных родителей. Иначе как разорвать нить, связывающую тебя с ними? Как раз для этого и нужны друзья. Родители грешат скоропалительностью суждений и могут на-

зывать такие товарищества шайками, а подростки — народ вспыльчивый. «Моим предкам взбрело в голову, что мои друзья хулиганы, хотя они их даже в глаза не видели! Мне это противно!», — возмущается пятнадцатилетняя Вирджиния.

Семнадцатилетняя Анна была панком: «С панками я поняла, что такое настоящая дружба. Они раз в десять благороднее тех эгоистов, с которыми мне приходилось общаться прежде». Друзья делятся друг с другом тем, что у них накопилось, утешают друг друга, хвастаются друг перед другом, рассказывают друг другу всякие небылицы, перезваниваются по три раза в вечер, только чтобы спросить друг друга: «Как жизнь?» Они сравнивают своих родителей, многое сопоставляют, вместе учатся противостоять их влиянию, чрезмерной власти или любви. «Я маму люблю больше, чем своих подружек, — признается четырнадцатилетняя Клер, — но встречаться с подружками мне просто необходимо». А вот как высказывается шестнадцатилетний Батист: «Напрасно мои родители думают, что я рад проводить время только с ними. Они мне порядком надоели. Мне нравится общаться с моими друзьями».

НАМ ТОЖЕ БЫВАЕТ СТРАШНО

Но они боятся не того, что пугает родителей. Не СПИДа: «Я не думаю, что это меня коснется», — говорит почти каждый из них. И не наркотиков: «Косячок — это так, пробы ради. Ведь это не настоящие наркотики! — смущенно отвечают те, кому уже доводилось хоть разок попробовать. — А если вы име-

те в виду «крутые» наркотики, то мы их не пробовали».

Нет, не этого они боятся. Страх подкрадывается к ним, когда они задумываются о своем будущем: оно для них — неизвестность. Они боятся смерти. И играют в «Обмани-смерть»: что может быть рискованнее гонок на мопедах в запрещенных местах? Они затевают игру с дьяволом: собираются на кладбищах и святотатствуют. Или целой ватагой запираются в комнате и начинают дразнить духов, ведь большинство из них верит в духов. При мигающем пламени свечи, в мертвой тишине они как бы сливаются в одно целое и часами напролет ждут сигнала «оттуда». Иногда по вечерам, когда наступает полнолуние, девочки закутываются в белые простыни и, встав перед зеркалом, пристально всматриваются в свое отражение до тех пор, пока не привидится «нечто». Они любопытны, однако редко делятся со взрослыми своими впечатлениями.

И все же самая страшная игра — самоубийство. Они носятся с этой идеей, как малыши с куклой. У каждого есть товарищ по школе или близкий друг, с которым «это уже случалось». А некоторые, как Ванесса, и сами пробовали лишить себя жизни: «Чтобы заставить родителей понять нас». Многие из них считают это «слабовольным» и вместе с тем «благородным» поступком. «Я часто об этом думаю, — признается шестнадцатилетний Николя. — Меня толкают к этому непонятные силы. Ведь так интересно подчиниться своей воле! Самоубийство — своего рода реванш за все неприятности». А Базиль вздыхает: «Смерть придает смысл жизни. Но тем хуже! По мне,

пусть моя жизнь на какое-то время будет лишена всякого смысла...»

НАМ ПРИХОДИТСЯ ВРАТЬ

— Конечно, мы врем родителям. У нас и дня не проходит без вранья.

Они говорят им, что идут в «Макдоналдс», а сами отправляются к приятелю в гости. Они говорят им, что останутся ночевать у Машенов, а сами, положив трубку, тут же убегают на улицу.

По их собственному признанию, они вешают родителям лапшу на уши, чтобы «ощутить себя хоть на мгновение свободными». Разумеется, когда они бездельничают вместо того, чтобы готовиться к контрольной по математике, им приходится врать, дабы избежать скандала. Однако чаще всего они лгут просто так, потому что хотят оставаться самими собой и не желают выносить гнев родителей, которые тревожатся по пустякам; потому что боятся, что, скажи они правду, их не поймут; потому что хотят иметь личную жизнь, и неважно, если эти несколько часов, вырванные для личной жизни украдкой, бывают заполнены одной только музыкой или хандрой...

МЫ ТОЖЕ КОЕ-ЧТО ПОНИМАЕМ В ЛЮБВИ...

— Любовь — чувство деликатное, нежное. Бывает, что она как суровое испытание, а бывает — сущий пустяк, который выеденного яйца не стоит. Но тебе хочется то реветь, то громко смеяться. Ты словно сама собой. А помнят ли родители, как это было с ними? — спрашивают уже подростки. Иногда от них можно услышать: «С

трудом могу себе представить, что мои родители живут половой жизнью». Взрослых, по их мнению, очень беспокоят сексуальные связи собственных детей. Либо они боятся, что такие связи могут быть («Мама всегда мне твердит: «Остерегайся мальчишек»»), либо их пугают последствия («Мамаши имеют обыкновение таскать своих дочерей к гинекологам и пичкают их противозачаточными таблетками, едва у тех наступает половая зрелость»), или, напротив, следуя моде, они страстно желают, чтобы их дети занимались сексом. («Мать с отцом постоянно мне на что-то намекают, — рассказывает Бертран. — Им хочется знать, было ли у меня что-нибудь!»)

Так или иначе, подростки без тени смущения рассуждают о любви (с журналистами, но не с родителями) в пятнадцать, а то и в двенадцать лет. Они обнимаются и целуются везде не таясь. До шестнадцати- или семнадцатилетнего возраста они еще стесняются сказать друг другу: «Я тебя люблю». Поначалу их объединяет нежная дружба. Они гуляют, взявшись за руки, говорят с придыханием: «Мы уже так долго вместе — два месяца!» А другие им завидуют. Но каждый из них может найти себе нового друга...

Когда им пятнадцать-шестнадцать, они сочувствуют тем, кто еще не изведal чистой и вместе с тем дерзкой любви. Секс? Возможно, но вовсе не обязательно. Раннюю любовь, разумеется, нельзя считать делом привычным. Или достойным. Только шестнадцатилетние мальчишки, как они сами признаются, могут, усмехаясь, хвастаться друг перед дружкой, что у них что-то было, даже если на

самом деле не было. Бедные мальчишки, им чаще всего нечем заинтересовать или уколоть «ласточек», тем более, если «ласточки» — милашки. Зато милашки за просто обзывают их «задавалами», «пижонами», «воображалами» или «простофилями», предпочитая им мягких в обращении и мужественных «стариков».

Впрочем, девочки не торопятся бросаться с головой в любовный омут (правда, таких с каждым годом все меньше), они ждут «серьезного» чувства. Четырнадцатилетняя Стелла считает, что самое подходящее время для любви — 35 лет! Другие склоняются к более раннему возрасту — к 17—18 годам.

Прочные любовные узы в будущем? Чепуха! Нынешние подростки, как они сами признаются, — увы! — не верят в безумную любовь. Но если решил завести детей — тут уж храни верность. Тем не менее для них непонятно, как можно прожить вместе полвека, не питая друг к другу страсти?

МЫ НЕ ХОТИМ БЫТЬ ПОХОЖИМИ НА ВАС

— Вы непрошибаемы! Знаем, вам нелегко приходилось в жизни. Вы нас воспитали, а воспитывать детей — тяжелое, должно быть, дело. И нам, конечно, придется делать то же самое, — заявляют в один голос взрослеющие сыновья и дочери. И это, пожалуй, единственное, в чем они желают быть похожими на своих родителей, когда придет их черед. А пока они предъявляют им суровый счет.

Первое: вы торгуете нашей свободой. Мы чувствуем себя свобод-

ными лишь тогда, когда вас нет рядом. Да ладно, мы на вас не в обиде...

Второе: вы не хотите нас слушать. Мы действительно не любим отвечать на мучительные для нас вопросы. Но когда нам бывает необходимо с вами поговорить, вы нас не слышите. «Я завела разговор с отцом о моем приятеле, — рассказывает тринадцатилетняя Мари, — а он сделал вид, что меня не слышит. Когда я буду взрослой и мои дети захотят со мной чем-то поделиться, я постараюсь их понять».

Итак, когда мы вырастем, мы будем другими. Раз вы не сумели создать свое семейное счастье, значит, вы не можете служить примером для подражания (у каждого второго из тех подростков, с которыми беседовали журналистка и социологи, родители разведены). Они никогда не спрашивают: «Кто твои предки по профессии?» Скорее всего, от них можно услышать вот что: «А твои мать с отцом живут вместе или врозь?»

И дальше: вы боитесь дурного влияния улицы. В самом деле, у нас такой возраст, что мы, как никто другой, подвержены влиянию со стороны (об этом говорят все, и мы это знаем), но нам необходимо общаться с другими людьми — не только с вами.

Наконец, мы не хотим быть похожими на вас потому, что вы отказались от того, о чем мечтали в юности. Вы слишком много говорите о деньгах. Вы закорюченные приспособленцы и консерваторы. («Мне не нравится, когда по воскресеньям папа и мама с детьми ходят гулять в лес!») Вы считаете себя молодыми — вы одеваетесь и разговариваете, как мы. А это

смешно, не так ли? Николя: «Я часто слышу: он ведет себя, как его отец. А на самом деле все выходит наоборот: отец играет в собственного сына». Ну же, смелей! Старейте себе дальше!

* * *

Вот таким получился групповой портрет твоих ровесников-французов, созданный социологами, журналисткой и, конечно, ими самими.

Разумеется, ты понял, что борьба с родителями не является главным делом их жизни, самоцелью, но во все времена подростку приходилось, приходится бороться за свою самостоятельность, доказывать, что он уже взрослый. Вот и юные французы имеют свои собственные суждения о жизни.

Они не приемлют несправедливость и считают, что голод в государствах «третьего» мира прямо связан с расходами на вооружение, которое им поставляют развитые страны, вместо того чтобы помогать.

Некоторые из них до глубины души потрясены расистской идеологией и тем не менее, ничуть не смущаясь, заявляют о своей не любви к выходцам из бывших колоний. «С какой стати я должен любить арабов?! Они нас объедают, дерут с нас семь шкур: без конца рожают детей, и общество почему-то должно предоставлять им квартиры, пособия. Среди них немало преступников. Может, потому, что у них нет того, что есть у нас? И все равно мы считаем свое отношение к ним нормальным».

Они не доверяют политикам, потому что считают их «продажными людишками». Им ком еще, кроме

политиков, сорвешь зло? Разве что на учителей? Бывает. Но они их понимают, своих учителей, живущих по программе «метро — работа — сон», и, случается, сочувствуют: с ума сойдешь — 30 учеников, перегруженные школьные программы, обветшалые классы...

В общем-то они во многом уже взрослые. Изъясняются, точно умудренные опытом старцы: тщательно взвешивая каждое слово и ревностно следя за тем, чтобы прозвучали все оттенки их не до конца сформировавшейся мысли. Когда же им кажется, что они повторяют мысли родителей, то спохватываются и быстро уточняют: «Я еще не знаю, каково мое личное мнение на сей счет...»

В тринадцать лет они несут за спиною свой школьный рюкзачок, словно крест. В семнадцать уже перебрасывают с плеча на плечо сумку, которая стала неожиданно легкой, и их лица выражают саму беспечность. Уф! Самое тяжкое — позади! Прощай, подростковый возраст, когда хочется отдалиться от мамы и стать ближе кому-то другому, когда, может, равнодушно, а может, с беспокойством ждешь, что же тебе готовит будущее. Когда хочется всего ответить. Или все отвергнуть. Случается и так, что ты сам себе делаешь лихо: либо тревогодишься, либо вовсе отказываешься от еды, предаешься пороку и становишься либо преступником, либо наркоманом... Большинство же тринадцати-семнадцатилетних просто стараются плавно перейти в мир взрослых и как ни в чем не бывало занять там свое место.

Игорь АЛЧЕЕВ

По материалам журнала «Экспресс»

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

«МЫ УЖЕ ПОЧТИ ПОЕМ...»

Писать о таких звездах,
как лидер рок-группы
«Алиса»

Константин Кипчев,
— дело нелегкое.
Фактографией
не обойдешься — ее
знают все желающие.

«Мелодия» выпустила
три диска «Алисы»,
на обороте конвертов
которых
можно выяснить
состав исполнителей
и годы записи
альбомов.

Фото Евгения МАТВЕЕВА

Тем более трудно писать в подростковый журнал, если по письмам читателей узнаешь, что многие из них интересуются в основном личной жизнью звезд. Вы бы знали, как неловко задавать подобные вопросы артистам, — они-то справедливо полагают, что интересны главным образом творчеством. Спрашивать о любимых блюдах в последнее время стало тоже неприлично — все едят то, что еще

удается раздобыть. Впрочем, некоторые факты из биографии Кинчева напомним, прибавив несколько малоизвестных штрихов, о которых упоминалось разве что в имеющих локальное распространение «левых» рокерских изданиях.

Наш журнал уже рассказывал о Святославе Задерии по кличке Алиса, который создал группу «Алиса» и пригласил из Москвы в Ленинград вокалиста и автора

текстов Костю. «Он писал стихи о том, о чем мы писали музыку», — говорит Задерий, объясняя свой выбор. Дальнейший разрыв Слава трактует и вовсе житейски. С репетиций Костя тянулся домой, к супруге и маленькой дочке, и эта страсть к стирке пеленок противоречила «уставу» о безраздельной преданности музыке, который до поры пытаются исповедовать выходцы из андеграунда.

А если копнуть глубже, поймешь, что актерский талант Кинчева просто не уместается в рамках каких-либо альянсов. Песню той поры «Мы вместе» Задерий истолковывает как лозунг единения московских и ленинградских рокеров, в отношениях которых по сей день существует ревнивая конкуренция. Для публики девиз «Мы вместе» стал знаменем единства не тусовочного, даже не политического,

а межчеловеческого. Многие признают рок религией, Кинчев сумел стать ее апостолом. Автограф «Алисы» с двумя звездами предложил Энди Уорхолл, дизайнер «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Джоан Стингрей, рекламируя на Западе «красную волну», показала художнику фонограмму группы, и он на банке грибной подливки написал «Алиса» с двумя «А» в виде звезд. Джоан привезла банку Косте.

По поводу прозвища Кинчева Доктор Задерий признает: «Биополе у него точно есть, он обладает способностями лечить. Раньше таких людей называли духовниками. Поэтому я и назвал его Доктором».

Вообще, говорят, добрый парень. Вот деньги дал на первое издание рокерской газеты «Иванов».

Впервые «Алиса» появилась на II фестивале Ленинградского рок-клуба в 1984 году. С тех пор прошла будто целая эпоха блеска и нищеты отечественного рока. Совсем недавно фанаты праздновали победу выхода андеграунда на свет. Мы, причисляю и себя к этой когорте, искренне верили, что слушатели поймут, насколько песни Кинчева, Сукачева, Шевчука лучше — содержательнее, образно ярче — безликих стереотипов официозной эстрады. Однако триумф рокомании длился недолго. В массовом успехе победили поп-исполнители, выигрывающие перед былыми эстрадными кумирами только юностью. Рокеры почувствовали себя в окружении. К нападкам родителей им было не привыкать. Но тут подросло новое поколение четырнадцатилетних, которое грубо ткнуло в спины разочарованных братьев: «Проваливай, отцы, кончилось ваше время. Ситуацию хотим».

Блокаду (блок ада) удалось прорвать немногим. Цою, Кинчеву. Они не погнушались, что в письмах их заказывают через запятую с Ромой Жуковым и Женей Белоусовым. Один из премьерных показов поп-металлической программы Кинчева состоялся на VII фестивале Ленинградского рок-клуба в 1989 году. Надо было видеть, как полупустой зал на улице Рубинштейна, 13, где маниакальные приверженцы «подполья» силком возрождали свою «контркультуру», в момент наполнился вопящими тинэйджерами, создавшими обстановку восторга, по существу, необходимую искусству. Проталкиваясь наперез через плотную безбилетную толпу, snyбы брезгливо спешили к выходу, причитая: «Кинчев пошел на поводу у малолеток», — и забывали, как недавно сами козыряли повальным энтузиазмом и прозорливостью юности.

На мой взгляд, Кинчев доказал истинность своей актерской сущности, ища зрителей, а не отворачиваясь от них. Ведь есть доля вероятности, что слушатели сумеют оценить преимущества «Алисы» перед безголосыми, неуклюжими, придурковатыми «фанерными» попсерами? Рокеры в свое время обещали воспитать новое поколение, которое сумеет преобразить к лучшему жизнь. Так зачем же при первых накладках на попятный? Кинчев — Артист, и сказка об очистительном Огне для него не атрибут металлического выпендрежа, а живая мысль проповеди, извечно ищущей свою паству.

Недавно на дискуссии о современном кинематографе я слышала мнение о невозможности нынче таких жанров, как вестерн, детектив, мелодрама, поскольку они построены

ны на противопоставлении черного и белого, абсолютно плохого и совершенно хорошего, а нынешний человек уже понимает, что так не бывает, и перестает верить в схему. Осмелюсь возразить. Именно в самые смутные и тяжелые времена, когда понимание беды не становится освобождением от нее, обостряется потребность в добрых и простых сказках. Вернее, это ведь и не вполне сказки. Заветы «не укради», «не прелюбодействуй» наивны только тем, что не учитывают невыполнения их большинством людей. Что касается белого и черного, добра и зла, порядочности и подлости — они вполне существуют и в чистом виде, только положительные примеры реже встречаются. Фильм, песня, религиозное учение предлагают относительно идеальные варианты. Инъекция относительности придает произведению убедительность. В хорошем кино ковбой, детектив, герой-любовник не вылеплены из сахара, хотя могут характеризоваться как положительные, «сказочные» персонажи. На безрыбье сходят белые розы.

Подобно тому, как попса играет в сиротство, рок-культура некоторое время в натуре разыгрывала мелодраму о гонимой добродетели. Кинчев привнес в эти истории настолько острую детективность, что им заинтересовалась газета «Совершенно секретно». Фильм «Взломщик», где Костя сыграл главную роль, показался легкой репетицией, жизнь подкидывала сюжеты покруче. Кто-кто, а Кинчев не выделялся, его действительно менты не пускали на собственный концерт, вязали руки, тащили в «воронок». Чистый боевик: избивание беременной жены на глазах ар-

тиста, он бросается защищать, его обвиняют в фашизме, а потом он блистательно выигрывает процесс с опубликовавшей клевету ленинградской газетой «Смена».

Кинчев — Художник потому, что его популярность зиждется не только на подобных эпизодах. Все это есть и в песнях, но изложенное не биографически, а в варианте той самой схемы (чистые цвета могут варьироваться): красное на черном. Это — схема добра и зла, где в ущерб рокерскому куражу признается даже уязвимость глашатая, однако неизменна его самоуверенность Мессии. «К несчастью, я слаб, как и слаб очевидец событий на Лысой Горе». Но: «Я — даю тебе шанс!» Не хило. И какой же?

Признания типа «возможно, я — картонный герой» воспринимаются у Кинчева не то чтобы кокетством, а минутным вздохом, подтверждающим реальность его персонажа-супермена. Он — Герой, который бой принимает.

Первые песни Кинчева, по преимуществу в стиле рэп, были кратким жизнеописанием юного рокера, темой и интонациями напоминали баллады другого ленинградского певца — Майка Науменко. Хулиган, плохо учусь, коллекционирую пластинки, танцую рок-н-ролл. Однако уже среди ранних работ появился злоедей Экспериментатор, инженер человеческих судеб, противостоящий герою Кинчева, как фольклорный царь Ирод разбойнику Кудеяру.

Артисты оказались более прозорливы, чем политики. Еще публика на концертах «Алисы» размахивала красными знаменами, радуясь новой революции, а Кинчев уже заметил, что методы аэробики-перестройки не сильно отличаются от

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Константин КИНЧЕВ

предыдущей политфизкультуры. Песня «Новый метод» написана в манере, близкой сатире группы «АВИА». «Тоталитарный РЭП» перекладывает автобиографию среднестатистического меломана, аналогичную и на Западе, и у нас, на специфически отечественную ситуацию. И, наконец, еще во времена «Моего поколения» Кинчев замечает: «Какой изумительный праздник, но в нем явно не хватает нас». Ох, как бы мне хотелось, чтобы эти слова не цемили все большей актуальностью сегодня!

Впрочем, самому Кинчеву тоже указывают, что принципы его философии и приемов поднимать толпу, мягко говоря, неоригинальны и опасны. Что ж, он не придумывает правил игры: «Я не хочу пожара, но огонь уже зажег...» Однако Дух Огня, к которому взывает металлизировавшаяся «Алиса», попритворявшись силой тьмы, то и дело оборачивается Солнцем. (Его Звезда тоже по имени Солнце.)

*«Дух Огня, начни игру,
нам не начать без тебя...
Сойди, мы здесь,
мы ждем сигнала к началу дня...
Распиши горизонт
к Австралии новых зарниц,
вскрой душевное небо
скальпелем утренних птиц.
И хотя этот восход еще слишком молод,
а закат уже слишком стар,
я продолжаю петь,
я вижу пожар».*

«И вновь продолжается бой!» — подобными интонациями, залихватским духом «Неуловимых мстителей» переписаны песни «Алисы». Кинчев мститель — блистательный поэт. Чего, например, образный поворот фразы: «Спезы устали

течь рекой, право свое поправ...» Однако еще важнее, вероятно, реальное содержание этих строк.

Нет, ничего нового. Кинчев — долгожданный герой, который напоминает: «Мы вольны хотя бы в том, что у нас есть глаза, а у наших глаз — голос». Вот этого не отнимешь. А в остальном традиционно: «... как эпилог все та же любовь, а как пролог все та же смерть». Заметьте, не демагогическое копание в том, что не поленился разглядеть глаза, а масштабные вечные понятия — соучастие. Это тот случай, когда положительный герой не радует противников черно-белой гаммы готовностью подставить щеку, а попросту вмажет по роже отъявленному подлецу. Что еще можно сегодня предложить?

*«По ошибке? Конечно, нет.
Награждают сердцами птиц
тех, кто помнит дорогу наверх
и стремится броситься вниз».*

Кинчев, пожалуй, самый разнообразный среди отечественных рокеров в смысле поисков музыкальных стилей. На концерте памяти Виктора Цоя в Лужниках он выступил в такой псевдорусской манере, неприятно напомнив ранние потуги ВИА типа «Ариэль». Однако все предшествующие победы артиста заставляют меня верить, что и этот путь для артиста не случаен, что-то он, вероятно, задумал и снова выиграет. Наш Орленок, дай Бог ему здоровья и не сделай пророческой традиционную для романтических баллад жертвенность: «... если песню не суждено допеть, то хотя бы успеть сложить...»

Нина ТИХОНОВА

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

НЕ ВЕРЮ!

Многие ребята пишут в «Мы», что они часто встречаются с несправедливыми учителями. Да, я согласна, такой учитель найдется в любой школе, но неужели нет в такой школе ни одного хорошего учителя? Я не верю.

Я сама учусь в девятом классе и прекрасно знаю, что и у нас есть, будем так говорить, плохие учителя. Но сколько у нас прекрасных учителей, сколько людей, способных помочь, подсказать! Вот, например, замечательный педагог, человек, которого я очень люблю и уважаю, — наша учительница географии и классный руководитель. Это очень добрый, отзывчивый, чуткий человек, готовый всегда прийти на помощь.

Я считаю, что учителя тоже нужно понять, ведь учитель прежде всего человек, который тоже нуждается в помощи. Ведь мало кто думает о проблемах, которые каждый день приходится решать учителю. Это и дети, и семья, вечная работа дома: убрать, постирать, сходить в магазин и еще приготовить к урокам. Разве это просто? Не нужно забывать, что учитель иногда сам нуждается

ся в помощи да и просто в добром слове.

Наверное, ребята соглашались: мы сами бываем очень жестоки и несправедливы к учителям, но, к сожалению, это мало кто осознает. На эту тему можно написать еще очень много, но не знаю, поможет ли это кому-нибудь.

Наташа
г. Симферополь

ЗНАЧИТ — ПРАВИЛЬНО?

Мне 16 лет. Моя мама не разрешает мне встречаться с другом. Причина в том, что он — чеченец. И у нее всякие дурные мысли. Раньше я тоже их боялась, много разных сплетен ходило. Но, познакомившись с ним, я поняла, что они такие же, как и мы. Мы с ним ходим вместе на дискотеки, он провожает меня домой. Мы обо всем говорим откровенно, отношения у нас чистые. Но вот мама со своими домыслами...

Вчера он сказал мне, что любит меня.

Но какая же мать хочет зла своему ребенку? И значит, если моя мама так говорит и думает, значит, это правильно?

Е. Р.
Ростовская обл.

А Я ХОЧУ...

Я не хочу больше
                                жить и лгать.
Я не хочу больше
                                в школу ходить.
Я хочу вечерами гулять,
Но дома держит меня
                                моя мать.

А я хочу во дворах
И с сигаретой в зубах
Но дома держит меня
И не пускает сегодня гулять.

Алена М., 12 лет
г. Ужгород

НЕ НАВИЖУ ТАКИХ

Так как в нашем городе в магазинах ничего нет, все всё почти покупают в кооперативах. Но не все могут купить в кооперативе платье или брюки. Почему? Денег нет! А раз денег нет, надо их откуда-нибудь достать.

А где сейчас можно подра-
ботать? Те, кто никогда не
любил животных, заводят
собак. Собаки сейчас дорогие.

Все берут сучек, так как от них прибыль. Например, у нас щенок эрдельтерьера стоит 700 рублей. Легко можно заработать на одежде.

Я ненавижу людей, кото-
рые держат собаку ради де-

нег! Ведь собака — это твой самый верный друг. А те, кто заводит собаку ради денег, в сущности издеваются над ней.

Неужели для всех главное — деньги?

Без подписи
г. Магнитогорск

**ЖАЛЕЮ,
ЧТО НЕ ВРЕЗАЛА
ЕМУ**

Я потеряла веру в пацанов. Это произошло, когда меня оскорбил пацан, причем незнакомый. Я постояла за себя. А он мне за это врезал, да так, что я потом две недели ходила с фингалом. Домой пришла вся в слезах, плакала больше от обиды. И это будущий мужчина? Я до сих пор жалею, что не врезала ему так, чтобы у него тоже фингал выскочил.

И теперь я не верю, что есть честные и благородные юноши. Я была веселой, доброй, наивной девчонкой. А сейчас, когда со мной хотят познакомиться парни, я груба и резка с ними. Хотя чуточку доброты и веселости у меня осталось.

Сейчас очень много развелось парней, у которых на уме в первую очередь секс, секс, секс. А могут ли они заглянуть в душу девчонке?

Большинство из парней наверняка ответят мне, что

нельзя, мол, всех под одну гребенку. Это так, я знаю, но я видела только обман.

Может быть, я просто невезучая?

Наташа Р.
г. Целиноград

ЖИТЬ И РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ

В нашей семье было пятеро детей. Почему было? Был у меня старший брат, который три года назад погиб в Афганистане. Через месяц, не перенеся гибели единственного сына, умер наш отец. Сейчас мама одна поднимает нас. Старшая я, младшей сестре семь лет. Мама зарабатывает 110 рублей плюс 90 рублей папиной пенсии и 30 рублей за нас.

Мне очень-очень плохо. Единственная радость — это мама и сестры. Но несмотря ни на что я хочу жить. А пишу я это к тому, что сейчас очень многие девушки пишут о том, что покончат с жизнью — кого-то не понимают родители, кого-то разлюбил любимый и т. д.

Я не осуждаю этих девушек. Но, с другой стороны, я их совсем не понимаю. Я тоже хочу ходить на видео, в кино, на дискотеки. Хочу джинсы и варенку. Но у меня ничего этого нет. Все говорят, что у меня музыкальный дар, я закончила музыка-

лу. Я мечтаю учиться нет. Но моя мечта неосуществима, потому что после школы я пойду работать, чтобы помогать маме растить сестер.

Мои подруги ломают себе голову, где бы достать варенку с вышивкой за 300 рублей (у нас продают, но за 500 и больше), а я ломаю голову, где бы купить картофель за 60 копеек, чтобы остальные 60 копеек истратить на что-нибудь другое. Мне стыдно попросить у мамы 20 копеек, чтобы купить булочку в школе, тогда как другие просят 50 рублей на заколку для волос.

Моя мама не хочет, чтобы я ходила на день рождения к подругам, так как я среди них выгляжу нищенкой. Есть человек, который мне нравится. Он сейчас в армии. Я жду его. Я ему тоже нравлюсь. Возможно, это — любовь. Но мы никогда не будем вместе, потому что я не го-жусь ему в пары. Он из очень состоятельной семьи. Мне трудно спокойно думать об этом...

Но несмотря ни на какие трудности я очень люблю людей, люблю мою страну. Я хочу жить и делать все возможное, чтобы улучшить мою жизнь и жизнь моих сестер. Я верю М. С. Горбачеву и, как мы уже привыкли говорить, в светлое будущее наших людей. Надо жить и радоваться жизни, несмотря ни на какие трудности.

Айгун
г. Баку

ТАИНСТВЕННЫЙ КОТ ИДЕТ НА ДЕЛО

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

21

Арти с верхнего этажа рассматривал заросли у входа. Ему вдруг пришло в голову осмотреть поле с этой выгодной точки. Правая рука у него дрожжала — верный признак опасности. Он как будто хотел выхватить оружие

— Погляди на этот след в траве,— сказал он Меморандуму, стоявшему рядом.— Его не мог оставить кот или собака. Зверь покрупнее.

Солнечный свет четко освещал след в зарослях. Меморандуму стало страшно. Надо что-то сказать. Он в отчаянии пытался придумать подходящую реплику. По вискам будто молотом ударило. Скоро его резанет приступ язвы.

Арти обернулся. Тяжелым, внимательным взглядом он уставился на Меморандума.

— Тут прополз кто-то большой,— сказал Арти тоном мальчишки, глядящего на жука на булавке.— Полз, а не шел.

И двинулся к лестнице.

— Мистер Дюваль хочет, чтобы ты сбрил усы. Он усов не любит.

Меморандум почувствовал острую боль. Приступ. И подумал: мертвого меня будет труднее опознать без усов.

— Он везет товар?

Арти пожал плечами и, спустившись по лестнице, пошел прямо к старому мусоросжигателю в дальнем северо-восточном углу. Нос учуял посторонний запах и привел его к форели, свисающей с полки.

— Как попала сюда эта чертова рыба? — спросил он шепотом.

— Может быть, кот принес,— предположил Меморандум.

Окончание Начало в №№ 4, 5

— И положил сушиться? — Арти с презрением проследовал мимо и подошел к задней двери. Выйдя наружу, он сказал скорее себе, чем Меморандуму: — Вот по этой линии мы шли прошлой ночью. — Он прошел весь путь и остановился у «крайней точки». Дрожащими руками он зажег спичку, закурил и задумался: — Еще шаг, и я бы наступил на кого-то. Я же сказал, что чую людей. — Тут он резко повернулся к Меморандуму: — А ты прошлой ночью никого не заметил?

Меморандум отрицательно покачал головой.

— Врешь, — сказал Арти. — Все ты врешь.

Меморандум задрожал от неожиданности.

Арти внимательно рассматривал зольное отверстие.

— Через него не может пролезть даже ребенок, — бормотал он про себя. — Но кто-то побывал у нас прошлой ночью. Рыба не могла войти сама собой и залезть на полку. Но зачем было приносить сюда рыбу? Зачем?

Он вернулся на фабрику, все еще бормоча себе под нос. Меморандум стоял потрясенный. За кого этот вшивый барин себя принимает да еще обзывается, говорит, что я вру? Надо подождать, пока придет товар. Он им тогда скажет пару слов. С ним нельзя так обращаться!

Вдруг ему пришло в голову, что ФБР может бросить его на произвол судьбы. Он ведь сыграл свою роль. Предупредил о готовящемся жульничестве, одном из крупнейших в мире ювелирного бизнеса. Так какое им теперь дело до того, запустят ли ему заряд в пузо?

Бросив взгляд вверх, он заметил, что Арти высунулся из окна верхнего этажа, устанавливая прожектор над задней дверью.

Меморандум прикинул, далеко ли до улицы. Не более пятидесяти футов от выхода, но путь шел через сухой бурьян, шорох которого громче сирены тревоги. Сердце сильно забилося; в голове вертелась мысль, что это последний шанс, другого может и не быть.

Если он медленно отойдет в сторону... Арти все еще наклонялся над прожектором.

Меморандум сделал длинный продуманный шаг в направлении улицы. Ему удалось просунуть ноги в бурьян и найти точку опоры. Еще один тщательно продуманный шаг и еще. В промежутке между шагами он повернул голову, чтобы проверить, чем занят Арти. Быть может, этого не следовало делать. Обычно человек чувствует, когда на него смотрят. По крайней мере, он замечал это всегда.

Еще пять шагов, и будет пройдена треть пути. Вдруг треснула ветка, и шум этот показался громом. Он замер. Но Арти ничего не слышал. Он возился с отверткой. У него свои проблемы. Прожектор — штука слишком тяжелая для одного человека.

Еще один шаг, потом еще, и вдруг оглушительный гул. В футах от него в землю врезалась пуля. Не выдержав, он побежал.

Опять загудело, и он встал как вкопанный. Оглянувшись, он безумно заорал:

— Не надо! Я иду назад.

Сидя на подоконнике, Арти держал его на мушке. Ему показалось, что он различает медленное нажатие пальца на спуск. Инстинктивно Меморандум почувствовал, что на этот раз промаха не будет.

— Не стреляй! — закричал он. — Я просто пошел прогуляться.

Он услышал хриплый, дьявольский смех:

— Стой на месте, Мак, и повернись лицом ко мне.

Трясаясь всем телом, едва дыша, Меморандум повиновался. Боже, молился он, не позволяй ему убить меня.

Арти хохотал:

— Хочешь закурить — кури. Время у меня есть. Думаю, что каждый имеет право на последнюю в жизни сигарету.

В совершенном отчаянии Меморандум глядел на него снизу вверх. Арти сердито произнес:

— Поторопись, Мак. Я делаю тебе одолжение.

Механически Меморандум вынул пачку из кармана рубашки. Он нервно шарил пальцами, пытаясь выудить хоть одну. Как зачарованный он глядел на револьвер. Ему все время представлялось, как разорвется на куски его плоть.

— Давай, давай! — подгонял Арти.

Меморандум нашарил спички. Он слышал, как в отдалении жужжит газонокосилка, проезжает машина, а где-то поблизости лает собака. В голове шел нескончаемый диалог. Стой на месте, внушал один голос; делай то, что он прикажет, иначе он тебя тут же убьет, возражал второй.

Меморандум медленно зажег сигарету. Арти, конечно, позволит ему затянуться четыре-пять раз. За это время кто-нибудь заметит, что Арти направил на него револьвер.

Он затаился один раз и снова сунул сигарету в рот. Тут заговорил револьвер. В лицо ударила струя горячего воздуха, опалило губы. Он покачнулся и чуть не упал. В него попали, но куда? Странно, но голова продолжала работать. Он был зрителем, наблюдавшим со стороны за самим собой. В любую минуту он может бездыханным свалиться наземь.

Он подождал, не сходя с места, и внезапно осознал, что в него не попали. Но тут же заметил, что от сигареты отстрелена половина.

Арти крикнул:

— Давай, дубина стоеросовая, иди сюда.

Меморандум сделал резкий выдох. Он был жив, и ему было хорошо! И все-таки он останавливался после каждого шага, заросли казались непроходимыми.

Арти держал его под прицелом, пока он не зашел в здание. С неубраным револьвером Арти встретил его, едва переводя дыхание после бега по лестнице.

— Трус вонючий! — злобно завопил он. — Не мог даже рвануть как мужчина!

Меморандум ошеломленно застыл. Арти продолжал:

— А я бы тут же пришел тебя. Старику было бы все равно, раз я помешал тебе слинять!

Меморандум попытался обойти его. Но быстрым движением Арти преградил ему путь.

— И куда же ты нацелился? Небось в ФБР?

Если бы Меморандума ударили рукояткой револьвера, шок был бы значительно меньшим. В панике он отвел глаза. И силой заставил себя взглянуть в лицо Арти. Иначе ему не доказать свою невиновность. Но так и не смог, и вина его для Арти стала очевидной.

Ему каким-то образом удалось пройти мимо Арти и доковылять до конторы, где он и плюхнулся на стул.

22

Зик кратко проинформировал Ньютона о ходе дел.

— Мы поставили двоих агентов дежурить на кухне у Шерли Хатчинсон. Дежурство круглосуточное, вдобавок мы заняли пустую квартиру по диагонали, откуда хорошо просматривается парадный вход. На улице ее сопровождают четверо сотрудников на двух машинах, а в магазине ее подстраховывает швейцар. У него быстрая реакция и твердая рука.

Ньютон перебил Зика:

— Вы предупредили ее насчет кофе, безалкогольных напитков и любого угощения из рук Дюваля?

Зик кивнул. Ньютон продолжал:

— А относительно туалетных комнат?

— В магазине туалет рядом со служебным входом. Окон нет, вентилятор на потолке. Швейцар периодически проверяет, нет ли там взрывчатки.

Зик вздохнул. Он безумно устал.

— Не знаю, что еще можно сделать. Если бы нам было известно, на какое время они назначили исполнение задуманного... Сегодня мы опять воспользуемся услугами X-14. Чтобы быть стопроцентно уверенными, нам надо точно знать, **когда, где и как.**

Вскоре после этого разговора из автомата в кафе «Вилла Фраскати» позвонила Шерли Хатчинсон:

— Сегодня я в первый раз не получила утром чека. Мистер Дюваль обещает, что я получу его завтра. Но я знаю, что не получила его потому, что потенциальному мертвецу платить незачем.

— Не пугайтесь.— тихо произнес Зик.— Мы на вас рассчитываем.

— Зик, милый, когда вы так со мной разговариваете, я готова сделать для вас все, что угодно... Правда, он отодвинул мой стол от кондиционера. Теперь я сижу спиной к двери.

Она быстро перевела дыхание.

— Но я звоню вот почему. Сегодня он распорядился, чтобы я позвонила адвокату, ведущему дела Готорна, и адвокат сказал, что сегодня днем суд даст разрешение на реализацию имущества и сразу же после этого мистер Дюваль сможет забрать коллекцию. Если угодно, то даже в течение часа. Он тут же ухватился за это. И уехал. Сразу же, как я ему об этом рассказала. Больше я его не видела. Куда он едет, он не сказал. Ну все. Тут уже мужчина ждет. Зик, не беспокойтесь обо мне. Знаю, милый, что вы трогательно обо мне заботитесь и не допустите, чтобы со мной что-нибудь случилось, раз мы так много значим друг для друга. Пока!

Зик швырнул трубку на место. «Раз мы так много значим друг для друга!»

Когда Господь создал женщину, то одним из качеств он одарил ее без всякой меры: воображением.

Он едва успел расшифровать собственные мысли, когда ему позвонил один из агентов, обслуживающих наблюдательный пост через дорогу от заброшенного предприятия. На заднем дворе фабрики раздалась серия выстрелов. В это время Арти Ричфилд устанавливал у одного из окон верхнего этажа прожектор, а Меморандум — Кэлвин Тэрмен — находился внизу. В бинокль агенты разглядели, что у Ричфилда в руках было оружие. Были ли выстрелы прицельными, и если да, то что была за цель, узнать не удалось. Вскоре Тэрмен, целый и невредимый, вернулся на фабрику.

Вдруг агент прервал доклад и быстро заговорил:

— Не вешайте трубку! У нас новости. На пустыре позади фабрики огонь. Докладывает пост номер двадцать. Пламя высокое и быстро распространяется. Вся территория буквально пылает.

Ингрид наблюдала за Джимми и появилась на лужайке еще до того, как он вышел из машины.

— Сегодня я не иду в школу, — сказала она ему. — Заболел Д. К. Я пыталась созвониться с тобой.

Он выглядел разочарованным.

— А чем он болен?

— Не знаем. Он стонет. — В горле встал ком.

— Скверно. — Джимми вернулся в машину. — Вчера вечером мне попался Билл Кома. Помнишь, я про него рассказывал? Живет в Нью-порт-Биче. Нам везет: его родичи обитают в маленьком домике у самой воды, и мы можем использовать его как базу, если нам это будет нужно. Старшие куда-то уехали. Там есть камин. Согреемся, если опустится туман.

Она посмотрела в сторону:

— Я читала, что в Диснейленде играют четыре оркестра.

— Кому они нужны? — Он завел мотор. — Ты что, не хочешь ехать?

Ингрид отбросила волосы назад:

— С чего ты взял? Я мечтаю о поездке, как о самой чудесной ночи в моей жизни.

— Ага. Ладно, вечером позвоню.

Джимми рванул с места, двигатель палил, как охотничье ружье. Из дома выскочил Майк и понесся в школу, крича по дороге:

— На обеденном столе я оставил свое расписание.

Что ж, Ингрид знает, где его найти, если Д. К. станет хуже. Затем вышла Пэтти, очень стройная в платье пастельных тонов.

— Забегу в середине дня, — сказала она.

Даже П. К. чувствовал, что что-то не так. Когда Ингрид возвращалась в дом, он вылез из кустов и потерял ее ноги. Она погладила его.

— Бедный малютка, ни дома, ни родных.

Он замурлыкал и перевернулся на спину. Никто его не замечает, ни кошки, ни люди. Она решила, что П. К. в этом мире абсолютно одинок.

— Тебе так хочется, чтобы тебя кто-нибудь взял, правда?

Она услышала телефонный звонок и побежала. Звонил отец.

— Все в порядке?

— Да, папа, он спит.

— До двенадцати я на месте.

— О'кей.

Ингрид еще раз посмотрела на кота. Д. К. лежал, свернувшись клубочком. В изножье постели, даже не переменив позы с того момента, как его туда уложил отец. Она вытащила из стенного шкафа старую клетчатую юбку и подложила ему под голову.

Потом помыла посуду и подмела. Там, где обычно чесался Д. К., виднелись темные пятна. Ей было больно на них смотреть.

Она зашла в комнату отца, проверила рубашки, не болтаются ли где пуговица, в порядке ли воротнички, и тут до нее донесся крик Д. К. Звук был жуткий, так кричал бы страдающий человек. Бросив вещи на пол, она помчалась на зов. У кота были спазмы. Глаза закатились. Секунду она стояла, окаменев, затем рванулась к парадной двери. Первой мыслью было найти Грега, чтобы тот отвез их к ветеринару.

В нескольких футах от двери она столкнулась с миссис Макдугалл. Миссис Макдугалл услышала, как Ингрид бежит по дому, и ее нос ищейки учуял неладное.

— Мне нужна помощь, — в истерике закричала Ингрид. — Не знаете, Грег дома? Он умирает, знаю, он умирает. У меня нет машины, и мне надо, чтобы меня кто-нибудь отвез.

Миссис Макдугалл, никогда в жизни не сидевшая за рулем, стала активно действовать. Нет, не зря она во время войны была дежурной противовоздушной обороны!

— Грег уехал полчаса назад, — сказала она. — Но возвращайтесь домой, а я кого-нибудь найду.

Миссис Макдугалл завелась.

— Что-нибудь с Майком? — спросила она, уносясь с той скоростью, с какой позволяло ее тело. К тому моменту, как она добежала до собственной двери, она уже задыхалась. — Уилбер! — закричала она. — Умирает наш сосед, маленький Майк! — Она замолкла. Этот никчемный мужичонка торчит в мастерской и выключил слуховой аппарат.

Пока суд да дело, Ингрид успела позвонить Пэтти, и та сказала, что приедет немедленно.

— Не паникуй, родная, — обратилась к ней Пэтти. — Вызывай такси. Если такси приедет раньше меня, поезжай, а я поеду следом.

Такси? Как же ей не пришло в голову?

— Мистер, — сказала она диспетчеру, как только тот снял трубку, — можете сразу же выслать машину? Боюсь, что он умирает и надо ехать в больницу.

Вернувшись в спальню, она увидела, что кот затих. Он из последних сил лизал ее, а она еле сдерживала слезы. И тут завывала сирена, вначале далеко, потом все ближе и ближе, и наконец надрывный вой послышался совсем рядом и смолк. Раздался громкий стук.

У дверей она обнаружила двух молодых санитаров с носилками. Неподалеку стояла «скорая помощь».

— Вызывали? — спросил тот, что постарше.

— Нет! — воскликнула Ингрид. — Я вызывала такси. У меня умирает кот.

Они обменялись взглядами.

— Шутите? — спросил тот, что помоложе.

— Нет... Да вы заходите! Прошу вас! — умоляла она. Они прошли в спальню. — С ним что-то совсем нехорошее!

Тот, что постарше, бегло осмотрел кота. Глаза у него были закрыты, и его опять трясло.

— Дело дрянь, — сказал санитар. — Начальство меня убьет, но, может быть, поедем к ветеринару? Все равно за вызов придется платить тридцать долларов, неважно, увезем мы кого-нибудь или нет.

Она решительно кивнула. Санитары бережно положили кота на носилки, Ингрид вышла следом за ними. Перед глазами проплыла миссис Макдугалл, выпученными глазами уставившаяся на Д. К.

Ингрид ехала рядом с Д. К. на заднем сиденье. Снова взвыла сирена, и «скорая помощь» понеслась по запруженным транспортом улицам, Д. К. лежал неподвижно. Она гладила ему голову, разговаривая с ним сквозь слезы.

Они подъехали к корпусу неотложной помощи. Ингрид рванулась вслед за санитарями, но тот, что постарше, сказал, что она должна идти через главный вход.

Так она и сделала и тут же попала в уютную, освещенную мягким светом приемную, обставленную антикварной мебелью, с гравюрами Томаса Бентона на стенах и пушистыми коврами на полу. Из динамиков доносилась спокойная музыка.

— Прошу вас, мисс, — пригласила Ингрид пожилая дама — дежурный регистратор, для которой кошки, собаки и люди представляли собой лишь самодвижущиеся объекты, которые следовало направлять по разным кабинетам. — Имя и адрес пациента.

— Дьявольский Кот Рэндалл, а живем мы...

Женщина тут же перебила Ингрид:

— В вашем возрасте не богохульствуют!

— Но это его имя. Честно. Так назвал его папа, а мы сокращенно зовем его Д. К.

— Первый раз в жизни вижу кота, носящего столь непристойное имя, — фыркнула дежурная.

— Наш адрес Шерман-Оукс, Гринбрайар, 1620. Прошу, нельзя ли отложить формальности? Хочу пройти к нему.

— Членам семьи при осмотре присутствовать воспрещается. У него были респираторные заболевания?

— Он никогда не болел, только как-то, слезая с дерева, ударился головой, и у него было легкое сотрясение.

— Заболевания позвоночника, пищеварительного тракта? Болезни легких, сердечные приступы?..

Ингрид отрицательно покачала головой.

— Эмоциональная стабильность?

Ингрид вспыхнула:

— Он более стабилен, чем многие люди.

Тут прибежала Пэтти, и через несколько минут объявились Майк и Грег. Последнего проинформировала миссис Макдугалл, которая решила, что в столь трудный час мисс Пэтти понадобится его помощь.

— Зрелище было непереносимым,— сказала она.— Я думала, что это Майк, так рано вырванный из жизни, но когда я бросила взгляд и увидела бедного, маленького котика, которого увозит огромная, мощная «скорая помощь», я сказала себе, я сказала... так что же я сказала?

Грег громко спросил:

— Почему мне нельзя пройти? Я адвокат и обладаю всеми правами юридически уполномоченного лица.

Дежурная глядела на них, как старая боевая лошадь.

— Адвокат! — процедила она.— Такого я еще не слышала. Адвокат, догоняющий «скорую помощь», чтобы пройти в палату к коту!

Благообразный, дородный джентльмен в белом халате вышел из дальнего помещения. Это был ветеринар, доктор Роско Монтон. Поигрывая очками, он спросил по-докторски:

— Кто тут ближайший родственник?

Дежурная показала на Ингрид. Доктор подошел к ней:

— Мисс, серьезных причин для беспокойства нет. Пациент страдает от грыжи.

— От грыжи? Кот страдает от грыжи? — воскликнул Грег.— Что он у вас делал? Таскал рояли?

Доктор сделал вид, что не слышит этого замечания.

— Необходима немедленная операция. Конечно, с вашего согласия. Если ситуация не будет исправлена тотчас же, он может умереть от сужения сосудов...

Тут вступила Ингрид:

— Если будет сделана операция, он... выживет?

— Любая хирургическая операция связана с определенным риском. Она посмотрела на остальных.

— Это единственный выход, девочка,— сказала Пэтти.

Майк подал голос:

— Я предлагаю пригласить еще одного врача для консультации. Консилиум оплачу я. Я читал, что операция проводится только тогда, когда в ее пользу высказываются, по крайней мере, два врача.

— Невероятно! — произнес Грег.— У кота грыжа!

— Это вовсе не смешно,— решительно заявила Пэтти.

— Простите,— извинился Грег.— я знаю, что наговорил о нем много резкостей из-за того, что он неоднократно проникал без надлежащего разрешения в мои владения и наносил ущерб, но к данной ситуации это не имеет ни малейшего отношения. Я не хочу, чтобы он умирал.

Доктор с шумом прочистил горло.

— Я был бы рад пригласить для консультации еще одного хирурга. На той неделе у нас был консилиум из четырех докторов. По поводу мигрени у французского пуделя. — Он покачал головой. — Прискорбнейший случай.

В эту минуту вошел Джордж Рэндалл с озабоченным выражением лица. С помощью Ингрид Пэтти ввела его в курс дела. Он тут же принял решение:

— Ждать нельзя. Осложнения могут возникнуть в любую минуту.

Доктор сказал:

— Прооперируем в одиннадцать. Если вы пожелаете подождать, к вашим услугам уютная комната с телевизором для членов семей, первая дверь направо.

Ингрид отошла в сторону.

— Я сейчас позвоню этому человеку и предупрежу его, что сегодня вечером Д. К. не выйдет на работу. — Она специально не назвала Зика, чтобы не раздражать Грегга.

— На работу? — потрясенно спросил Грег. — То есть, этот кот фактически занимает определенную должность? И каковы его обязанности?

Пэтти взяла его под руку:

— Ладно, Грег, не в этом дело.

Грег замотал головой:

— Кот, у которого грыжа! И должность! Наверное, у него есть и карточка социального страхования!

24

Зик повесил трубку и сел, ошарашенный новостью. Возникло непредвиденное обстоятельство. Именно непредвиденные обстоятельства часто определяют ход расследования. Агент в состоянии предвидеть любое развитие событий, кроме того, какое может угадать лишь маг и чародей. Зик у никогда не приходило в голову, что X-14 может заболеть.

Второе неприятное событие за день. Первое — выжженное поле. Конечно, в сухую траву могли бездумно бросить непотушенную сигарету. Но когда на верхнем этаже здания обнаружили только что установленный прожектор, стало ясно — это преднамеренный поджог. Либо Арти Ричфилд вчера вечером кого-то «засек», либо, как это часто бывает у преступников, ощутил шестым чувством, что дела пошли вкривь и вкось.

Зик стал подробно обсуждать вопрос с Ньютоном. Кота надо каким-то образом запихнуть на фабрику. Но выжженное дочерна поле уже не было прикрытием. На ночь будет включен прожектор.

Теперь нужен удар. Надо опять идти к Ньютону и еще раз изучить все

возможности установления контакта с Меморандумом. Вновь и вновь проверяли они все возможности и пришли к выводу, что единственный выход — использование X-14. Даже Вашингтон, где поначалу посмывались, не раз звонил, как идут дела с X-14. Ибо надо знать точные ответы на вопросы «когда», «где» и «как» в связи с планируемым убийством Шерли Хатчинсон, чтобы суметь его предотвратить. Требуется, кроме того, точно установить время, когда Меморандум завершит пересадку камней из коллекции в другую оправу, чтобы явиться именно тогда, когда вещественные доказательства будут налицо и Арти еще не убьет Меморандума.

Зик был уверен, что сведения Ингрид абсолютно точны. И все же в силу служебной привычки он попросил через коммутатор соединить его с больницей. После кратких, сумбурных объяснений с регистратурой к телефону позвали ветеринара, доктора Монтона.

— Звонят из ФБР, — сказал Зик, предпочитая действовать напрямую. — У телефона спецгент Келсо.

В трубке последовало гробовое молчание. Зик привык к подобной немоте в телефоне. Двадцать — тридцать секунд люди перебирали события своей жизни, чтобы установить, не совершили ли они правонарушений, подпадающих под юрисдикцию ФБР.

— У вас находится интересующий нас кот, — продолжал Зик. — Кот, принадлежащий семье Рэндаллов.

Доктор Монтон заговорил елейным голосом:

— Совершенно верно, мистер Келсо. По графику ему назначена операция на одиннадцать часов.

— Сколько времени он будет находиться на операционном столе?

— Не могу сказать, мистер Келсо, все будет зависеть от продолжительности чисто хирургических манипуляций.

— Но положение не слишком серьезно?

Доктор Монтон прокашлялся:

— Честно говоря, я не знаю. Во время пальпирования я обнаружил твердое образование. Причиной может быть и грыжа, и злокачественная опухоль.

Он торопливо продолжал:

— Вы разрешите позвонить вам по завершении операции? Я всегда с огромным удовольствием оказываю помощь ФБР, хотя, как правило, среди наших пациентов нет таких, которые бы попадали в сферу деятельности ФБР. Правда, был у нас один случай, такая умненькая такса, которую принес ваш сотрудник, у нее обнаружилось довольно странное психическое расстройство. Путем длительных анализов мы установили, что причиной этому является ненормированный рабочий день ее хозяина.

— Через полчаса я выезжаю, — сказал Зик.

Он положил трубку и задумался. Служебной необходимости ехать

в больницу не было. Но надо было увидаться с Пэтти. Боже, как он любил ее, какими ужасными для него были эти последние часы...

Он продиктовал телетайпограмму в Вашингтон: «ИНФОРМАТОР X-14 ВНЕЗАПНО ЗАБОЛЕЛ, И В ПРЕДЕЛАХ ЧАСА ЕМУ БУДЕТ СДЕЛАНА СРОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ...»

Одиннадцать пять.

Пэтти ходила взад и вперед, не в состоянии сидеть. Ингрид стояла у окна спиной ко всем, пряча слезы. Отец вышел, чтобы попить воды. Майк изучал потолок. Грег то клал ногу на ногу, то снимал. В углу тихим голосом ворковал телевизор. Некий путешественник исследовал Новую Гвинею.

Одиннадцать десять.

Пэтти дотронулась до плеча Грегга.

— Очень мило, что вы пришли, но ведь у вас дела.

Он пожал плечами.

— Подождут.

Настала тишина. Давящая. Смешно, подумала Пэтти. Он ведь не человек. Разве можно так переживать? Разве можно вести себя так, будто на операционный стол попал один из нас?

А, собственно, почему бы и нет, подумала она. Он такой же член семьи... Они смеялись над его штучками; читали ему мораль, если он вел себя не так; все время гладили его, тем самым показывая, как его любят; а он демонстрировал свою любовь, вылизывая их язычком; им всегда было пусто и тоскливо, когда он уходил.

Вспоминались разные мелочи: как он хотел ходить по воде, когда еще был котенком. Как бегал по всему дому. Как в любое время дня и ночи точно знал, кто где. Как любил залезать в открытые ящики, а когда его закрывали, то выскакивал злой как черт и бросал на всех испепеляющие взгляды...

Одиннадцать пятнадцать.

Майк выключил телевизор. Грег что-то прошептал Ингрид. Тишина. Почему никто не скажет громкого слова?

А как-то раз Д. К. пришел домой после драки, выплевывая чужую шерсть, и Ингрид сказала, что у него были «разногласия» с другим котом, и все расхохотались. И как однажды он потребовал обед в четыре тридцать, и кто-то сказал ему: «Твои часы спешат. Вот, посмотри» — и сунул ему под нос специально снятые с руки часы.

Одиннадцать двадцать.

Пэтти с тревогой глядела в сторону коридора. Вот сейчас...

Если бы только можно было объяснить Д. К., что все позади. Она так часто говорила Ингрид, когда он, мяукая, являлся после боевой ночи: «Тебе ведь хочется, чтобы мы понимали его язык? Он пытается расска-

зять нам о чем-то, о приключениях, о маленьких трагедиях, может быть, он хочет снять камень с души».

Одиннадцать двадцать пять.

Нерешительно заходит Зик, совсем не такой Зик, каким его знали. Она хочет улыбнуться, но не может и отворачивается к окну. Пэтти слышит его голос:

— Я не мог не приехать, потому что знаю, как много он для вас значит. Я помню, как я места себе не находил, когда моя собака попала под машину.

— Спасибо, — произносит она тоном, которым благодарят официанта за стакан воды.

Ингрид бросает «Привет!» и добавляет:

— Я рада, что ты пришел.

— Ага, — вступает в беседу Майк. — Именно в такие минуты познаются истинные друзья.

Зик заметил Грега и церемонно кивнул. Грег холодно поздоровался, давая понять, что дальнейшие разговоры неуместны.

Такой тип, подумал Зик, вполне может воспользоваться эмоциональной неразберихой в душе женщины. Он умен, он может попытаться разжечь давно угасшее пламя и использовать все свои профессиональные трюки, чтобы сбить Пэтти с пути истинного.

Одиннадцать тридцать.

Распахиваются двери, и появляется доктор Монтон. Взгляд его задерживается на Зике, и тот выступает вперед.

— Доктор, Зик Келсо — это я.

Доктор Монтон кивнул и обратился к остальным:

— Никаких осложнений. Ему надели корсет, и в четыре часа дня он будет выписан из больницы. У нас не хватает койко-мест, и если бы вы смогли подъехать к этому времени...

— Значит, мы сможем забрать его домой уже сегодня? — восклицает Майк.

Ингрид утерла слезы. Грег стискивает руку Пэтти.

— Ну вот! Говорил же я, что этот кот бессмертен. Он всех нас переживет, боюсь, что это так.

Тут снова заговорил доктор Монтон:

— Его следует раз в полгода приносить на медосмотр. Он в таком возрасте, когда уже требуется регулярная диспансеризация.

Майк спросил:

— Сколько с нас?

И вынул чековую книжку.

Джордж Рэндалл остановил его.

— Спасибо, Майк, но об этом позабочусь я.

— Нет, папа, я же сказал, что это я беру на себя. Я обещал, и потом

это мой долг перед стариной Д. К.— Он бросил многозначительный взгляд на Пэтти и Ингрид.— Есть тут люди, которые считают меня жадиной.

Зик шепнул Пэтти:

— Мы можем переговорить наедине?

— Нам не о чем разговаривать.

— Прошу.

Она отошла в сторону.

— Прости, нет.

Просить прощения она вовсе не собиралась. Почему, подумал Зик, люди просят их простить, когда вовсе не собираются приносить извинения?

Когда они уходили, Грег хозяйским жестом взял Пэтти под руку, что не ускользнуло от внимания Зика, который задержался, чтобы переговорить с доктором Монтоном.

В дверях Майк напомнил Ингрид:

— Не забывай, что ты мне должна пять долларов.

Ингрид повернулась, как на шарнирах:

— Ты лаешь на меня, словно тюремная овчарка, а если я окажусь без денег, ты не поможешь ни центом. Я уже говорила об этом с Грегом.

Оскорбленная в лучших чувствах, она рванулась вперед. Майк заорал ей вслед:

— С сегодняшнего дня начисляю проценты. Восемнадцать. Как берут за рассрочку в универмагах.

Джордж Рэндалл задержался у машины, наблюдая, как все расходятся, кому куда надо. Ингрид села в машину Пэтти, Майк покатил на своем велосипеде. Слава Богу, Д. К. выжил. Он не представлял себе, что бы они делали, если бы случилось непоправимое...

Рэндалл завел машину. Чуден мир. Кот может так много значить. У Ингрид неприятности в школе, и она находит утешение, беседуя с Д. К. И даже Пэтти, взрослая девушка, ищет помощи у Д. К. после разрыва с Зиком. С Майком, естественно, все по-другому. Для него кот — это товарищ, с которым можно повозиться и потискаться. И самое интересное, заметил Джордж Рэндалл, — это то, что с каждым из них Д. К. ведет себя соответственно.

Начальник управления Ньютон смотрел и глазам не верил. Он прищурился, сжал губы и, не говоря ни слова, передал Зику ленту с телетайпа: «В ПИСЬМЕ БЕЗ ПОДПИСИ, НАПРАВЛЕННОМ ДИРЕКТОРУ 16 ИЮНЯ, СОДЕРЖАТСЯ ОБВИНЕНИЯ, СУТЬ КОТОРЫХ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО СПЕЦАГЕНТ ЗИК КЕЛСО ВСТУПИЛ В БЕЗНАВСТВЕННУЮ СВЯЗЬ

С НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦОМ ЖЕНСКОГО ПОЛА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ДЕЛА. ПРОСЬБА НЕМЕДЛЕННО ПРОВЕСТИ БЕСЕДУ СО СПЕЦАГЕНТОМ КЕЛСО И УСТАНОВИТЬ ФАКТЫ, ВКЛЮЧАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЮ ЖЕНЩИНЫ И КОНКРЕТИЗАЦИЮ ДЕЛА, ПО КОТОРОМУ ВЕДЕТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ. ЕСЛИ ОБВИНЕНИЯ ПОДТВЕРДЯТСЯ, ВЫ ОТСТРАНЯЕТЕ СПЕЦАГЕНТА КЕЛСО ОТ ВЫПОЛНЕНИЯ КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ...»

В голове у Зика начался полный ералаш. Пэтти. Но она никогда не напишет такое письмо, как бы ни сердилась. Тогда кто? Кому может быть известно про обед с Шерли Хатчинсон?

Он медленно произнес:

— Кто-то видел нас вместе, может быть, в ресторане и сделал идиотские выводы. Я уже докладывал вам, что она весьма импульсивна, и со стороны могло показаться...

Тут он замолк. Ньютон точно ножом ударил:

— Я вынужден буду побеседовать с нею. С меня спросят наверху. Что она мне скажет?

— То же самое. Только в ее интерпретации получится, что мы безумно нравимся друг другу. Однако это чувство одностороннее. Мне такой тип женщин не по душе. Вдобавок, как я полагаю, я помолвлен.

— Что значит «я полагаю»?

— Так было вчера и, надеюсь, так будет завтра, но сегодня — нет. Не думаю.

Ньютон успокоился.

— Забудьте. Какой-нибудь деятель не в своем уме...

— Макдугалл! — воскликнул Зик и прищелкнул пальцами.

— Кто?

— Есть такая старая кляча. На нее похоже!

Ньютон покачал головой.

— Я бы не рекомендовал называть какую бы то ни было женщину клячей. В Бюро такого рода разговоры не приняты. — Тут он решил, что пора переменить тему. — А как поживает кот?

— Операцию он перенес благополучно. — Зик забарабанил пальцами по спинке стула. — Не знаю, что бы мы делали без него. Несколько минут назад суд дал разрешение на реализацию коллекции, и в пять часов Дюваль ее забирает. Если бы мы могли его перехватить! — Он продолжал рассуждать вслух: — Но приобретение ювелирных изделий — операция вполне законная. Придется подождать, пока Меморандум пересадит крупные камни согласно указаниям Дюваля, а Дюваль заявит об ограблении магазина.

— Лучше придать мисс Хатчинсон еще агентов, — сказал Ньютон.

— Нам будет нужен этот кот, — уходя, пробормотал Зик. — Раз он в состоянии выйти из больницы на своих двоих...

— Интересное открытие в зоологии! — заметил Ньютон.

Но Зик его уже не слышал.

Минут через тридцать — сорок Зик объяснялся с доктором Монтоном, и респектабельный врач продемонстрировал всю свою проницательность, за которую его и уважали клиенты.

— Позвольте мне, мистер Келсо, остановиться на медицинских аспектах. Надрез был относительно мал. Не более дюйма. Защит стальной нитью с применением перекрестного шва. Позволю себе заметить, это была красивая работа. Затем мой ассистент надел на кота корсет, крепкий эластичный рукав с прорезями для задних ног. Он крепко держит живот. Если вы хотите взглянуть...

Зик отрицательно покачал головой, и доктор Монтон продолжал:

— Корсет сидит удобно и достаточно туго. Пациент, конечно, постарается его сорвать, но это не удастся, и он к нему привыкнет. Боли почти не будет. Только приятные ощущения. Видите ли, мистер Келсо, человек заранее готов к боли. Животное — нет. Человеческие страдания часто носят психосоматический характер, у животного же подобных проблем не возникает. Что касается данного пациента, то ему известно лишь то, что кто-то дал ему наркоз и засунул в корсет. Рискну предположить, что психологически он скорее просто рассердится... Теперь постараюсь ответить на ваш вопрос: не будет ли для него болезненным испытанием пребывание сегодня вечером на ногах? Отвечаю: конечно, нет, если он не вступит в схватку с кошкой или собакой. При прочих обстоятельствах он сам о себе позаботится и не будет совершать неподходящих гимнастических упражнений. Кошки в этом отношении намного умнее людей. Вообще-то я полагаю, что небольшая физическая нагрузка ему только полезна. Но есть один минус. Потребуется некоторое время, прежде чем прекратится действие анестезии. Поначалу он будет не слишком твердо стоять на ногах, и реакция у него замедлится.

Тут пришла дежурная из регистратуры.

— За своим котом явилась мисс Рэндалл.

— Какая из мисс Рэндалл? — спросил Зик.

— Младшая.

— Извините меня мистер Келсо, но я всегда лично прощаюсь со своими пациентами. Индивидуальный подход. Не хотите ли пройти со мной?

Зик не проявил такого желания и ушел через заднюю дверь.

— Ну вот, — сказал доктор Монтон, вручая Ингрид вялого Д. К. — Приходите с ним через три дня. — Он повернулся к Д. К.: — До свидания, мистер Рэндалл.

Д. К. испытывал странные ощущения. Он пытался сфокусировать взгляд, а чтобы обеспечить точку опоры, когтями вцепился в Ингрид.

Хотел ее лизнуть, но не вышло, язык был вялым, как тряпка. Вдруг внутри что-то щелкнуло, и он вспомнил, как побывал в руках у мясника, вертевшегося над ним. Он собрался с силами и плюнул, уверенно и полновесно. Двое пришедших на прием собак ринулись под стулья. Доктор Монтон отдернул руку. Вовремя. И принужденно рассмеялся:

— Анастезия. Он не знает, что делает.

— Боюсь, что знает,— сказала Ингрид.— У него бешеный темперамент.

26

Филипп Дюваль нажал кнопку внутренней связи, соединившись с рабочим местом Шерли Хатчинсон:

— Мисс Хатчинсон, прошу зайти.

В ожидании ее прихода он расправил спину и тихо заиграл пальцами по столу. Когда она вошла, лицо его было безучастно. Она остановилась на обычном месте, как будто у невидимой черты.

— Слушаю вас, мистер Дюваль,— произнесла она с обычной почтительностью.

Он встал, стройный и подтянутый, словно в корсете.

— Вас, очевидно, обрадует, мисс Хатчинсон, что наконец-то мы вступаем во владение коллекцией Готорна. Сегодня днем суд дал свое согласие. Полагаю, нам следует поехать за нею немедленно. Если вы любезно разыщете инвентарную опись...

— Вы хотите, чтобы с вами поехала я?

— А как же! Вы знаете эту коллекцию. И сможете оказать мне неоценимую помощь.

— Но я неважно себя чувствую. В груди колет. И трудно дышать.

Он нахмурил черные брови. Глаза его напоминали кошачьи во время охоты.

— Полагаю, это скоро пройдет. У нас то и дело что-нибудь болит. Вы прекрасно выглядите, моя дорогая. Теперь, если вы принесете опись...

— Простите, мистер Дюваль, но мне бы не хотелось ехать...

Он загадочно посмотрел на нее.

— Вы довольно странно себя ведете, мисс Хатчинсон. Что-нибудь не так? Я-то полагал, что у нас прекрасные отношения.

— Конечно. Безусловно.

— Тогда посидите, а я принесу опись сам. В каком она ящике, мисс Хатчинсон?

— В среднем.

Как только он вышел, она проскользнула в коридор и шепнула стоявшему там Дэну:

— Он хочет ехать со мной за коллекцией, а потом, я думаю, отвезет

меня на фабрику. Передайте им, что мне нужна помощь. Мне надо от него избавиться.

Она подумала, не убежать ли ей отсюда, но решила, что сорвет проводимое Зиком расследование. Надо поиграть с Дювалем. Все будет в порядке. Если она окажется в опасности, Зик ее спасет.

Услышав, как Дюваль задвигает ящик стола, она вернулась на прежнее место.

— У вас все в таком порядке, — сказал он. — Вы очень аккуратны, моя дорогая. Не знаю, что бы я без вас делал. Трудно было бы справиться. Но ведь справлялся же я до вашего прихода. Разве не так?

Он открыл дверцу стенного шкафа и, стоя перед маленьким зеркальцем, завязал темно-синий галстук миниатюрным, но прочным узлом. Пригладил волосы и провел пальцами по бровям.

— Поехали, моя дорогая. Солнце и свежий воздух творят чудеса.

Он пропустил ее вперед. Обнял взглядом с ног до головы. Какая жалость, что этот образец женственности должен быть уничтожен!

27

По дороге домой Д. К. почти все время спал. А когда просыпался, то вначале стонал, потом бросал на Ингрид жалобный взгляд, потом опять стонал. Такого и собаке не пожелаешь!

Доехали, и Ингрид осторожно поставила кота на землю.

— Ты думаешь, можно? — с тревогой спросила Пэтти.

— Доктор считает, что нужно, — улыбнулась Ингрид, не сводя взгляда с кота. — Подожди, что будет, когда он поймет, что носит комбинированный корсет.

Д. К. доблестно направился к парадному входу. Но внутренний стабилизатор не функционировал. То кот заваливался вправо, то в попытке выровняться его заносило влево. Он передвигался, как старый пьяница, и все время рычал. При этих звуках, не веря глазам своим, из кустарника вылез П. К. Д. К. рявкнул таким тоном, что, поняв недвусмысленное предупреждение, П. К. как патентованный трус ушел назад, в кусты, не сводя глаз с Д. К.

Слыша приближающиеся шаги Зика, Пэтти побежала в дом, но Зик опередил ее. И преградил ей путь у самой двери.

— Пэтти, прошу, выслушай. Я здесь по делу.

— Заходи, Зик, — тут же высказалась Ингрид. — У меня новая пластинка группы «Сканкс».

— Спасибо — ответил он, — но у меня мало времени. Мне нужно твоё согласие. А также Пэтти и Майка.

Он перевел взгляд на Пэтти.

— Сегодня вечером расследование входит в завершающую фазу. Минуточку. Пэтти, дослушай меня до конца.

Он глубоко вздохнул.

— Доктор согласен. Он сказал, что с Д. К. не случится ничего плохого, если мы примем все меры. Как и прежде, котом непосредственно займется Ингрид.

Пэтти спросила:

— Ты кончил? Можно мне сказать?

Зик кивнул, и она продолжила:

— Ты приходишь сюда и просишь послать Д. К. для выполнения опасного задания всего лишь через несколько часов после того, как была сделана операция, спасшая ему жизнь. Так может поступать лишь совершенно бесчувственный человек.

— Сестренка, не надо, — сказала Ингрид. Она вертелась, очутившись между двух огней и желая потушить оба.

Тут в разговор вступил Зик:

— Ты сейчас просто плохо относишься ко мне. И поскольку ты привносишь эмоции в решение вопроса, я вынужден сказать, что независимо от того, что ты скажешь, я люблю тебя и не полюблю никого другого. Признаю, что вел себя глупо, когда пытался спрятаться от тебя, но я сделал это именно ради того, чтобы ты не подумала то, что думаешь. Поверь мне, Пэтти...

На лице у нее застыла улыбка.

— Прекрасная линия защиты, мистер Келсо! Уверена, что девушки в Парампе были бы в восторге.

— Сестра! — Ингрид готова была расплакаться. — Прошу, сестренка, я хочу с тобой поговорить.

— Говори с ним, — посоветовала Пэтти, заходя в дом. — Это ты его любишь. Я — нет.

— Стой здесь и не уходи, — сказала Ингрид Зику. — Дай честное скаутское, что не уйдешь, пока я не вернусь.

Он кивнул, и Ингрид побежала за Пэтти. Он глядел на Д. К., предпринимавшего попытки взобраться на крыльцо. Задние ноги не слушались, и кот все время оседал назад. Каждую ступеньку он преодолевал с четвертой-пятой попытки. За каждой неудачей следовало громкое рычание.

Зик смотрел, и тревога его росла. Он не знал, чем помочь. А если бы и знал, то не смог бы в силу двух обстоятельств. Первое: за этим бы последовал приступ аллергии; второе: риск потерять руку. И все же ему хотелось оказать помощь, поскольку Д. К. принадлежал Пэтти и сейчас ему хотелось быть рядом с нею, даже через этого кота.

Зик придерживал открытую дверь. Но Д. К. из последних сил завалился в комнату на спину, так и не заметив, кто послужил ему швейцаром. Даже нюхальник нуждался в ремонте. Никаких запахов, как ни сопи.

А это что за одеяние? Как только он будет в форме, сорвет его. Что бы это ни было, это посягательство на его частную жизнь.

В спальне Пэтти Ингрид хлопнула дверью.

— Меня еще никогда так не оскорбляли. И это моя сестра, унижающая одного из самых очаровательных мужчин на свете.

— Не будешь ли ты любезна заняться своими делами и покинуть мою комнату? — отрезала Пэтти.

Ингрид заперла дверь и положила ключ в карман.

— Я не уйду, пока не скажу, что хочу сказать. Ты считаешь себя христианкой, но не желаешь даже дать шанс оправдаться. Неужели ты думаешь, что его интересуют уличные девки?

— Откуда ты знаешь, что она — уличная девка? Ты ее в глаза не видела. Ты рассуждаешь о людях, о которых ничего не знаешь. В семнадцать лет ты собираешься учить меня...

— О'кей, ты на семь лет старше. Но есть люди, которые так и не становятся взрослыми. А некоторые взрослые так и не достигают кое в чем моральной зрелости. Человек может быть зрелым, но далеко не во всем...

Она заговорила тише:

— Ты самая лучшая из сестер на свете, и ты почти всегда бываешь права, но в этом деле ты попала пальцем в небо. Неужели не понимаешь, сестренка, что для тебя было просто неожиданным ударом увидеть их вместе и ты подумала то, что подумала, и поторопилась сделать вывод, а когда ты это сделала, ты заставила страдать другую сторону и упрямая, как все Рэндаллы, не захотела обдумать случившееся еще раз. Ты хочешь сделать ему больно, чтобы сравнять счет. Почему вы, взрослые, мучаете себя и своих любимых и не можете честно признаться в своих чувствах?

— Книжечк начиталась...

— Да, начиталась. Разве не за тем отец послал меня в школу, чтобы я научилась понимать жизнь? И еще одно. Любовь немыслима без доверия, и достаточно малейшего подозрения, чтобы ее разрушить. Надеюсь, что настанет день, когда я влюблюсь в человека, похожего на Зика, и когда это случится, я буду его любить, любить до бесконечности, и мою любовь ничто не изменит.

Она бросилась на кровать и обняла Пэтти.

— Сестричка, подумай об этом. Больше я ничего не прошу. Пусть твое самомнение немного отдохнет, а ты поразмысли обо всем трезво и объективно, тем более ты теперь знаешь, что эта женщина — информатор и Зик очутился в западне, а ты теперь губишь свою жизнь, Зика и мою.

Пэтти растянулась на кровати. В голубых затуманенных глазах появилась едва заметная искорка смеха.

— Значит, по-твоему, — произнесла она, — мне надо выйти замуж за Зика потому, что его любишь ты?

И она то ли заплакала, то ли рассмеялась, уткнувшись Ингрид в плечо.

На узле связи без умолку трещали телетайпы, посылая нескончаемый поток давних сплетен. Сбоку, у контрольного пункта сидел агент, поддерживавший связь с радиофицированными автомобилями, патрулирующими по огромному раскинувшемуся городу. Зик, Ньютон и еще два агента следили за патрульным под номером двадцать, двигавшимся вслед за Филиппом Дювалем и Шерли Хатчинсон, ехавшими в «Национальный банк Дальнего Запада» на Уилшир-бульваре. Это был район богатых магазинов: неподалеку находился универмаг «Буллок и Маньэн», где самая дешевая ночная рубашка стоит не меньше ста долларов.

Патрульный номер двадцать замолчал, ожидая появления своих подопечных. Агент, стоявший рядом с Зиком, предположил:

— Он может вклеить в нее заряд по ходу движения. Никто не услышит.

Зику такой вариант показался сомнительным. Из проезжающих машин можно заметить, как человек валится на сиденье. И все же чужая душа — потемки. Однако тут риск был оправдан. Гораздо больше Зик опасался того, что Дюваль повезет Шерли прямо на фабрику, где с нею без помех разделается Арти Ричфилд.

Агент номер двадцать вдруг ожил:

— Объект и информатор покидают банк. Объект тащит ее за собой. Быстро заталкивает в машину. Делает полный разворот и направляется обратным маршрутом.

Агент номер двадцать умолк, и Зик стал ходить взад-вперед, собираясь с мыслями. Потом номер двадцатый доложил, что объект ведет машину на умеренной скорости в западном направлении по Уилшир-бульвару. Проехав еще несколько миль, агент номер двадцать доложил, что объект миновал Беверли-Хиллз, и это доказывало, что коллекция так и не попала в магазин.

— Объект продолжает движение наперерез Беверли-Хиллз в западном направлении.

Забрав коллекцию, Дюваль не перемолвился ни словом со своей спутницей. Сидел он подчеркнуто прямо, решительно вцепившись белыми мягкими руками в руль. Как обычно, движение по Уилшир-бульвару было густым. Дюваль шел в общем потоке, не делая попыток к обгону, то и дело глядя в зеркало заднего обзора.

Когда проехали Беверли-драйв, Шерли спросила:

— Разве мы не в магазин?

Ее поразило, как естественно прозвучали эти слова. Ей казалось, что всю ее трясет. Очень страшно. А вдруг Зик не сумеет ей помочь? А вдруг помочь невозможно? Дюваль умен и блистателен. Он способен перехитрить и перемудрить кого угодно. Даже ФБР. В этом она уверена.

Дюваль весело посмотрел на нее.

— У меня нет ни малейшего сомнения, дорогая, что пункт назначения вам известен. В конце концов, в течение нескольких недель вы были одним из участников моих телефонных разговоров.

В глазах у нее потемнело. Она попыталась найти подходящий ответ, но не смогла.

Он же продолжал:

— Вы меня разочаровали, моя дорогая. Я полагал, что вы будете действовать более скрытно, зная, что на вас нацелены две камеры. Ах, да, вы рассчитывали на график. Вы считали себя в безопасности. Неужели вам трудно было догадаться, что аппаратуру можно настроить на любую частоту съемок? Не могу не отметить, что на некоторых снимках вы смотрите весьма завлекательно.

Она куда-то уплывала, уплывала. Хотя внутри Шерли шла схватка воли со всеохватывающей инерцией ужаса. Она ощущала каждый мускул — надо было держаться. Ненависть к этому мужчине, от которого исходили парикмахерские запахи, полному зловещего очарования, игравшему с ней как кошка с мышью, породила у нее моментальную вспышку собранности.

А где-то вдали слышался голос:

— Сегодня у множества молодых женщин совершенно гротескные зады, и в этой связи я вывел интересную психологическую закономерность. Как правило, к их числу принадлежат те, кто носит богопротивные одеяния, которые так обожает буржуазия, — эластичные брюки. Смеем утверждать, что за всю историю человечества еще не было столь вульгарной демонстрации анатомических деталей.

И тут она заметила, что они направляются в тоннель. Надо бежать. Любым способом. В состоянии, близком к истерии, она с отчаянием посмотрела на проезжающую мимо машину. Если прыгнуть...

Он предупредил ее порыв. Ведя машину одной левой, он выставил напоказ крохотный револьвер, небрежно лежащий на коленях.

С устрашающей быстротой они приближались к тоннелю. В темноте ему ничего не стоило убить ее, выбросить тело из машины, и тогда другие машины изуродуют труп до такой степени, что опознание станет невозможным.

Они еще не въехали в тоннель, как надвинулась темнота и все звуки затихли.

Агент номер двадцать сообщил, что объект повернул направо на Сепульведэ-бульвар. Зик передал:

— Пост десять, пост десять! Полагаем, что объект и информатор направляются в вашу сторону. За ним следуют агенты двадцать и тридцать. Поддерживайте связь с агентом двадцать и будьте готовы к немедленному входу в действие плана операции «Б»!

Пост номер десять, дислоцированный рядом с заброшенной фабрикой, возглавлял агент Мартинек, ветеран Бюро с четырнадцатилетним стажем и эксперт по мероприятиям, предусмотренным Зиком в качестве крайней меры по спасению Шерли Хатчинсон, если Дюваль вздумает повезти ее на фабрику. Плимпerton, приданный Мартинеку, подтвердил полученное указание.

В это время агент номер двадцать докладывал:

— Продолжаем двигаться в северном направлении по Сепульведа-бульвару. Проезжаем Сансет-бульвар. Похоже, объект намеревается ехать по старому Сепульведа-бульвару через горы, а не по скоростной магистрали. Информатор все время оглядывается. Опасаемся, что ее действия вызовут подозрения у объекта.

Ньютон обеспокоенно посмотрел на Зика.

— Она не может расколоться еще до того, как вступит в действие план «Б»?

— Не исключено, — сказал Зик и передал посту номер десять: — Считаем безотлагательным в кратчайший срок задействовать план «Б». Просьба договориться о маневре с агентом двадцать.

Тоннель шел под перевалом Санта-Моника. При выезде из тоннеля можно было видеть простирающуюся далеко на север долину Сан-Фернандо вплоть до дальнего горного перевала Санта-Сузана.

Номер двадцатый докладывал:

— Начинаем подъем. Объект движется со скоростью сорок пять миль в час. Срезает повороты. Мы идем на дистанции около двухсот ярдов, между нами одна машина. Информатор сполз на сиденье.

Зик переспросил:

— Информатор сполз на сиденье?

— На спинке сиденья видна только ее голова. Больше мы ничего отсюда не видим.

Заговорил пост номер десять:

— План «Б» вводится в действие на пересечении Сепульведа- и Вентура-бульваров. Просьба подготовить на одной из боковых улиц машину «скорой помощи».

— Будет сделано, — подтвердил Зик. — Позаботимся о «скорой». — В другой микрофон он связался с частной «скорой», уже стоявшей наготове. — Встаньте посередине квартала за Сепульведа-бульваром на Диккенс-бульваре, — предупредил он водителя. Затем переговорил с управлением дорожной полиции Лос-Анджелеса.

— Подъезжаем к тоннелю, — сообщил Двадцатый. — Движение замедлено, потому что из-за ширины тоннеля все машины перегруппировываются в одну линию. Едем со скоростью примерно двадцать пять миль, за объектом две машины...

Последовала пауза, и Ньютон спросил:

— Как насчет кота?

— Его можно вводить в дело часа через два.

Ньютон покачал головой:

— Мы пропали, если столько придется ждать.

В разговор вступил агент номер двадцать:

— Движение замедлилось. Въезжаем в тоннель. Почти остановились... Едва движемся... Ползем. Машину объекта почти не видно. Мы уже на выезде... Выехали. Информатор по-прежнему лежит на сиденье.

Зик передал:

— Наберите скорость и следуйте непосредственно за машиной Дюваля. Попытайтесь проверить, все ли в порядке с информатором.

Он вызвал пост номер десять.

— Десятый, вы вышли на исходный рубеж?

Ответил Плимпerton:

— Все готово.

Стоя в нескольких футах от смотровой площадки с видом на долину, пост номер десять ждал, когда Дюваль проедет мимо по Сепульведа-бульвару. Мартинек за рулем и Плимпerton с микрофоном в руках напряжились, готовые по команде выполнить приказ.

Плимпerton произнес в микрофон:

— «Скорая» в исходном положении?

Послышался голос Зика:

— «Скорая» готова.

Дюваль остановился по левую руку от них на красный свет. Шерли Хатчинсон опять оглянулась. Дюваль заметил и что-то сказал. Она покачала головой.

За секунду до того, как зажегся зеленый, Дюваль дал газ, и машина понеслась через перекресток. Мартинек сделал резкий, рискованный поворот под красный свет и пристроился позади машины Дюваля, отеснив случайный пикап. Водитель грузовичка резко нажал на тормоз — завизжали шины и зло загудел клаксон.

Мартинек повис у Дюваля на хвосте так, что между ними не могла пролезть ни одна машина. Плимпerton не сводил глаз с Шерли Хатчинсон. Она подвинулась к дверце, как бы намереваясь выпрыгнуть.

Подъезжая к Вентура-бульвару, проехав еще несколько кварталов, агенты сцепились руками. Плимпerton облизнул губы и проверил ремень безопасности. Дюваль мягко затормозил перед красным сигналом светофора. Мартинек прибавил газу и нанес резкий, жесткий удар по бамперу машины Дюваля. Голова Дюваля откинулась назад, а Шерли Хатчинсон бросило к ветровому стеклу. Затем он поставил машину на ручной тормоз, отстегнул ремень безопасности и выскочил из машины. Он подбежал к Дювалю в то время, как Плимпerton, пригнувшись, подскочил к машине со стороны Шерли Хатчинсон.

— Идиот, тупица! — орал Мартинек Дювалю. — Кретин, балда! Почему не подаете сигнал остановки?

Дюваль был ошеломлен этим внезапным взрывом обвинений. Шерли Хатчинсон раскрыла рот от неожиданности. Дверца с ее стороны открылась, и Плимпerton поглядел на нее снизу вверх, стоя на корточках.

— Меня прислал Зик, — шепнул он и быстро показал удостоверение. Все это время Мартинек кричал на Дюваля. За ними выстроилась вереница гудящих машин. Подъехал регулировщик на мотоцикле. Плимпerton тихо произнес:

— Теряйте сознание! Падайте, и я вас заберу отсюда. Разыграйте обморок! Немедленно! Прямо **сейчас!**

По другую сторону машины Мартинек громким голосом выражал свое негодование:

— Откуда только берутся такие недоделанные! Думают, что они на улице одни!

Дюваль попытался остановить этот словесный поток:

— Мой дорогой, не стоит заводитьсь! Наш спор решат страховые компании.

Глотнув воздух, Шерли Хатчинсон боком повалилась на сиденье. Верхняя часть тела вывалилась из машины прямо в руки Плимпertonу.

— Эй, кто-нибудь! Вызовите «скорую»! — крикнул он.

«Скорую» вызвал по радиации мотоциклист. Появился еще один регулировщик, который встал позади и начал «расшивать» пробку.

— Молодец! — шепнул Плимпerton, пытаясь крепко обхватить Шерли. Она была тяжелее, чем казалась на вид. Боже мой, не уронить бы! Он едва-едва успел встать и прочно опереться на ноги, после чего прошептал:

— Не приходите в себя, пока вас не погрузят в «скорую»!

— Мисс Хатчинсон! — воскликнул Дюваль. Мартинек схватил его за грудки и повернул к себе.

— Господин полицейский, — возмутился Дюваль, — будьте любезны, уберите от меня этого маньяка!

Мартинек с криком обратился к собравшимся.

— Вы все свидетели. Он не желает сообщить фамилию и адрес. — Он опять повернулся к Дювалю. — Закон требует, чтобы вы сообщили мне фамилию и адрес.

— Спокойно, — произнес офицер-мотоциклист, — я сам запишу эти сведения.

Подвывая сиреной, «скорая помощь» пробивалась сквозь плотный поток машин и, подъехав, встала рядом. Появился еще один полицейский, чтобы отодвинуть зевак в сторону.

— Осторожно! — воскликнул Плимпerton так, чтобы услышал Дюваль, — у него может быть сломана шея.

— Куда вы ее увозите? — спросил Дюваль.

— В больницу «Скорой помощи» «Сан-Фернандо Вэлли» — сказал один из санитаров.

Офицер-мотоциклист с огромным трудом удерживал Мартинека от грубых выходок, а тот требовал, чтобы Дюваль предъявил права. Дюваль отдал права регулировщику.

— Тоже мне ущерб: оцарапан бампер, — произнес Дюваль. — Этот человек сумасшедший, настоящий сумасшедший.

Санитары подняли носилки. Шерли Хатчинсон лежала неподвижно, точно мертвая. Носилки аккуратно вдвинули в машину. Туда же сел Плимпerton, и машина рванула с места, оглушительно воя.

— О'кей, — сказал мотоциклист, — а теперь отъезжайте. Оба. Давай, давай освобождай дорогу.

В машине Шерли Хатчинсон стала разглядывать Плимпертонa. А он подумал: «Какие у нее прелестные губы! Уголки смотрят чуть-чуть наверх». Он терпеть не мог женщин с опущенными губами.

— Думала, что мне конец, — промурлыкала она тоном, специально предназначенным для извлечения максимального сочувствия со стороны мужчин. — Но я была уверена, что Зик что-нибудь придумает. — Тут она красиво пожала плечиками. — А вот «скорой помощи» я не ожидала!

Плимпerton поглядел на нее с восхищением. Его всегда забавляло наблюдать за тем, как женщина разыгрывает спектакль.

— Понимаю. У него оригинальный склад мыслей. Не такой, как у прочих. Даже не представляю, как это терпит его жена.

Она чуть не сорвалась с носилок, а он вынужден был поддержать ее, чтоб не упала.

— Жена?!

Плимпerton кивнул.

— Пошел по третьему кругу. А с теми двумя дело обстоит так: одна в психбольнице, а что с другой — никому не известно.

29

Оперативка началась в конференц-зале в семь часов вечера. В маленькое помещение набились четырнадцать агентов, большинство старше тридцати лет. Совещание вел Зик.

— Прошу принять во внимание, что объект, Филипп Дюваль, на данный момент не совершил никакого преступления. Дюваль приобрел абсолютно законным путем коллекцию драгоценных камней на сумму триста тысяч долларов. Он станет правонарушителем в тот момент, когда уведомит полицию о том, что ее украл. Даже если поручит нашему информатору Кэлу Тэрмену поставить камни в новую оправу, чтобы их

нельзя было идентифицировать, он опять-таки не будет нарушителем ни одной из правовых норм, ибо камни — его собственность, и он волен делать с ней все, что пожелает.

Один из агентов спросил:

— А он не опасается, что эта женщина по фамилии Хатчинсон что-нибудь расскажет?

Зик согласился.

— Да, поскольку эта женщина сейчас не с ним и теоретически может дать показания, что он так и не привез коллекцию в магазин «Пале-Рояль», он пока в полицию звонить не будет. С другой стороны, он может пойти ва-банк и заявить, что отвез коллекцию в салон уже после происшествия. Для вашего сведения сообщаю,— добавил он,— Шерли Хатчинсон находится в безопасном месте.

Экономя время, он решил не вдаваться в подробности и не сообщать, что в больницу ее доставил лично Плимпerton. Там ее положили на каталку и провезли по коридорам к служебному входу, где посадили в машину ФБР, которая отвезла ее в район Инглвуд на квартиру одной из секретарш Бюро. Там ее охраняют двое агентов.

— Мы полагаем,— продолжал Зик,— что Дюваль отдаст приказ Арти Ричфилду убить Меморандума, как только он завершит работу. Вот почему так важно запустить X-14 на фабрику, иначе нет возможности узнать время окончания Меморандумом полученного от Дюваля задания. Кроме того, X-14 передаст информацию, которая позволит начать осуществление плана, специально разработанного для того, чтобы спровоцировать Дюваля.

Пришла секретарша с запиской. Зик прочел ее с явным беспокойством и передал бумажку Ньютону. В записке говорилось: «Подозреваемый Артур Ричфилд покинул предприятие через семь минут после приезда Филиппа Дюваля. Наблюдение за Ричфилдом ведет Двадцатый».

Зик сказал:

— Это уже по существу. Имейте в виду, что операция начнется ровно в девять.

Вернувшись в кабинет, Зик углубился в изучение диаграммы, запоминая место, назначенное для каждого из агентов, и линии перемещения в зависимости от обстоятельств. Он проверял свой револьвер, когда вошел Плимпerton.

Закладывая патроны в барабан, Зик сказал:

— Нам надо как-то разбудить кота.

Плимпerton щелкнул пальцами.

— Знаю! Вы не поверите, но кот у нас живо очнется!

Тут зазвонил телефон, и Зик выслушал сообщение агентов, ведущих наблюдение за Арти Ричфилдом. Они доложили: только что в магазине «Пале-Рояль» совершен взлом и с помощью малого заряда направленно-

го действия взорван сейф. Итак, почва для заявления Дюваля о краже коллекции подготовлена.

30

На скорости медленного патрулирования Зик и Плимпerton проезжали мимо шинной фабрики. На задней стене здания горел мощный прожектор, ярко освещая выжженное дочерна поле. Проехав еще два квартала, они поставили машину и пошли пешком. Ночь обволакивала окрестности. Легкий туман застилал звезды, а луна была лишь робкой тенью самой себя.

Они быстро проследовали в дальний конец дорожки, где в стареньком «форде» ожидала Ингрид. Когда они подошли поближе, то увидели спящего на заднем сиденье Д. К. с застывшей в воздухе лапой.

Ингрид отворила дверцу машины.

— Тут наверняка бродят привидения. — Она кивнула в сторону Д. К. — Как я сюда приехала, он все время спит. Но доктор совершенно уверен, что кот проснется самостоятельно.

Д. К. простонал, чуть-чуть приоткрыл глаза, а потом опять их закрыл. Он все еще никак не мог понять, что с ним произошло. К счастью, язык и некоторые другие части тела оказались на месте и функционировали нормально. Проверившись дома, он обнаружил лысинку на правой задней ноге и смутно припомнил, как этот мясник воткнул туда иглу. Куда хуже было то одеяние, которое напялил на него какой-то враг кошачьего рода. Он вцепился в него зубами и чуть не содрал. Наверное, оно как-то снимается. Если бы только можно было избавиться от этого противного привкуса во рту! Таким был вкус сигаретных окурков, которые он пробовал в бытность котенком.

Голоса. Разговор. Кто говорит, ему не видно, но тембр он узнал. Эти двое! Пусть только попробуют что-нибудь выкинуть!

Один уже попытался подлизаться к нему. Он перегнулся через переднее сиденье и подал пушистый шарик.

И тут ударили колокола, вспыхнул фейерверк, засвистели свистки, старый Луи Армстронг энергично дунул в трубу, а где-то ударник стал выбивать бешеный ритм. Д. К. поднялся во весь рост, выпустил когти, вонзил их в шарик и потянул его к себе.

Кошачья мята! Впервые за столько лет! Проснулись гормоны. Д. К. запустил в нее лапы, оторвал кусочек, нюхнул и завертел головой.

Плимпerton был безмерно рад. Он обратился к Зику:

— Вот видите! Я же говорил! Это зелье и мертвого подымет! Для кошек это сразу и духи, и вкусная сигарета, и икра! Как в рекламе нефтяной фирмы: запускаете в бензобак тигра!

— Мне бы что-нибудь такое! — посетовал Зик.

Плимпертон отправился на пост. Зик влез в машину, сел рядом с Ингрид и закрыл дверцу. Он обратил внимание на то, что Ингрид оделась, как он сказал: сплошь в темное, от обуви до головного платка. На заднем сиденье Д. К. наслаждался эликсиром богов. Когда он почувствовал на себе взгляд Ингрид, то понял, что ведет себя не по возрасту.

Зик вернулся к обсуждению плана действий:

— В твоём распоряжении всего три минуты. Ты сумеешь покрыть за это время весь маршрут от командного пункта до зольного отверстия и обратно? Лимит жесткий.

— Уложусь.

Сверили часы.

— Осталось двадцать минут.

Он молча ждал. Время тянулось медленно-медленно. Он сжимал и разжимал кулаки, чтобы снять напряжение. Если с Д. К. или Ингрид что-нибудь случится, ему всю жизнь будут мерещиться кошмары.

Вдруг до него дошло, что Ингрид обращается к нему. Очень тихо, очень настойчиво:

— Помнишь, ты видел у меня Джимми? На дне рождения Пэтти.

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— Они ведут себя так, будто я собираюсь за него замуж, но это же обычное приглашение. На самое обычное свидание, но если их послушать, Пэтти и папу,— оба хороши...

— Давай сначала,— сказал Зик.— Я как-то отвлекся.

Ингрид стала рассказывать с самого начала и дошла до того, как они с Джимми собрались ехать с двумя другими парочками на пляж Ньюпорт-Бич, хотя весь класс собрался на ночь в Диснейленд.

— Папа всегда так все понимает, почему же не хочет понять сейчас? До него так и не дошло, как это для меня важно. Джимми и спортсмен, и музыкант, и журналист нашей школьной газеты. За всю свою жизнь я не встречала столь значительного человека, и он пригласил меня — **меня** — поехать с ним. И я поеду. Мне уже семнадцать, хотя и папа и сестра обращаются со мной, будто мне четырнадцать. Я взрослая. Я такая же взрослая, как Пэтти, если судить по ее поступкам. Все дело в том, что они мне не доверяют. Вот и все. А я думаю, что это ужасно, когда тебе не доверяют в собственной семье. Честное слово, Зик, ты тоже так думаешь?

— Все родители одинаковы,— вставил Зик реплику, как только у него появилась возможность.— Мои тоже были такими.

— Твои? — Ей как-то в голову не приходило, что у Зика тоже могут быть родители. Не верилось. Бывают на свете люди, которые сразу появляются на свет взрослыми.

— Вот именно. И пока ты рассказывала, я как раз вспоминал об этом.

Он был ~~сам~~ собой, и, подумала она, в этом-то и заключалось его

обаяние, потому-то с ним так легко говорить обо всем, даже об острейших жизненно важных проблемах.

А он продолжал:

— Помню, как однажды мне до смерти захотелось одну вещь, а родители были категорически против, я же тем не менее хотел настоять на своем. И как-то я ехал верхом по каньону вместе со старым ковбоем, и мы ловили беглецов из стада, так вот, я рассказал ему о своих бедах, как ты мне сейчас о своих.

Он замолчал, а она сидела так тихо, что было слышно ее дыхание.

— Помню, как он сказал: «Парень, твои могут быть совершенно не правы. Не правы в доску. Но ты-то какого черта выводишь их из себя? Почему бы не сделать им приятное, даже если они тебя не понимают? Ты же не сдохнешь, если в чем-то им уступишь и тем отблаговаришь их за то, что они уже сделали для тебя?»

Зик снова взглянул на часы.

— Нам пора двигаться. — Он бросил беглый взгляд на заднее сиденье, где Д. К., уткнувшись носом в растрепанный комок кошачьей мяты, испытывал небесное блаженство.

Ингрид отворила заднюю дверцу и просунула руки под кота. А он вытянул вперед голову, чтобы ее лизнуть.

И вот они быстрым шагом двинулись вперед. Зик провел Ингрид с котом на руках поодаль от выгоревшего поля прямо на командный пункт. Здесь было довольно темно, а через раскидистое дерево свет вообще не мог пробиться. Даже луч прожектора сюда не доставал, хотя лежащее перед ними поле было ярко освещено.

Став на четвереньки перед рацией, Плимпerton поочередно связался со всеми постами и уточнил их местопребывание. Ингрид раздвинула кустарник и уселась вместе с устроившимся на коленях Д. К. Из темноты вдруг возник доктор Монтон и приложил к груди кота стетоскоп. Как ребенок, Д. К. подчинялся старшим.

— Пульс наполненный, — прошептал доктор Монтон, — состояние хорошее.

Не говоря ни слова, Зик вручил Ингрид ошейник с карманом, и после того как Д. К. его обнюхал, Ингрид надела на него этот вместо старого. Пристегнула поводок, хотя когда Д. К. был нездоров или напуган, он далеко не отходил. Кот знал, что Ингрид защитит его, а сегодня это ему будет особенно необходимо. Как наждаком, он вылизал ей руку, затем с любопытством поднял голову, вынюхивая, что вокруг. Он вспомнил этот пейзаж. Воспоминания о лучшем за всю жизнь жареном мясе возбудили его. Он решительно вздернул голову, вглядываясь в окрестности, в предвкушении очередных приключений.

— Все готово, — прошептал Плимпerton. Зик поглядел на часы. — Осталось четыре минуты.

Зик встал на колени рядом с Ингрид и предупредил шепотом:

— Иди быстро, но ни в коем случае не беги и смотри под ноги. Тут сусливые норки.

Ей так хотелось заглянуть ему в глаза. У него такие добрые глаза!

— Порядок? — тихо спросил он.

— Полный. Все хорошо, только подкашиваются ноги.

Зик включил рацию. Послышались приглушенные голоса.

— Остается одна минута, — сообщил Зик.

Как по сигналу, Д. К. прыгнул на землю. Отошел в сторону и начал рыться в песке.

— Только этого не хватало! — потрясенно прошептала Ингрид.

Зик перепугался:

— А что он делает?

— А вы не знаете? — спросил Плимпerton.

— Не может быть! Сейчас уже некогда. Остается сорок пять секунд.

— Это вы ему объясните! — произнесла Ингрид.

Зик сходил с ума.

— Но почему... почему он ждал до сих пор?..

— Он забыл взять с собой часы, — вмешался Плимпerton.

— Остается тридцать секунд, — объявил Зик. — Надо его поторопить.

Ингрид потянула поводок и почувствовала сопротивление. Д. К. заурчал, выказывая явное недовольство. Чего это она вдруг? Что, она не знает, что его сейчас нельзя беспокоить?

— Умоляю! — произнес Зик. — Всего двадцать секунд...

Д. К. встал, осмотрелся и начал закапывать. Действовал он методично, согласно ритуалу, разработанному множество веков назад, ритуалу, освященному поколениями предков. Это был особый вид искусства: действовать одними подушечками, будто рисуешь картину.

Ингрид подняла его с земли, стараясь не тянуть слишком сильно. Как договорились, она встала позади дерева. Чтобы кот не слишком волновался, Ингрид его погладила, но он все равно был расстроен. И негромко рычал. Когда она бесцеремонно подняла его, он еще не закончил ритуал закапывания. Он был не в себе. Нельзя бросать работу на полпути, особенно такую.

Мысленно Ингрид отсчитывала секунды. Десять, девять, восемь, семь, шесть...

Она оглядела поле и прикинула, как быстрее добраться до цели.

Четыре, три, две, одна. И тут район погрузился во мрак, причем погас и прожектор. В управлении энергетики и водоснабжения выключили главный рубильник. Одновременно на случай, если на фабрике начнут выяснять, кто к чему, Зик договорился с пожарными, и они с ревом прогнали по улице машину с сиреной и поставили ее вблизи здания фабрики.

Крепко держа кота, Ингрид двигалась перебежками, стараясь побыстрее добраться до фабричной стены. Из-под резиновых подошв выскакивали камушки, и она даже споткнулась. Пару раз ей показало~~сь~~ что земля уходит из-под ног, но, собрав силы, она делала рывок вперед. Напуганный Д. К. рвался из рук и мяукал от страха. Резкие движения его пугали. А в звуках сирены чудилось что-то древнее, дикое, из зры джунглей.

Прежде чем кот был готов задействовать всю свою голосовую мощь, Ингрид успела добежать до зольного отверстия и залегла. Одной рукой она ласкала кота, другой лихорадочно искала защелку. Обнаружив, что ее замотали проволокой, передала по висевшей на шее рации: «Не могу открыть. Закреплено проволокой».

В ответ послышался голос Зика:

— Веду учет времени. Можешь пока действовать. До начала обратного движения у тебя пятьдесят секунд.

Как заранее договорился Зик, управление энергетики и водоснабжения возобновит подачу тока в девять ноль три.

Ингрид поставила кота на землю и стала методически работать пальцами — точно и хладнокровно. Проволока оказалась толстой и намотана была туго. Если бы хоть было видно!

— Сорок секунд.

Нащупав один конец проволоки, Ингрид стала ее разматывать сначала в одну сторону, потом в другую. Д. К. натянул поводок, готовый вырваться на свободу. Почувствовав, что хозяйка встревожена, он замяукал от страха.

У Ингрид оставалось всего двадцать секунд, когда она поняла принцип намотки. Но руки уже были в крови. Тем не менее она стала разматывать изо всех сил. Проволока наконец упала, и Ингрид открыла защелку. Несколько секунд она успокаивала кота, а потом нежно просунула его внутрь в уже открытое отверстие.

Зик передал:

— Время на пределе. Пора назад.

Она вернула защелку на место и обмотала ее как попало.

Зик твердо произнес:

— Назад, и немедленно!

Обратно она бежала очень быстро. Неровный грунт таил в себе ловушки, а один раз она даже шлепнулась и содрала кожу. Поднялась, и когда вокруг зажегся свет, она уже была на командном пункте, жадно глотая воздух.

На улице неподалеку от фабрики пожарные прокричали друг другу, что вызов, должно быть, ложный, и уехали.

Взятая напрокат машина повернула за угол и бесшумно встала. Вышел Арти Ричфилд и прошел на фабрику.

Стоя на командном пункте, Зик принимал доклад агента номер двадцать:

— Ричфилд взорвал сейф в «Пале-Рояле», побывал в больнице «Сан-Фернандо Вэлли», а оттуда поехал прямо на фабрику, куда он только что вошел. Попутных контактов не было.

31

В абсолютной темноте Д. К. включил свои радары, замерев на месте, прислушиваясь и принюхиваясь. Услышал, как скрипит старое, большое здание, как шелестит ветер за окном и внутри, как доносятся странные звуки, которые умеют издавать только люди.

Довольный, что неведомых врагов нет и в помине, он переключился с интенсивного прослушивания на интенсивное обнюхивание и двинулся дальше. Ему мешала тупая боль, но больше всего беспокоило отсутствие координации движений. Подкашивались ноги. Кот остановился, чтобы продумать создавшуюся ситуацию.

Он понятия не имел, зачем его сюда сунули, но это его не особенно тревожило. Жизнь он воспринимал, как она есть. Если ему что-то хотелось, то есть, и безумно. Он не брал в рот ни кусочка... ну, неважно, как давно, важно, что сейчас он был голоден. Хорошо бы съесть креветку! Но такое счастье выпадало редко. Почти все, что едят люди, следует зарывать. Он вспомнил, как однажды Майк угостил его ветчиной, намазанной изнутри горчицей. Неделию он не мог разговаривать. Тогда он научился тщательно обнюхивать любую человеческую еду. Проверять надо даже консервы. Как-то, когда он простудился, ему в куриные потроха подсунули растертую таблетку.

Передвигался он очень осторожно и напоминал сам себе мудрого, старого кота.

Филипп Дюваль, услышав, что приехал Арти, вышел из конторского помещения, где под лучами специальной привезенной Дювалем лампы направленного освещения медленно и методично работал Меморандум. С той минуты, как Дюваль разложил перед ним драгоценности, он ни разу не перевел дух.

Арти доложил, что с сейфом все в порядке:

— Тоже мне дело! Хватило игрушечного заряда.

— А как насчет внешних признаков взлома?

— Сделано. Вырезал кусочек стекла в окне кабинета, влез и замкнул систему сигнализации.

— Никто не видел?

Арти отрицательно покачал головой и продолжал:

— Заехал в больницу. Там сказали, что она лежит в палате интенсивной терапии. Так говорят, когда пациент при...

Дюваль перебил его.

— Знаю.— Походил по комнате и заметил: — Не понимаю, как она могла пострадать. От легкой царапины на бампере.— Он едва выговорил: — Из-за нее все оказалось под угрозой.

— Из-за шлюх всегда так.

Стоя в полуосвещенном углу, Дюваль кинул жесткий взгляд на Арти:

— Полагаю, что нельзя заявлять об ограблении до тех пор, пока она стоит у нас на пути.

— Ночью она никому не проболтается,— сказал Арти,— а утречком к ней в палату придет на свидание дорогой братик.— Он кивнул в сторону Меморандума: — Сколько он еще будет возиться?

— До двенадцати ночи. Полночь, час колдуний,— позволил себе улыбнуться Дюваль.— Я всегда любил полуночный бой часов.

— Давно мне не приходилось сворачивать людям шею,— произнес Арти.

Дюваль с отвращением отвернулся. Вот отвратительное создание! Что, Нью-Йорк не мог подобрать кого-нибудь еще вместо этого разбойника? Какого-нибудь изящного мастера своего дела? Малокалиберная пулька, с математической точностью уложенная в заданную точку черепа, не оставит ни капельки крови и обеспечит ему стопроцентное алиби. Но разве этому мерзавцу что-нибудь втолкуешь? Он сделает, что захочет.

Дюваль вглядывался в темноту. У двери что-то задвигалось и приняло облик кота. Он кивнул в его сторону:

— Тот самый?

— Ага,— сказал Арти.— Какая огромная скотина! — Когда Д. К. вышел на свет, он схватил его двумя руками.— Не туговат ли свитер?

Дюваль присвистнул:

— Да на нем хирургический чулок!

Арти мерзко захохотал.

— Небось под машиной побывал. Видел я в детстве кота... на мостовой только пятно осталось.

— Как он сюда попал? — требовательно спросил Дюваль.— Вы же мне сказали...

— Вот-вот, как? И эта рыба,— пробормотал он себе под нос,— не приплыла же она сюда и не залезла же сама на полку! — Он покачал головой.— Дошло? — Сжав губы, он продолжал: — Вот кому бы я свернул шею! — Он бросил взгляд на Дюваля.— Попрактиковаться?

— Мысль, достойная осла.— Дюваль добавил: — Полагаю, что сторожу ничего не известно ни про рыбу, ни про кота?

Арти не знал, что ответить.

— Так вы его спрашивали?

— Собирался.

Дюваль смерил Арти уничтожающим взглядом.

- Позовите его сюда.
- Я послал его на ночной рынок. За кресс-салатом.
- За кресс-салатом!

Задрав хвост трубой, Д. К. гордо проследовал мимо. Для него эти люди представляют собой лишь две пары ног, которыми можно пренебречь до тех пор, пока от них что-то не перепадет. Однако та пара ног, которая находится в конторе, уже дала ему кое-что, и он пошел туда, держась достаточно прямо, насколько ему позволяло состояние. Почти автоматически тот человек стал для кота старым, верным другом, делившим с ним пищу.

Он бесшумно вошел в конторское помещение так, что Меморандум не заметил. Д. К. осмотрелся и задумался. Есть люди, которым не нравится, когда их отрывают от работы. Он решил рискнуть. И нежно дотронулся лапкой до брюк.

Меморандум бросил вниз отчаянный взгляд. Он не ожидал увидеть черного кота с белой повязкой. Д. К. уселся перед ним и просительно замаякал. Тогда Меморандум узнал его и полез в ящик за кусочками мяса, аккуратно приготовленными в пластмассовом мешочке. Он наклонился над котом, быстро нашел карман и вынул записку. Она была напечатана на машинке заглавными буквами: «ПРЕДУПРЕДИТЕ, КОГДА СОБИРАЕТЕСЬ КОНЧИТЬ. НАСТРОЙТЕСЬ НА ВОЛНУ МЕСТНОЙ СТАНЦИИ 1260 МЕТРОВ В 10.55. Д ИЛИ Р ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНЫ УСЛЫШАТЬ ЭТУ ПЕРЕДАЧУ. ЗИК».

За спиной заговорил Арти, и Меморандум виновато улыбнулся.

— Чем это вы тут занимаетесь? У вас нет времени, а вы с кошкой играете!

Меморандум вернулся к столу.

— Я приберег для него мяса, — извиняющимся голосом произнес он.

— Ждали его возвращения? — спросил Дюваль.

— Нет, но подумал, что если он опять придет... — Он замолк.

Дюваль поставил вопрос ребром:

— Вам известно, каким образом это животное проникает на фабрику?

Отрицательно покачав головой, Меморандум настроил радио на волну 1260 метров. Передавали тихую музыку.

Дюваль спросил Арти:

— Вам не пришло в голову, что кот появился здесь сразу же после прекращения подачи электричества?

Через некоторое время радио заговорило:

— Лауреат конкурса на лучшего обозревателя Стэн Уорвик сообщит нам последние известия по материалам международных агентств новостей. Итак, Стэн Уорвик!

— Выключите! — распорядился Дюваль.

— Всего пять минут! — запротестовал Меморандум.

Арти полез к приемнику, но Дюваль схватил его за руку.

— Я передумал. Послушаем.

Помещение наполнил густой, повелительный голос Стена Усрвика. Он рассказал о ходе войны, о крушении реактивного пассажирского самолета неподалеку от Исландии, о свержении одного из африканских правительств, а затем перешел к местным новостям.

— Двадцатичетырехлетняя мисс Шерли Хатчинсон сегодня вечером скончалась в больнице «Сан-Фернандо Вэлли», куда она была доставлена в отделение неотложной помощи с тяжелыми телесными повреждениями, полученными в результате столкновения двух автомобилей на перекрестке Сепульведа- и Вентура-бульваров в час пик. Мисс Хатчинсон...

Дюваль подтянул галстук и собрался уходить.

— Какая неожиданная удача! — заметил он. — Можно делать заявление.

И когда Дюваль в сопровождении Арти пошел к парадному входу, Меморандум дрожащей рукой нацарапал записку: «Д СЛЫШАЛ РАДИО И ПОШЕЛ ЗВОНИТЬ В ПОЛИЦИЮ. МЕНЯ МОГУТ УБИТЬ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ. ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОМОЧЬ. Я ВАС НЕ ОБМАНЫВАЛ».

Нагнувшись, он неверными движениями попытался засунуть свернутую несколько раз записку в карман ошейника. Его охватило чувство облегчения. Если в ФБР узнают, что его жизнь в опасности, там, конечно, примут меры.

Меморандум испугался, когда понял, что не может приподнять кота, не сделав ему больно. Он аккуратно подтолкнул его. Кот удивился. Почему старый друг его гонит? Он никогда не подчинялся нажиму. Меморандум подошел к двери и прицелкнул пальцами. Д. К. бросил воинственный взгляд. Он пойдет, когда сам захочет. И не раньше.

За спиной послышался ехидный голос Арти:

— А сейчас чем вы изволите заниматься?

Тут же стоял Дюваль.

— Хочу его выпустить. Он меня беспокоит. Сидит и смотрит.

Дюваль сказал:

— Меня потрясает логика, точнее, отсутствие ее при данных обстоятельствах. Вы держите мясо для кота, который, как вам известно, никоим образом не может проникнуть в здание.

— Вот-вот, — вмешался Арти, — сначала кота встречают как старого друга, а через пять минут готовы поддать ему под зад.

Меморандум стоял, как боксер, изготовившийся для удара, но тут же пожал плечами и вернулся к работе. Дюваль загадочно глядел на него, пока он не сел.

И опять Дюваль пошел к двери, а следом за ним Арти.

Дюваль сказал:

— У меня предчувствие. Этого кота ни в коем случае нельзя выпускать из здания. Слишком много загадок: то он заходит, когда нет ни единого способа сюда попасть, то на полке появляется рыбка, то в прошлую ночь кто-то ползет по пустырю...

Арти улыбнулся:

— Я подвергну его превентивному заключению, мистер Дюваль.

Дюваль кивнул и тут же исчез. Возвращаясь в конторское помещение, Арти столкнулся с Меморандумом, выходившим с котом на руках.

— Не могу сосредоточиться, когда он рядом, — повторил свой довод Меморандум.

— Приземли задницу и приступай к работе. Котом займусь я.

Аккуратно опустив кота на пол, Меморандум прошел к столу и взял ожерелье, из которого он вынимал бриллианты. Арти забрал стул, стоявший рядом с Меморандумом, и отодвинул его к стене. Ленивыми движениями он закурил, сунул руку под рубашку и почесался.

После этого он бросил взгляд на Меморандума.

— У меня есть приказ убить его, если он попытается убежать отсюда. — Он показал на Д. К., сидевшего поджав лапы, не отводя глаз от Арти.

Неожиданно Арти сполз на пол, с грохотом отбросив стул. Выкинув вперед руку, он схватил Д. К. за заднюю ногу. Крича от боли, Д. К. рванулся, высвободился и забился в угол. Выгнул спину, бросил злой взгляд и выпустил когти.

Арти подкрался к коту.

— А ну, иди сюда! Мне приказано тебя обыскать. — Голос был низкий, угрожающий, наполненный жадной убивать.

Меморандум предупредил:

— Осторожно! Он сильно болен.

Д. К. зашипел и приготовился к прыжку, но Арти опередил его. Он прижал Д. К. к полу. И опять Д. К. крикнул от боли. Арти попытался рассмеяться, но заорал, как только Д. К. вонзил зубы в мякоть под левым локтем. Арти попытался оторвать от себя кота. Он попробовал его схватить, но Д. К. выпустил когти и разорвал Арти в кровь.

Тут Арти заметил торчащую записку, выделяющуюся белой полоской на черной шкурке. Он замахнулся, чтобы прибить кота одним ударом, но вдруг рука Арти оказалась перехваченной в воздухе. Это сделал Меморандум, сжавший ему запястье.

Д. К. бежал Арти, выскочил через дверь и исчез в темных пространствах фабрики. Резким движением Арти освободился от захвата и уложил Меморандума на пол. Когда тот поднялся, то обнаружил, что на него направлен револьвер. Лицо Арти было таким злобным, что у Меморандума перехватило дыхание. Он сделал шаг назад. Попытался уйти в спасительную темноту. Ему было заранее известно, что все кончится именно так.

— Ах ты, вонючая, мокрая, вшивая крыса! — заорал Арти, не отводя

револьвера.— Я же сказал старику, что ты гнида. Что мать родную продашь за кружку пива. Что ты засунул коту в ошейник?

Он ткнул револьвер в живот Меморандума. Палец мертвой хваткой впился в спуск. Малейшее движение — и раздастся выстрел. Меморандум согнулся от боли.

— В ошейник? — прошептал Меморандум.

Арти вдавил револьвер еще сильнее.

— Ты знаешь, что бывает с теми, кому достается в живот? Из них будут выпущены все кишки!

С каждым вдохом и выдохом Меморандум ощущал давление оружия. Он ничего от меня не узнает, уговаривал он сам себя. Нет. Хоть раз в жизни...

— Ты скажешь, что в записке, или хочешь, чтобы тебя разорвало на куски?

Меморандум испугался, но удивился сам себе:

— Десять шансов против одного, что ты меня не тронешь, пока я не кончу с камнями, слышишь, любитель кресс-салата?

— Сядь! — завопил Арти и дал ему тычка. Меморандум шлепнулся на стул, стоявший прямо под свисающей с потолка голой лампочкой. Пока затуманенное сознание Меморандума не реагировало на происходящее, Арти защелкнул у него на запястьях наручники. Меморандум отчаянно сопротивлялся, и ему почти удалось встать, но Арти опять ударом отправил его на прежнее место. Но Арти неожиданно потерял равновесие, схватился за ноги Меморандума и зажал их в тиски. Меморандум рванулся, пытаясь высвободиться, и размахнулся, пытаясь нанести Арти удар наручниками по голове. Арти увернулся и продолжал сражение с ногами Меморандума. Когда Меморандум очнулся, на ногах тоже были защелкнуты «браслеты».

Арти поднял револьвер с пола, куда положил его во время схватки. Вскочив, он процедил, тяжело дыша:

— Сиди и не рыпайся. Если шевельнешься... Я добуду эту записку и прикончу этого кота, как прикончил бы любого полицейского шлика. Но я буду следить за тобой и, если попробуешь что-нибудь сделать, все равно что,— раскрою пулей череп!

32

Не двигаясь, Арти стоял в темноте с верным другом в одной руке и фонариком в другой. Его первым побуждением было с помощью фонарика осветить кота, но от этой идеи он отказался. Он предпочел выждать, пока не услышит движение.

Арти рассортировал доносящиеся звуки: вот кто-то вдалеке играет в крикет, вот приглушенный шум проезжающих машин, вот стонет и скрипит старое здание, вот где-то летит самолет. Ему, однако, хотелось бы

услышать мягкое движение кошачьих лап, трение пушистого тельца обо что-нибудь, легкий прыжок сверху вниз.

Со временем проявится хотя бы один из этих звуков. Он дождется... Арти припомнил, как однажды темной ночью простоял на одной из бруклинских аллей под мокрым снегом три часа двадцать две минуты. Наконец появился тот, кого он ждал, и тело рухнуло в снег.

И тут из набора шумов он вычленил движение, которое не смог идентифицировать. Это был какой-то сдавленный, непонятный звук, абсолютно ему незнакомый. По привычке он схватился за кобуру, холод металла давал ему уверенность в своих силах.

Шум не прекращался и становился отчетливее. Затем он понял, что звуки идут из разных источников и распространяются в разных направлениях.

Первый, однако, становился все громче, медленно, но верно приближаясь к нему. Он подождал еще минутку и нажал металлическую скобу фонарика. Отступил в сторону — и, как оказалось, вовремя: мимо проехала шина.

Он направлял луч света туда и сюда, прочесывая светом фабрику, и наконец высветил стопку шин, откуда и упала беглянка. Фут за футом высвечивал он пол, каждый угол, каждый закоулок. Он пинал ящики, гниющую резину, формы, верстаки. И ругался под нос.

Даже мышь не обнаружила бы Д. К., когда он изучал обстановку: осматривал местность, пока не обнаружил на уровне глаз дырку в штабеле шин и не понял, что если ему удастся забраться внутрь, он окажется в надежном укрытии. Если бы он был фунтов на пять легче, он сумел бы туда попасть. Когда лез внутрь, он почувствовал, что сверху что-то качается, и на время замер. Но тише не стало, а, наоборот, что-то набрало скорость, и через несколько секунд покатались шины. Не теряя времени, он вылез и стал искать место повыше. Чуть не попал под луч фонарика. Но успел спрятаться в куче вонючего хлопчатобумажного корда. Подобрал хвост. Нельзя забывать о хвосте. Он не раз видел, как кошки прятались и чувствовали себя в безопасности, хотя снаружи у них болтались хвосты.

Теперь глаза его сузились в щелки. В его сторону шел человек, тщательно осматривая территорию. Он прошел мимо на расстоянии нескольких футов. Д. К. подавил рычание, и звук застрял в горле. Этот гад пытался убить его. Из-за него до сих пор болит голова. Ему захотелось оказаться дома, залезть под любимый куст, зарыться в листья и отоспаться. Он так и не понял, почему на него охотились. Поведение людей абсолютно непредсказуемо. Большинство их не в своем уме. Без каких-либо причин они тебя гоняют и пинают.

Когда Арти отошел влево на достаточное расстояние, Д. К. вылез

наружу. От него шел запах хлопчатобумажного корда. Ему удалось частично отмыться, а потом он попробовал очистить язык.

Внезапно его ослепил яркий свет, бивший прямо в глаза с расстояния всего нескольких футов.

33

В течение нескольких минут после ухода Арти Меморандум сидел прямо, ощущая как наручники, врезавшиеся в запястья, так и боль в лодыжках. Он попытался крикнуть, но в ушах стоял стук собственного сердца. Ему, однако, удалось преодолеть страх. С удивлением он обнаружил, что сумел взять себя в руки. Такого с ним раньше никогда не бывало.

План был ясен. Сначала Арти Ричфилд разделается с котом, потом придет за ним. Он снимет с него наручники и посадит за работу. Ему придется пересаживать камни в новую оправу под дулом револьвера, а потом придет конец. И ФБР не сумеет его защитить, потому что если погибнет кот, передать весточку будет некому.

Он услышал странное, мягкое шуршание, распространяющееся в разных направлениях. Меморандум сжался, напуганный неизвестностью, а потом вздохнул с облегчением, заметив, как мимо дверей конторы проехала шина. После этого он увидел луч света от фонарика Арти и проследил, куда тот падает.

Надо убираться отсюда. Если сидеть и ждать, дождешься только смерти. Быть может, ее и так не миновать, но, по крайней мере, будто живность, убегающая от койота, он обязан рискнуть, раз уж решился на поступок.

Он вытянул руки и размял пальцы. Запястья были схвачены плотно. Потом протянул ноги и поглядел на них. На несколько дюймов их можно развести. И если он сумеет прыгнуть на пол в таком положении, ему удастся сбить замок на сторону, не причинив себе вреда и без особого шума.

Прищурившись, он следил за лучом света. Теперь луч превратился в тоненькую светлую черточку в углу. И когда Арти повернулся к нему спиной, Меморандум прыгнул на пол. Ножные зажимы ударились друг о друга, раздался металлический звон, громом прозвучавший в тишине. Меморандум лежал напрягшись, едва дыша. Но не услышал ничего, даже приближающихся шагов — мертвая, обволакивающая тишина. Ему и в голову не приходило, что тишина может быть до такой степени жуткой.

Он осторожно пополз на локтях и коленях, стараясь не задевать металлом о металл. Но обувь царапала бетон пола, издавая характерный звук. Добравшись до дверей, он повернул вправо, подальше от Арти. Ему хотелось спрятаться в одной из форм, переждать и собраться с мыслями.

Он отполз не слишком далеко и вдруг замер потрясенный. Не далее чем в двадцати футах от него плясал луч фонарика. Он приближался. Шагов Арти не было слышно, но тут Арти заговорил, и у Меморандума сердце ушло в пятки. Говорил Арти тихо, и поначалу нельзя было разобрать слова. Затем Меморандум сумел разобрать:

— Кис-кис-кис, иди сюда! Кис-кис-кис..

Арти загнал кота в угол, но стрелять в него не собирался. Меморандум вспомнил слова Арти: «Хочу свернуть ему шею». Этот человек — урод, выродок. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Меморандум встал на колени. Он хотел громко крикнуть, совершить поступок, но не знал какой. И тут раздался страшный грохот в ушах, а левую сторону жарко обожгло. Он покачнулся, медленно повалился и свернулся в клубок.

34

Д. К. моментально отреагировал на свет и выстрел Арти. Он прыгнул на верстаки, стоявшие в ряд у стены, затем взобрался на табурет, а потом на письменный стол. Он уже не обращал внимания на непорядок в животе — ему бывало и побольнее после драк в окрестностях дома, но сильно мешала усталость. Д. К. едва волочил ноги.

Со стола он прыгнул на полку, затем на другую. Старый кошачий принцип: попал в беду — лезь как можно выше. Люди редко видят поверх собственного носа.

Когда полка кончилась, он перепрыгнул на следующую, на несколько дюймов выше. Прыгнул бы и дальше, но вынужден был остановиться. Чертов корсет задел за гвоздь, торчащий под углом из стены. Кот оглянулся и убедился, что враг приближается.

Он потянул корсет на себя и обнаружил, что просто выдернулась нитка. Попытался усесться на полке, чтобы осмотреть себя, но не смог устроиться. Дернувшись раз или два, он сообразил, что лишь подавшись назад, сможет полностью освободиться. Но если он это сделает, то задняя часть тела на время лишится опоры.

Тогда он замер. Арти находился прямо под ним, бормотал что-то под нос, держа револьвер в правой руке. Когда этот гад отошел на несколько футов, Д. К. осторожно подался назад, стараясь удержаться на полке задними ногами, для чего сильно выгнул спину. Но как только ему удалось освободиться, он неожиданно задел хвостом банку с болтами и гайками на соседней полке. Как это случилось, он так потом и не понял. Прежде чем банка упала на пол, он успел напрячь все силы и совершить прыжок. Он уже был далеко, на расстоянии нескольких футов, когда банка долетела до пола и, соприкоснувшись с бетоном, издала звук пулеметной очереди.

Арти резко обернулся. И палец сам нажал на спуск. Револьвер зарычал и послал пулю в цемент. Арти, дико вращая глазами, попытался найти цель. С помощью фонарика он внимательно разглядел банку, которая с жутким грохотом все еще катилась по бетону, разбрасывая содержимое в разные стороны. Он поглядел вверх, ища полку, откуда свалилась банка, затем пошел вперед, пока не поймал в цель Д. К. Рефлективно Арти выстрелил. Когда раздался отраженный от оштукатуренных стен гром, его перекрыл оглушительный, пронзительный вскрик.

35

Первый приглушенный выстрел породил на командном пункте напряженную, сдавленную тишину ожидания. Ингрид чуть-чуть приподнялась, в глазах одновременно застыли вопрос и страх, лицо вытянулось от долгого ночного ожидания. Зик сосредоточился на здании, пытаясь прослушать новые звуки.

Второй выстрел послужил своего рода сигналом. Зик схватил микрофон:

— Начинаем план «А»! Всем подразделениям действовать одновременно!

Он обернулся к Ингрид:

— Предупрежу тебя, когда понадобишься

И кивнул Плимпertonу, державшему в руках ружье тридцатого калибра. С первого выстрела тот вывел из строя прожектор. Под руководством Зика агенты, пригнувшись, побежали через темное поле. Они нацелились на заднюю дверь, но за несколько футов от нее остановились и сгруппировались. Зик подвесил на ручку двери динамитную шашку, поджег шнур и, наклонившись, побежал к остальным. Через несколько секунд дверь с грохотом распахнулась. Почти одновременно такой же взрыв раздался со стороны главного входа, где действовала другая группа агентов.

Внутри похожего на склад здания грохот взрыва отдавался от стены к стене, усиливаясь до такой степени, что, казалось, фабрика поднимется в воздух. Арти заметался в панике. Двумя быстрыми выстрелами он разбил обе лампы, погрузив помещение во тьму.

Прорвавшись через заднюю дверь, Зик сразу же принялся за дело. Он прокричал в динамик:

— Мы служащие Федерального Бюро, Ричфилд. Выхода нет. Вы окружены. Зажгите спичку и поднимите руки. Если нет спичек, подайте голос. Вы тоже, Тэрмен.

Фамилия Тэрмен прозвучала как-то неуместно. Зик всегда звал его Меморандум.

Позади Зика под прикрытием темноты агенты втаскивали кабель, ставили свет и прочую аппаратуру. Зик произнес через громкоговоритель:

— Выходите, Ричфилд, не валяйте дурака. Мы же не собираемся вас убивать.

Агент, стоявший позади, сказал:

— Мы готовы.

Зик и другие агенты укрылись за низкой пуленепробиваемой металлической баррикадой, установленной внутри фабрики. Агент повторил:

— Мы готовы.

Зик крикнул через усилитель:

— Тэрмен, подайте голос, если слышите меня.

Зик подождал минуту, потом сказал агенту:

— Давайте!

Четыре прожектора, направленные во все стороны, залили светом помещение фабрики. Арти стоял где-то на полдороге к крайнему правому концу помещения. Он упал на пол и скрючился возле агрегата.

В старом здании стало так тихо, как будто там никого не было. В поисках Д. К. взор Зика обшаривал здание: вначале он искал кота на полу, потом на верстаках, затем на полках. Он произнес в микрофон:

— Попросите мисс Рэндалл позвать кота.

Она засвистела, и свист этот пошел с командного пункта через усилитель. Вначале нервный, со временем он стал отчетливым. Звук заполнил все пространство фабрики. Ингрид вдруг замолчала, а затем перешла на строгий тон, которого кот всегда слушался:

— Ну, давай, давай, выходи, понял? Проходи прямо сюда.

Зик напряженно ждал. Через минуту, однако, Зик решил действовать по-иному. Он отключил Ингрид и сам произнес через динамик:

— Ричфилд, если выкинете что-нибудь, стреляю на поражение.

Плимпертон вел счет:

— Один, два, три, четыре... — Он пристроил к правому плечу газометное устройство. — ...Семь, восемь, девять...

Тут его перебил Зик.

— Отставить! — Он заметил, как по правой стене приближается Д. К. Кот шел, пошатываясь. Зик передал по радиации Ингрид: — Посвисти. Он идет. — А коту сказал: — Давай, давай, старина! Ради Бога, поторопись! Ради Бога, поторопись!

Д. К. двигался, не ускоряя шага. Он даже усами не повел в знак того, что слышит. Один раз он присел и почесался, потом пошел чуть-чуть быстрее и замер перед баррикадой. Появилось что-то новенькое, а кот по натуре был консерватором. Он понюхал воздух, чтобы определить, опасны ли для него эти люди. Зик передал Ингрид:

— Больше пока по радио не свисти.

Так она и сделала, но Д. К. уже включил свой радар и тут же определил, где находится хозяйка. Он рысью проскочил в дверь и понесся по полю.

Ингрид побежала ему навстречу, упала наземь и взяла его на руки.

Плимпerton выпустил заряд слезоточивого газа в то место, где в последний раз видели Арти. Газовый патрон с шипением разорвался. Через секунду, безудержно кашляя, вылез Арти. Правая рука безжизненно висела вдоль тела, едва удерживая оружие. Быстрым движением Зик отобрал револьвер, а Плимпerton надел задержанному наручники. Арти ничего не видел: из глаз текли слезы.

Агенты обнаружили Меморандума в бессознательном состоянии там, где он упал. Сердце билось ровно. При поверхностном осмотре была обнаружена кровоточащая рана. Зик по рации вызвал «скорую помощь» и врача-терапевта.

Он уже собрался идти на командный пункт, как ему по рации передали, что Филиппа Дюваля арестовали в магазине, когда он демонстрировал полиции взорванный сейф.

И Зик помчался искать Ингрид.

36

— Вы не предупредили меня, что женаты, — упрекнула Зика Шерли Хатчинсон. Она стояла в дверях квартиры. Зик и Плимпerton прощались, поблагодарив ее за помощь и разыгранную по просьбе ФБР «смерть».

— Женат? — озадаченно произнес Зик.

Шерли рассмеялась, полагая, что ее собеседник темнит.

— Не знаю, нужна ли вам будет четвертая жена, но если дойдет до этого... — произнесла она прежним дразняще-вызывающим тоном.

Бросив взгляд на Плимпerton, Зик понял, чьих это рук дело. Когда они вышли из подъезда, Зик спросил:

— Что она имела в виду?

— Понятия не имею.

— Так-таки не имеете! — развеселился Зик. — В следующий раз мне хватит и одной жены. Я суеверен. — Он добавил: — А теперь мне предстоит выполнить секретное поручение. Так что я исчезаю!

Улыбаясь, Зик сел в машину.

37

День в доме Рэндаллов начался чуть раньше шести тридцати, когда Мервин пальчиком нажал кнопку звонка и не отпускал до тех пор, пока Пэтти не открыла дверь. Усталая, заспанная, она попросила его подождать: поднять Майку можно было лишь с помощью домкрата.

Ведя Майку к двери, Пэтти сказала ему, что она думает о ранних визитах его клиентов.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

— Я же предупреждал ребят, что по делу ко мне можно приходить не раньше семи тридцати,— оправдывался он,— но некоторым лень взглянуть на часы. Они встают, когда им заблагорассудится, и начинают шлаться. Что с такими делать?

Мервин пришел за кроликом. Не говоря ни слова, он выложил наличные на обеденный стол. И долго не отводил взгляд от монет не в силах расстаться с таким богатством. Майк аккуратно пересчитал деньги, а Мервин ждал, правильно ли он вычислил свой долг. Все было точно, и оба мальчика ушли на задний двор.

На кухне Пэтти невидящим взором глядела в окно. Всю ночь она боролась с собственными мыслями. Она пыталась укротить свои обиды и ущемленную гордость, но они, как голодные собаки, скалили зубы, куда бы она ни обернулась. Сможет ли она простить Зика и доверять ему? Ведь она так его любила! Сможет ли она так же полюбить Грега? Разве что со временем. Она слышала, что некоторые пары влюбляются друг в друга после брака. Он такой красивый, создан для светской жизни и принадлежит к тому типу мужчин, которые с возрастом становятся все более и более представительными.

Услышав мягкие шаги, Пэтти занялась кофе.

— Неужели он должен был перебудить весь дом? — спросила Ингрид, обутая в домашние туфли.— Можно было поспать еще часок.

Д. К. мог бы поспать и подольше. Он сидел у кухонной двери и зевал во весь рот, пожирая глазами холодильник.

— Ему нельзя прыгать,— сказала Пэтти.

Ингрид почесала его за ушком.

Тут зашел Майк, потрясая утренней газетой.

— О нем не написали ни слова! Можете себе представить? Всю славу взяло на себя ФБР, но ведь это наш старенький Д. К. чуть не погиб в перестрелке! Что скажешь, старина?

Майк уселся и стал теревить кота.

— Майк! — запротестовала Ингрид.— Ты же делаешь ему больно.

Д. К. был в восторге. Он потянулся к Майку, потом зевнул. Да, отдохнуть ему бы не мешало.

— ФБР присвоило себе все заслуги,— повторил Майк,— но ведь стреляли-то только в нашего Д. К.!

Раздался робкий стук в дверь.

— Это Марк,— сказала Ингрид.— Мы с ним вместе занимаемся математикой.

— Марк? — переспросила Пэтти.

— Иди сюда, я вас познакомлю.— Она поволокла Пэтти за руку.

Коротко стриженные волосы Марка давно пора было подровнять, обшлага брэк были в складках, а спортивная рубашка слишком часто бывала в стирке. Но для Пэтти эти детали не имели значения. Важнее

были его застенчивая улыбка, глаза и голос и еще то, как прямо он держался.

Ингрид произнесла:

— Это моя сестра Пэтти — Марк Фогль. Он живет на нашей улице в соседнем квартале.

— Где-то я вас видела, — сказала Пэтти — Вы у нас не работали почтальоном? Года три-четыре назад?

— Да, мадам.

Ингрид заявила:

— Марк, да ты просто прелесть, мне бы так никто не помог!

По выражению глаз Марка было ясно, что если бы Ингрид попросила его вымыть слона, он бы охотно это сделал. И когда он ушел, весело насмешливая, и девушки вернулись в дом, Ингрид произнесла:

— Какой он милый! А тебе нравится, что он обращается к старшим «мадам»? Он такой приятный. Смешно? Он столько лет у меня на глазах, а разглядела я его только сейчас. На человека надо по-настоящему посмотреть, взглядеться в него, а не просто пройти мимо, сказав «Привет!».

Пэтти кивнула в знак согласия. А Ингрид продолжала:

— Как ты думаешь, нельзя ли выставить папу на десятку? У Марка не так много денег, а я сказала, что мне хочется поехать в Диснейленд...

— Что случилось с Джимми?

— С Джимми? — Она произнесла это имя таким тоном, будто вспоминает кого-то из далекого, туманного прошлого. — Да ничего! — Подумала и решила: — Я звонила ему вчера поздно вечером. Вытащила его из постели... Мне надо было сказать ему, что я уже договорилась с Марком и он придет за мной...

На мгновение она ушла в себя, а потом продолжала:

— Знаешь, сестричка, встретишься с кем-нибудь, кто тебе страшно нравится, а потом видишь, что интересы у нас разные. С Джимми страшно весело, но когда копнешь поглубже, то замечаешь, что там ничего нет. Зато Марк любит музыку, знает массу вещей, интересуется спутниками, увлекается Мак-Канном, Лао-цзе, группой «Сканкс» и Рембрандтом.

Пэтти улыбнулась.

— Думаю, папа с радостью даст тебе десять долларов.

Станный звук, напоминающий тюлений рык, послышался откуда-то издали. Это означало, что Джордж Рэндалл решил встать. Ингрид деловито заметила:

— Папа проснулся. — Она обратилась к Майку: — Это ты его разбудил, а ему в его возрасте надо высыпаться. Недавно я прочла... Ой, горячо! — воскликнула она, пролив на руку кофе.

Неуверенно жонглируя чашкой, она двинулась в комнату отца.

— Он говорит, что лучшее мгновение дня — это когда я приношу ему кофе.

— Ты к нему все время подлизываешься. Где твоя принципиальность?

— Не тебе говорить о принципиальности, Майк Рэндалл, — ответила она, — когда ты эксплуатируешь маленьких детей, не умеющих считать. В один прекрасный день тебя посадят за ростовщичество.

Пэтти уже готова была вмешаться в словесный турнир, как в парадную дверь постучали. Она узнала, чей это стук, пригладила волосы, глубоко вздохнула и пошла открывать.

Там стоял Зик, готовый к обороне. А позади из кустов вылез П. К. и подошел к демаркационной линии — трещине на дорожке. Зик произнес деловито:

— Я здесь по службе.

И когда она не ответила, продолжал:

— Из Вашингтона звонил директор ФБР. Он поручил мне передать личную благодарность всей семье Рэндаллов за согласие использовать Дьявольского Кота Рэндалла в качестве информатора Бюро.

Возникший за спиной Пэтти Майк заинтересованно спросил:

— А медаль ему дадут? Его повезут на самолете в Вашингтон на прием к президенту...

Пэтти перебила его:

— Майк, не надо!

В этот момент Д. К. решил улизнуть — втянул бока и сделал вид, что он невидимка. Пэтти преградила ему путь ногой:

— Ну нет, сегодня тебе нельзя выходить из дому. Ты у нас больной. Иди назад, в постель.

П. К. мяукнул в знак приветствия. Пэтти громко хлопнула в ладоши:

— Давай, давай, — обратилась она к П. К., — марш в кусты!

И сказала Майку:

— Если ФБР сообщит мне что-нибудь стоящее, я тебе расскажу.

— Значит...

— Именно!

Пожав плечами, Майк удалился. Зик осторожно улыбнулся.

— Я надеялся, что ты дашь мне шанс объясниться, как только дело закончится и я смогу о нем говорить.

Д. К. попробовал убежать. Упрямства в нем было больше, чем у торговца подержанными машинами. Пэтти опять успела преградить ему путь и нагнулась, чтобы приласкать. Она погладила ему шею, и он тут же замурлыкал. Она сказала Зику:

— Тебе бы не хотелось, чтобы люди мурлыканьем давали знать, что им хорошо? Многие из нас даже забывают улыбаться. — Тут она сменила пластинку. — Объясниться по какому случаю?

С момента появления Марка Пэтти дала себе слово, что постарается вести себя, как Ингрид. Прошрое ничто по сравнению с настоящим. Надо

быть школьником, стирающим текст с доски. Она повторяла про себя слова Ингрид: «С ним страшно весело, но когда копнешь поглубже, то замечаешь, что там ничего нет».

Какой точный портрет Грега!

Некоторое время Зик помалкивал. Он никак не мог понять, кому неловко: ей или ему.

— Ну,— заговорил он,— по поводу вечернего инцидента «ресто-ране»...

— А, вот ты о чем... Я об этом как-то даже не подумала.

Зик глядел ей прямо в глаза.

— Мне не хотелось бы говорить об этом вслух, мисс Рэндалл, но вы отъявленная лгунья!

Она кивнула.

— В нашей семье это наследственное.— Она заговорила серьезно: — Я иногда говорю неправду даже самой себе. Это, Зик, самое скверное. Милый, если бы я тебя не любила, мне не было бы так больно. А если бы мне не было так больно...

Она заранее знала, что сейчас произойдет.

— Нет, Зик, не надо. Не здесь... Зик, прошу тебя... Миссис Макдугалл...

Умудренный жизненным опытом, Д. К. с огромным интересом наблюдал за переплетением ног перед его взором. Давным-давно он уяснил, что когда ноги ставятся в подобной позиции, люди теряют всякий контакт с окружающим миром и он может поступать, как заблагорассудится.

Приняв все меры к тому, чтобы все части тела находились в максимально возможном равновесии, он ринулся прочь. Он свернется под любимым кустом неподалеку от дорожки. Если повезет, то произойдет встреча с собакой. Так интересно наблюдать за реакцией ничего не подозревающей собаки, когда на расстоянии фута она вдруг услышит кошачье шипение.

— Зик! Миссис Макдугалл идет! Я ее вижу.

Д. К. обернулся, чтобы понаблюдать за поведением любимых объектов — людей.

Тут послышался голос Ингрид:

— Такими вещами нельзя заниматься на людях. Вы дурно влияете на мой моральный облик.

А затем громко заговорил Майк:

— Если вам нужны деньги на кольца, дайте мне знать. Ссужу из пяти процентов. Ниже нельзя. Ссуды на таких условиях вам никто другой не предоставит.

Д. К. покачал головой и легкими шагами двинулся прочь. Он был до такой степени озадачен, что даже не поднял хвост трубой.

Кто-то красиво написал мелом на доске: «Кто не скаут, тот...» — а кто-то небрежно приписал, словно плюнул: «Пионер!» Все входящие в аудиторию, читая надпись, улыбались, отдавая должное юмору и краткости авторов — одной строкой выразили затянувшееся противоборство двух образов жизни, двух путей взросления...

Дело было на Всероссийском съезде представителей скаутского движения, который состоялся в Москве прошлой осенью. Собрались делегаты от 50 групп, клубов, патрулей, отрядов, дружин, использующих в своей работе скаутинг, и учредили Ассоциацию возрождения Российского скаутизма (АВоРС), ее координационный совет.

В заявлении ассоциации сказано: «АВоРС — независимая, неполитическая, неправительственная добровольная организация, ставя-

щая своей целью возрождение и содействие движению российских скаутов-разведчиков как формы внешкольного воспитания детей и молодежи в национальном духе на принципах гуманизма, поощрения религиозного воспитания.

Задача АВоРС — создание Российского союза скаутов...»

Учредительный съезд союза намечено провести во второй половине нынешнего года.

— Вот и прекрасно! Наконец-то демократизация дошла до детей, — высказался по этому поводу один мой знакомый социал-демократ.

— К чему все это? — как бы возражая ему, отозвался о скаутском съезде другой. — Прежде чем играть в бабушкины игры, надо накормить детей, обеспечить их воспитание материально. А кто хотел, тот и без скаутских штучек работал с ребятами творчески и гуманно...

Одним скаутинг не нравится верой в Бога. Другим — своей жесткостью и беспрекословным подчинением руководителю. Третьи считают, что в нашем идеологизированном обществе ничего толкового из скаутизма не получится, ибо мы все заорганизуем. Четвертые настаивают на превращении

**ПРИ ВСЕХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
ПОСТУПАТЬ
КАК ЧЕЛОВЕК**

пионерской организации в скаутскую...

Но многие из тех, кто судит о скаутах, знают о них лишь понаслышке. Это неудивительно. Даже в третьем издании Большой Советской Энциклопедии утверждается, что «цель скаутизма — воспитание молодого поколения в духе верности идеалам буржуазного общества», что скаутские организации имеют «ярко выраженную политическую, милитаристскую и религиозную направленность...»

Началом истории скаутизма считается 1907 год, когда в свет вышла книга полковника английской армии Роберта Баден-Поуэлла «Скаутинг для мальчиков». Спустя два года полковник русской армии Пантюхов создал отряд скаутов в Царском Селе под Петербургом, а штурм-ротмистр Захарченко — в Москве. Вскоре скаутские патрули и отряды начали возникать во всех крупных городах России.

Скаут в переводе с английского — разведчик. Девиз скаутов — «Будь готов!».

Кто-то, вполне возможно, удивится: «Как у пионеров?» Да, но у пионеров девиз призывал быть готовым к борьбе за дело...

Девиз же скаутов... Однажды у Баден-Поуэлла спросили: «Будь готов — к чему?» «Ко всему», — ответил он. Будь готов выстоять перед опасностью. Будь готов помочь другим. Будь готов выполнить свой долг... «Будь готов!» — это девиз средневековых рыцарей. Скаут — современный рыцарь, молодой человек, который развивает свою силу, учится решать проблемы, не дает застать себя врасплох.

Пионеры на своем X Всесоюзном слете отказались от прежнего девиза, и теперь он звучит так: «За

Родину, добро и справедливость!» По смыслу это напоминает ответ современных российских скаутов: «Всегда готов, за Отечество!»

Вообще у скаутов и пионеров многое похоже, во всяком случае внешне. Даже название «пионеры» было заимствовано у бойскаутов.

Это не случайно. Многие возникшие после Октябрьской революции детские группы и организации возглавили бывшие скаутмастера. Верные принципу «скаут вне политики», они в своей деятельности не выходили за рамки программы скаутинга: та же строевая подготовка, изучение азбуки Морзе, топографии, медицинской помощи, пожарного дела, освоение многих других полезных навыков... Скаут-мастера считали: с детьми нельзя заниматься политикой, их больше влечет романтика, следопытство...

Комсомол решил иначе: направил в детские отряды своих политруков, поставив перед ними задачу вести идейно-политическое воспитание, а заодно учиться у скаутмастеров навыкам работы с детьми.

Открытая борьба между комсомолом и не желавшими сдавать своих позиций скаутмастерами закончилась в 1926 году, когда скаутские группы и отряды были разогнаны, а их палатки, рюкзаки, библиотеки отданы пионерам. Более тысячи скаутмастеров в возрасте от 15 лет и старше были сосланы на Соловецкие острова.

В 1956 году все оставшиеся в живых ветераны Российского скаутинга реабилитированы. Кто не дожил — реабилитирован посмертно. Но, думается, истинная реабилитация скаутизма как движения и скаутинга как системы воспитания начинается только сегодня.

Отряд «Александр Невский» находится в городе Черноголовка Московской области. Родился он так: школьники во главе с преподавателем истории Юрием Свободным, заинтересовавшись скаутингом, написали письмо в штаб-квартиру ОРЮР — эмигрантской Организации российских юных разведчиков — и пригласили в гости их представителей. Те, как и надлежит настоящим американцам, хоть и русским, не заставили себя долго ждать...

— Но создать скаутский отряд

ФОТО ВОЙТЕКА ЛАСКИ

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СКАУТИЗМА

У нас в России, как и в Англии и в других странах, организация юных разведчиков не есть организация военная... а организация рыцарская.

...В декабре 1915 года в Петрограде состоялся «Первый Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом».

Съездом принят текст МОЛИТВЫ РАЗВЕДЧИКОВ

Утром: «Господи, помоги мне быть сегодня лучше, чем я был вчера».

Вечером: «Господи, помоги мне быть завтра лучше, чем я был сегодня».

ЗАКОНЫ РАЗВЕДЧИКОВ

...Любить свою Родину и всеми силами стремиться быть полезными и честными гражданами России.

...Оказывать услуги и помогать всем, особенно старым людям, детям и женщинам.

...Быть всегда правдивым и верным данному слову.

...Быть веселым и никогда не падать духом.

...Быть вежливым и аккуратным. ЗАПОВЕДИ РАЗВЕДЧИКОВ

...Не жди от других ничего, но сам другим давай все, что можешь.

...Укрепляй свое тело и душу и просветляй разум.

...Пусть воля твоя будет как лук, туго натянутый.

...Пусть первая мысль твоя будет о других, вторая — о себе.

...Расти вверх, как могучий дуб, а не стелись по земле, как ползучая ива.

...Будь завтра лучше, чем ты есть сегодня и чем был вчера.

Из послесловия к книге:

БАДЕН Пауль.

«Юный разведчик». Петроград, 1916

оказалось непросто, — рассказывает разведчик III разряда десятиклассник Иван Дмитриев. — Это в пионеры вступить, все знают, довольно легко — запомни основные даты организации и выучи торжественное обещание. А вот стать скаутом... Нужно выдержать проверку на физическое совершенство. Предложат тебе и тесты на интеллектуальное развитие, наблюдательность и внимание...

Скажем, на столе раскладываются различные предметы: нож, очки, коробочка, ручка, пузырек... Как правило, больше двадцати. Их закрывают платком и открывают перед тобой ровно на минуту, а ты должен их запомнить и перечислить...

Вступающий в скауты обязан пройти немало различных испытаний. Например, «три орлиных пера»: одни сутки молчишь, одни ничего не ешь, одни прячешься так, чтобы тебя никто не нашел.

Проводить аттестацию кандидата в скауты имеют право опытные скаутмастера. Вот тут и пригодилось ребятам знакомство с российскими скаутами из Америки. Они помогли организовать летний лагерь по скаутским законам — снабдили нужной литературой, программами, экипировкой и в назначенный срок лично принимали экзамены. Однако, прежде чем сформировать отряд, названный именем Александра Невского, нужно было совершить паломничество в Новгород, где жил и правил князь Александр Ярославович.

— Самым сложным пунктом оказалась для нас вера в Бога. О необходимости веры в Бога четко говорится в уставе ОРЮРа, — продолжает Иван Дмитриев. — В отряде же многие были некреще-

ными и почти неверующими, хотя и не атеистами.

Вера в Бога оказалась действительно камнем преткновения как для ребят, так и для взрослых, пожелавших стать скаутами. Ведь до недавнего времени и к вере в Бога, и к верующим у нас относились нетерпимо. Много ли можно найти сегодня в нашем обществе мальчиков и девочек, истинно верующих и молящихся?..

Но, наверное, скаутизм не сумел бы собрать в свои ряды шестнадцать миллионов человек и не охватил бы свыше 150 стран мира, если бы не приспособлялся к условиям жизни любого народа.

Вот что сказал по этому поводу генеральный секретарь Всемирной организации скаутского движения Жак МОРЕЙОН во время своей пресс-конференции в Москве: «Долг перед Богом!.. Я хотел бы остановиться на этом пункте «Скаутского обещания». Из него не следует, что скаутинг — это религиозная организация... Когда скаут дает обещание, он клянется выполнить скаутский закон с помощью Бога. Поэтому положение о Боге содержится и в скаутской конституции. Но все это не значит, что скаутинг зависит от церкви, он свободен от нее...»

Еще более конкретное толкование этого положения дал на съезде главный координатор координационного совета АВОРС Вячеслав Черных (скаутская кличка Вут): «Вера в Бога в традиционном восприятии этого понятия не совсем обязательна. Для нас это — духовность, то есть добро, человечность, милосердие, терпимость к другим идеям, религиям...»

Эти слова восприняли по-разно-

му — кто-то скептически, кто-то одобрительно. А мне почему-то вспомнилось высказывание Льва Толстого: «Вера есть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей».

Что думают об этом сами ребята, пожелавшие стать скаутами?

— Лично я в Бога не верю, — признается член симферопольского отряда «Виндjamмер» девятиклассник Алексей Кобец. — Но верю в духовность. И когда произношу: «Господи, помоги мне стать завтра лучше, чем сегодня!», испытываю в душе какие-то возвышенные чувства, нерасторжимую связь со всем, что меня окружает..

«Виндjamмер», что означает «Выжимающий ветер», — отряд морских скаутов. Кроме своих яхт, летних палаточных лагерей у моря и в горах, он имеет свою юнкорскую программу, свои газеты, в которых может опубликоваться любой член отряда. Вот что пишут в газете «Российский скаут».

СКАУТСКИЙ ЛАГЕРЬ

Как только кончается весенняя слякоть и начинается лето, скауты отправляются в палаточные лагеря. Прошлым летом «виндjamмеры» (то есть мы) вместе со скаутами-фехтовальщиками из тюменской «Искры» ездили на Тарханкут — это самая западная точка Крыма.

Конечно же, было классно. Каждое утро, после зарядки и купания, на мачте поднимались два флага — наш, с лилией, и искровский. Так начинался каждый новый день палаточной жизни.

Мы ходили в походы на Джангуль, устраивали фехтовальные

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СКАУТИЗМА

СКАУТИЗМ И ПОЛИТИКА

В настоящее время обостренной политической борьбы следует еще раз подчеркнуть позицию скаутского движения в вопросе об отношении к политике.

Старшие скауты могут каждый в отдельности принадлежать к той или иной политической партии, но как организация скаутизм чужд политике.

Вот почему задачи скаутов — помогать общественным и общегосударственным организациям и быть полезными родному городу.

СКАУТИЗМ И РЕЛИГИЯ

Так как в отряды скаутов поступает молодежь различных вероисповеданий, то не следует скаутским организациям придавать какой-либо вероисповедный характер.

В период юношеского формирования мирозерцания всякий неосторожный шаг в этом направлении мог бы лишь повредить нашему делу.

Формула французского торжественного обещания не содержит даже упоминания о Боге, предоставляя самим верующим скаутам вносить в нее по своему желанию слова об исполнении долга перед Богом.

Вот текст этой формулы:

«Честным словом обещаю: при всех обстоятельствах поступать как человек, сознающий свои обязанности, честный и благородный.

Любить свою Родину и служить ей верно как в мирное, так и в военное время.

Повиноваться законам скаута».

Старший друг скаутов
Иннок. Ник. ЖУКОВ.

Из статьи «Мысли о скаутизме». Скаут русского Севера». 1918, № 2

турниры, выпускали газету, учили тюменцев играть на наших суворовских барабанах. И, конечно же, ходили на яхтах. Не только в тихую погоду, но и в шторм, когда высоченные волны пытались захлестнуть маленькие яхточки. Однажды, ничуть не пугаясь, к нам подплыли дельфины. Они выпрыгивали из воды, переворачивались, радуясь вместе с нами морю, небу, солнцу.

По вечерам все собирались у костра, пели песни, пекли картошку «по-скаутски» и, мечтая, смотрели на звезды.

Ожидая лета, мы сами ремонтируем яхты, чиним палатки, собираем необходимые вещи. Ведь скаутский лагерь — это не тепличные условия, а реальная жизнь.

Алексей КОБЕЦ

СКАУТСКАЯ ФОРМА

У морских скаутов форма обычно темно-синего или черного цвета. У скаутов сухопутных — зеленая или хаки. На рубашке есть погоны (у эстонских скаутов, например, на погоне ленточка с названием города). На кармане делается складка шириной в три сантиметра. На рубашке носят знаки отличий (разрядов), возрастные пометки (сколько лет в отряде). А на рукавах — знак отряда, эмблема организации, знаки летних лагерей, знаки специальностей.

Галстуки носят скауты всего мира. Но они бывают разные: и треугольные, и прямоугольные, и однотонные, и двух-трехцветные. Есть скауты, которые заявляют галстук, но большинство скрепляет его зажимом (кожа-

ным, деревянным или сплетенным из шнуров). Галстук скаута можно использовать в практических целях. Большинство скаутов летом в походах и в лагерях носят шорты.

Гордость каждого скаута — нож, висящий на поясе. Он, как и галстук, выражает скаутский принцип: «Будь готов к любым неожиданностям!»

Наталья СКЛЯР

СКАУТСКОЕ РАЛЛИ

У скаутов всего мира ралли — обычный элемент тренировки, а для нас это явилось новым испытанием. Вначале — несколько переправ через реку: при первой переправе нужно было перелететь с берега на берег, держась за палку, прикрепленную к веревке. На следующей переправе, зацепившись руками и ногами, перелезть по веревке, натянутой между деревьями. Дальше была переправа по камням — но это самое легкое. Куда труднее перейти реку по шатающемуся бревну длиной в 20 метров. После этой переправы началось самое интересное: мы делали из галстука респиратор и пробегали с ним через дымовую завесу. Самым необычным для нас оказалось последнее испытание — надо было попасть в цель тяжелым копьем.

Я считаю, тот, кто прошел скаутскую подготовку, научился маскироваться, ставить лагерь и жить в лесу, участвовал в ралли и других испытаниях, тот в душе навсегда останется скаутом.

Костя РУСАНОВ

— КАКОЙ СКАУТСКИЙ ЗАКОН тебе нравится больше всего? — поинтересовался я у члена

томского отряда «Странник» Жени Ларина.

— Скаут — друг всем и брат всем другим скаутам, — незамедлительно ответил он.

— А из традиций?

— Не снимать галстук, пока не сделаешь доброе дело.

— И что же ты совершил сегодня?

— У скаутов не принято сообщать об этом. Если рассказал, значит, это уже не доброе дело...

Добрые дела в скаутском разуме должны стать частью повседневной жизни. И серьезные значительные дела, как, скажем, спасательные работы при наводнениях, лесных пожарах или в районах, пострадавших от урагана, участие в патруле по охране окружающей среды. И просто проявление заботы о людях — помочь ребенку перейти улицу, расчистить дорогу от завалов, убрать битое стекло с мостовой.

Добрые дела — разъясняют скаутские законы — не сводятся к хорошим манерам. Ответить на вопрос водителя, как проехать, — это обычная вежливость. А нарисовать ему карту-схему, показывающую нужное направление, — это уже доброе дело.

Под влиянием скаутских наставлений автору тоже захотелось совершить что-то доброе — сообщить читателям «Мы», как делается

КАРТОШКА «ПО-СКАУТСКИ»

Надо взять пустую консервную банку, продезинфицировать ее, бросив в огонь. Затем плотно уложить картошку и засыпать очень плотно солью. Банку закопать в угли. И через 15—20 минут картошка готова. Очень вкусно!

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Лена РАЗИНА, 11 лет
г. Новосибирск

* * *

Лишь ночь —
Головой в подушку уткнувшись,
Я засыпаю.
Вижу вокруг себя самое лучшее.
В жизни так не бывает.
Утром, глаза открывая,
Вижу мир, полный забот.
Но я не унываю
И с головой ныряю
В жизни круговорот.

* * *

Мне нелегко.
Друг далеко.
Тише! А то
Он меня не услышит.
Может быть, он там, впереди?
Может быть, рядом?
Не прогляди!
Может, его не будет совсем?
Нет, должен быть.
Ведь друзья нужны всем!

Фатима КУЛАЕВА, 18 лет
г. Владикавказ

* * *

Горит последняя свеча,
И вместе с воском тихо тает
Моя любовь, моя мечта
И жизнь моя, почти пустая.
А капли в блюдечко летят
И оседают в теплой луже...
Мне так тоскливо жить, хотя
Кому-то, может быть, и хуже.
И этот кто-то, как и я,
От огонька лицо скрывает,
Безмолвный страх в душе тая...
Но он меня, увы, не знает.

* * *

Ты смотришь нежно —
Я забылась
От теплоты любимых глаз
И оттого,
Что так любима
И так люблю тебя сейчас.
Твой добрый взгляд...
Мне так знакома
Улыбка глаз твоих, и нет
Тебя мне ближе.
Нет другого.
Но это только твой портрет.

* * *

* * *

Сережа МАКСИМОВ, 16 лет
г. Кишинев

* * *

*Когда-нибудь... «Когда-нибудь»,—
Мы говорим и расстаемся.
А может быть, и не найдемся,
Но в счастье верить не забудь.*

*И если черная печаль
Накроет вдруг свою тенью,
Ты все же верь,
что есть под сенью
Дорога, выходящая вдаль.*

*Все люди — птицы, и парить
Призвание каждого, а души
Без перемен не могут жить,
Темницы воздух их разрушит.*

*В полете дышится легко,
У птиц — особое призвание.
Свободы слышится дыханье
И видно в небе далеко.*

Женя ЛУЖКОВА, 12 лет
село Ленинское,
Киргизская ССР

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*Чудесный день февральский.
Не видно непогоды.
И солнышко ступает
На голубые своды.*

*И день хоть не весенний,
Цапбечут птицы всюду.
И ради этой песни
Я обо всем забуду.*

*И снег уж грязный тает,
Вода блестит, искрится.
И надо быть счастливым,
Чтоб в этот день родиться!*

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. МЭЙССИ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ И НАСЛЕДНИК

Прямо над сиреневым будуаром императрицы находились детские. Утром, лежа на кушетке, Александра могла слышать шаги своих детей и их игру на пианино наверху. Небольшой лифт и специальная лестница вели прямо в комнаты детей.

В этих просторных, больших комнатах росли и воспитывались четыре дочери Николая и Александры. Их воспитание было строгим, достойным внушек сурового царя Александра III. Они спали на жестких походных кроватях без подушек. Каждое утро принимали холодную ванну. Их няни — как русская, так и английская — были строгими, хотя и не без некоторых слабостей. Русская няня Ольги любила выпить. Однажды ее застали в постели с казаком и тут же уволили. Английская няня Марии обожала политику и без конца говорила о деле Дрейфуса. «Однажды она так увлеклась разговором об этом деле со своей подружкой, что совершенно забыла о маленькой Марии, купавшейся в ванной,—

Продолжение. Начало в №№ 4, 5

НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДРА

Перевод с английского Валентины ЗАХАРОВОЙ

вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра царя.— Мария вылезла из ванны и голышом начала бегать по коридорам дворца. С нее капала вода. Мой приезд был кстати. Я подхватила Марию и отнесла ее к мисс Игер, которая продолжала говорить о Дрейфусе».

Дочери Николая II прожили короткую, да и отдаленную от нас во времени жизнь, что лишает возможности достаточно ярко воспроизвести черты их характера и внешности. Однако Анастасия, самая маленькая, занимает особое положение. И не только потому, что была еще совсем ребенком, когда ее убили, но и благодаря свидетельствам о выдающихся, часто оборотистых особенностях своей личности.

Все четыре девочки были непохожи друг на друга. По мере того как они выросли, различия между ними становились все более заметными. Ольга, старшая, особенно похожая на отца, была застенчива и сдержанна. У нее были светло-каштановые волосы, голубые глаза, широкое русское лицо. Она поражала всех своей добротой, наивностью и глубиной чувств. Ее живой ум позволял мгновенно схватывать любую

мысль. Когда она обращалась к тем, кого хорошо знала, то говорила быстро, легко, остроумно. Она много читала как прозы, так и поэзии, часто беря книги со стола императрицы, прежде чем та успевала их прочесть. «Мама, ты должна подождать, пока я решу, можно ли тебе читать эту книгу»,— парировала она, когда Александра заставляла ее за чтением пропавшей книги.

Если Ольга больше всего напоминала отца, то Татьяна, восемнадцатью месяцами моложе Ольги, была повторением Александры. На людях и дома она окружала мать постоянным вниманием. У Татьяны, высокой, самой стройной и элегантной из сестер, были роскошные каштановые волосы и большие глаза глубокого серого цвета. Это была энергичная, хорошо организованная, всегда имеющая перед собой определенную цель девушка с твердыми убеждениями. «Всегда чувствовалось, что она — дочь императора»,— сказал о Татьяне один из офицеров императорской гвардии. В обществе великая княжна Татьяна неизменно была блистательна, выпигрывая у своей старшей сестры. Она лучше Ольги играла на пианино,

хотя меньше занималась и обращала на это внимания. Имея прекрасную внешность, уверенная в себе, Татьяна более, чем Ольга, стремилась бывать в обществе. Среди своих брата и сестер Татьяна была тем человеком, за которым все признавали право принимать решения. Младшие сестры и брат называли ее гувернанткой. Если нужно было получить согласие родителей, все дети были единодушны в том, что «Татьяна должна попросить об этом папу». Достоинство удивления, что Ольга никогда не возражала против ведущей роли Татьяны. Обе девушки по-настоящему были привязаны и преданы друг другу.

Мария, третья дочь, была самой хорошенькой. У нее были розовые щечки, светло-каштановые волосы и темно-голубые глаза — такие большие, что в семье их называли «Машкины блюдца». В детстве она была пухленьким, пышущим здоровьем ребенком, в юности — веселой и кокетливой. Мария любила рисовать, но была слишком ленивой и веселой, чтобы заниматься чем-либо серьезно. Больше всего на свете Мария, которую все называли Машка, любила разговоры о замужестве и детях. Многие отмечали, что эта развитая физически, с прекрасным сердцем девушка, если бы она не была дочерью царя, могла бы стать замечательной женой любому человеку.

Анастасия, младшая дочь царя, ставшая затем самой знаменитой из всех его детей, была невысокой, коренастой, голубоглазой девочкой, известной в семье своими проказами и шалостями. В то время как пушки императорской яхты «Штандарт» отда-

вали салют на закате солнца, Анастасия пряталась в угол, зажимала пальцами уши, выкатывала широко глаза, высовывала язык, изображая притворный ужас. Остроумная, живая Анастасия могла быть упрямой, злой и невыносимой. Прекрасный слух и способности к воспроизведению звуков, позволявшие ей на лету схватывать произношение в иностранных языках, делали восхитительными ее мимические способности. Комично, а иногда и резко маленькая девочка имитировала речи и манеры тех, кто ее окружал.

Анастасия была сорванцом. Она взбиралась на деревья так высоко, что у всех захватывало дыхание, и спускалась только по приказанию отца. Она редко плакала. Великая княгиня Ольга Александровна, ее тетка и крестная, вспоминает время, когда Анастасия так неугомонно проказничала и дразнила всех, что ей пришлось отшлепать ребенка. Лицо маленькой девочки стало пунцовым, однако вместо того чтобы заплакать, она бросилась из комнаты, не издав ни звука. Иногда Анастасия изобретала проказы, переходившие всякие границы. Однажды во время игры в снежки она закатала в снежок камень и бросила его в Татьяну. Он попал Татьяне в лицо. От удара та упала на землю. Не на шутку испугавшись, Анастасия разразилась плачем.

Жизнь девочек была замкнутой и ограниченной рамками Царского Села, лишенной обычных, нормальных взаимоотношений с друзьями и знакомыми. Поэтому у четырех дочерей царя сложились более близкие и глубокие

**Великие княжны
Ольга,
Татьяна, Мария
и Анастасия Романовы.
1916 год**

отношения друг с другом, чем это обычно бывает между сестрами. Ольга, самая взрослая, была всего лишь на 6 лет старше Анастасии — самой младшей. В юные годы для того чтобы подчеркнуть свое единство, девочки придумали общий своеобразный автограф, состоящий из начальных букв имени каждой из них — ОТМА. Этим автографом они подписывали письма, использовали его, когда дарили подарки. Близость девочек выражалась в том, что они менялись платьями и украшениями. Однажды баронесса Буксгевден, фрейлина императрицы, одевалась на бал. Увидев ее, сестры решили, что драгоценности не соответствуют одежде баронессы. Татьяна выбежала из комнаты и возвратилась с собственными брошками с рубинами. Когда баронесса отказалась их надеть, Татьяна была изумлена. «Мы всегда меняемся, если драгоценности одной идут к платью другой сестры», — сказала она.

Ранги мало значили в жизни девушек. Они работали вместе со своими горничными, убирая постели и приводя в порядок свои комнаты. Иногда они навещали семьи горничных и играли с их детьми. Когда им было что-нибудь нужно, их просьбы никогда не выглядели как приказания. Великая княжна могла, например, сказать: «Если Вас не очень затруднит, подойдите к маме, она Вас зовет». В семье девушек называли, следуя простым русским обычаям, по имени и отчеству: Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна... Когда к ним обращались в присутствии посторонних, употребляя их титулы, девочки смущались. Однажды на заседа-

нии комитета, в котором Татьяна была почетным председателем, баронесса Буксгевден начала свою речь со слов: «Если будет угодно Вашему императорскому высочеству...» Татьяна замерла от изумления и, когда баронесса села, сильно толкнула ее под столом: «Вы сошли с ума, зачем Вы так ко мне обращаетесь?» — прошептала она. Не имея контактов с другими детьми, получая мало информации из внешнего мира, девушки особенно интересовались жизнью дворца. Они знали имена казаков, состоящих в эскорте царя, и моряков с императорской яхты. Имея возможность свободно разговаривать с ними, девочки узнавали имена их жен и детей. Они выслушивали содержание писем, получаемых служащими, рассматривали фотографии и делали маленькие подарки. Будучи детьми, каждый из них получал 9 долл. в месяц на разные мелочи и духи. Когда они делали подарки, это означало, что они жертвовали возможностью купить что-то для себя.

В лице своей молодой тетки, великой княгини Ольги Александровны, девочки видели своего близкого друга и покровительницу. Каждую субботу Ольга Александровна приезжала из Петербурга в Царское Село, чтобы провести день со своими племянницами. Понимая, что девочкам необходимо видеть мир за стенами дворца, она убедила императрицу разрешать им поездки в город. Теперь по субботам Ольга Александровна и ее оживленные племянницы с утра садились в поезд и ехали в столицу. Приехав в город, они прежде всего отправлялись в Аничков дворец на офици-

альный завтрак к своей бабушке, вдовствующей императрице Марии Федоровне. Затем ехали в дом к Ольге Александровне, где их ожидали чай, игры, танцы. Приглашения получали и другие молодые люди. «Девочки наслаждались каждой, драгоценной для них минутой веселья, — писала 50 лет спустя великая княгиня Ольга Александровна — Особенно моя любимая крестница Анастасия. До сих пор в моих ушах звучит ее смех, наполняющий комнату. Танцы, музыка, игры — она отдавалась им всей душой». Этот сказочный для детей день заканчивался с приездом фрейлины императрицы, которую присылали, чтобы забрать девочек в Царское Село.

В повседневной жизни девочек делили на две пары. Старших двух звали *большая пара*. Младших — Марию и Анастасию — *«маленькая пара»*. Каждая пара имела свою отдельную спальню. Когда они были детьми, императрица одевала каждую пару в близкие по характеру платья. С возрастом они начали вносить изменения в ту обстановку, которую создали для них родители. Походные постели остались, но в комнатах на стенах повесили иконы, картины, фотографии. Появились кокетливые туалетные столики, кушетки с подушками, вышитыми белыми и зелеными нитками. Большая комната, разделенная занавеской, использовалась всеми девочками как ванная и туалетная. Одна половина комнаты была занята большими платяными шкафами, в другой находилась литая из серебра ванна. Став подростками, девочки перестали

принимать по утрам холодную ванну. Ее заменило теплое купание вечером в ванне, наполненной водой, смешанной с одеколоном. Все четыре девочки употребляли духи фирмы «Коти». Ольга предпочитала «Чайную розу», Татьяна — «Корсиканский жасмин», Анастасия была неизменно предана «Фиалке», Мария, перебрав много запахов и постоянно меняя их, всегда возвращалась к «Лилии».

По мере того как Ольга и Татьяна выросли, их общественные обязанности становились более серьезными. В частной жизни они продолжали обращаться к родителям «папа» и «мама». В общественной — родители были для них «император» и «императрица». Каждая из девушек стала шефом-полковником одного из элитарных полков. Они присутствовали на военных парадах верхом и носили форму, в которой вместо брюк были широкая юбка и сапоги. На их лошадях были женские седла, и они скакали сзади, вслед за царем. В сопровождении отца они посещали театры и концерты. Великим князьям разрешали играть в теннис, ездить верхом, танцевать с избранными молодыми офицерами при условии, что рядом находится заботливый сопровождающий. Когда Ольге исполнилось 20 лет, она получила право распоряжаться частью своего большого личного состояния. Первым ее шагом было использование личных средств в благотворительных целях. Однажды во время прогулки в экипаже Ольга увидела ребенка на костылях. Она узнала, что родители были бедны и не в состоянии обеспечить лечение

ребенка. Никому ничего не говоря, Ольга начала ежемесячно откладывать сумму, необходимую для того, чтобы оплатить счета на лечение.

Николай и Александра хотели, чтобы их старшие дочери впервые появились в свете в 1914 г., когда Ольге должно было исполниться 19 лет, а Татьяне — 17. Однако война спутала все планы. Девушки оказались со всей семьей в заключении в Царском Селе. К 1917 г. дочери Николая II превратились в цветущих молодых девушек. Однако их личным качествам и талантам не суждено было в полной мере раскрыться и расцвести.

«Алексей был центром этой необычно дружной семьи,— пи-

сал Пьер Жильяр.— Сестры обожали его. Он был радостью и гордостью родителей. Когда он хорошо себя чувствовал, весь дворец преображался. Казалось, что все и вся купаются в лучах солнца».

Царевич был красивым мальчиком с голубыми глазами и золотистыми вьющимися волосами, которые с годами стали каштановыми и совсем перестали виться. С самого раннего детства он был радостным, умненьким ребенком, и родители никогда не упускали случая, чтобы похвалиться им. Когда малышу было всего несколько месяцев, царь встретил директора придворной канцелярии Мосолова в коридоре дворца, недалеко от детской. «Мне кажется, что вы еще не видели

моего дорогого царевича,— сказал Николай,— если вы пройдете со мной, я покажу его вам».

«Мы вошли в детскую,— вспоминал Мосолов,— ребенок был в ванночке. Он с удовольствием колотил ножками по воде. Царь взял ребенка из банного полотенца, в которое тот был завернут, и поставил его маленькие ножки на свою ладонь, поддерживая другой рукой. Он был совсем голенький, пухленький, розовый — восхитительный ребенок». «Не думаете ли вы, что он очень красив?» — спросил царь, сияя от счастья.

На следующий день он с гордостью говорил императрице: «Вчера я продемонстрировал царевича Мосолову».

Когда пришла весна, первая после рождения сына, импера-

трица стала брать его с собой на прогулки в карете. Она была счастлива, когда люди вдоль дороги останавливались, кланялись и улыбались, видя крохотного наследника. Когда ему еще не было года, отец взял его на смотр Преображенского полка. Солдаты крикнули мощное «ура» в честь наследника. В ответ Алексей весело рассмеялся.

Почти с самого рождения гемофилия подавила всю жизнь этого радостного ребенка. Первый явный симптом появился в 6 недель от роду, когда произошло кровотечение в области пупка. Когда Алексей начал карабкаться и ползать, свидетельства становились все более убедительными. Падения приводили к большим темно-синим вздутиям на его ногах и руках. Когда царевичу

было три с половиной года, удар по лицу привел к отеку, который закрыл оба его глаза. Императрица Мария Федоровна, находясь в Лондоне, писала в тревоге: «Мне сказали, что бедный Алексей ударился лбом. Его лицо так раздулось, что страшно смотреть на него, — отек закрыл оба его глаза. Бедный мальчик. Это ужасно. Я представляю, как вы испугались. Что будет, если он оступится опять? Я надеюсь, что теперь уже все прошло и он больше не страдает». Только три недели спустя Николай смог ответить: «Слава Богу, и удары, и синяки не оставили следов. Он весел и уже хорошо себя чувствует. Я много работаю с ним в саду».

С чисто медицинской точки зрения гемофилия означала, что кровь царевича не может нормально свертываться. Любой ушиб или синяк, способный повредить крохотный кровеносный сосуд под кожей, мог привести к началу медленного кровотечения в близлежащие мускулы и ткани. Если у здорового человека кровь в поврежденном сосуде быстро свертывается, то у больного гемофилией она продолжает беспрепятственно литься часами, образуя специфический отек, или гематому, достигающую размеров грейпфрута. В конце концов, когда кожа, заполненная кровью, становится натянутой и жесткой, постепенно создается давление на поврежденный сосуд и возникают сгустки свертывающейся крови. Таким образом очень медленно развиваются восстановительные процессы, кожа из розовой и блестящей превращается в зеленовато-желтую. Типично, что порез пальца не пред-

ставлял опасности для царевича, поскольку при небольших повреждениях и разрезах на поверхности тела тут же накладывалась тугая повязка, которая зажимала кровотечение и способствовала исцелению. Исключение составляли кровотечения во рту или в носу, то есть в тех местах, где нельзя было наложить повязку. Однажды, не ощущая никакой боли, царевич оказался на краю гибели из-за кровотечения из носа. Самые ужасные боли и постоянную опасность для жизни таили кровотечения в суставах. Кровь, попадая в область лодыжки, коленного или локтевого сустава, начинала давить на окончания крупных нервов, вызывая поистине кошмарные боли. Иногда причины повреждения сосудов были понятны, в других случаях нет. Были дни, когда Алексей, проснувшись утром, говорил: «Мама, сегодня я не могу встать» или «Мама, я не могу поднять локоть». Вначале, когда конечность подвижна и остается большое пространство внутри суставной сумки для поступающей туда жидкости, боли несильны, но затем, когда сумка наполняется кровью, боли усиливаются. В качестве спасения от них можно было применять морфий. Но из-за пагубной способности организма привыкать к этому разрушительному лекарству его никогда царевичу не давали. Его единственным спасением от нечеловеческих страданий была потеря сознания. Проникнув в сустав, кровь начинает свое разрушительное воздействие на кости, связки, мягкие ткани. Нарушается состав костной ткани, и конечность теряет свою способ-

ность сгибаться и разгибаться, принимая согнутое, неподвижное положение. В этих условиях лучшим терапевтическим лечением были постоянные физические упражнения и массаж. Однако это было сопряжено всегда с риском повторного кровотечения. Поэтому чаще всего применялись многочисленные ортопедические приспособления, тяжелые, сделанные из железа, которые наряду с ваннами из горячей грязи должны были распрямить пораженную конечность. Понятно, что все это означало долгие недели постельного режима.

Сочетание необычайно высокого общественного положения и такой исключительно трагической болезни приводило к тому, что Алексей рос, окруженный такой заботой, которой, возможно, не знал ни один другой ребенок. Пока он был совсем маленьким, няньки окружали его постоянно. Когда ему исполнилось 5 лет, по совету докторов были выбраны два компаньона и телохранителя. Это были два моряка императорского флота, в обязанности которых ныне входило оберегать царевича от травм. Во время болезни Алексея они играли роль нянек. «Деребенко был такой терпеливый и готовый прийти в любую минуту на помощь,— писала А. Вырубова.— Я до сих пор еще слышу жалобный голос Алексея, который просит моряка: «Подними мою руку», «Положи выше мою ногу», «Согрей мои руки». Я вижу терпеливого человека со спокойными глазами, стремящегося в течение многих часов найти удобное положение для конечности измученного болью маленького мальчика».

Гемофилия — коварная болезнь. В течение недель, а иногда и месяцев Алексей чувствовал себя хорошо, как любой здоровый ребенок в его возрасте. По своей природе он был таким же шумным, живым, готовым ко любой шалости и проказе, как Анастасия. Еще нетвердо держась на ногах, совсем маленьким, он любил съезжать по лестнице в холл, вламываться в классную комнату сестер, прерывая их уроки. Его, размахивающего руками, вытаскивали оттуда. В возрасте трех-четырёх лет он часто появлялся за столом, обходил его кругом, здоровался за руку и заводил разговор с каждым из гостей. Однажды он нырнул под стол, стащил с ноги туфельку у одной из фрейлин и гордо принес ее как трофеем отцу. Николай со строгим видом приказал ему отнести ее назад, и царевич опять исчез под столом. Вдруг дама, у которой он снял туфельку, вскрикнула. Это он, Алексей, перед тем как надеть туфельку на ногу, затолкнул в нее ягоду малины огромных размеров. После этого случая ему не разрешали появляться за обеденным столом в течение нескольких недель.

Он необыкновенно любил жизнь. «Когда болезнь отпускала его, он был жизнерадостным, полным энергии мальчиком,— писал Жильяр.— Он был прост в своих вкусах и наклонностях, и у него не было ни тени пустого тщеславия по поводу того, что он является наследником русского престола. Он совсем не думал об этом». Как у каждого маленького мальчика, его карманы были полны гвоздями, железками, гайками. В кругу семьи он слушался

своих старших сестер и донашивал их ночные рубашки, когда те вырастали из них. В то же время Алексей понимал, что вне семьи, в общественной жизни, он значил больше, чем его сестры. На церемониях это он сидел или стоял рядом с отцом. Только его приветствовали криками «наследник». Вокруг него образовывались толпы людей, и каждый старался до него дотронуться. Однажды делегация крестьян принесла ему подарок, крестьяне упали перед ним на колени; когда Жильяр спросил царевича, почему он разрешил им это сделать, Алексей ответил: «Я не знаю, Деревенко сказал, что так должно быть». Однажды ему сказали, что офицеры полка, шефом которого он был, приехали для встречи с ним. В это время он шалил с сестрами. Он тут же прекратил свои игры. «Теперь, девочки, вам придется удалиться», — сказал этот шестилетний мальчик. — Я занят. Ко мне пришли по делу». Знаки особого внимания, оказываемые такому маленькому мальчику, иногда приводили к плохим последствиям. Временами он мог быть грубым. Однажды, когда ему было шесть лет, он вошел в приемную перед кабинетом отца, где в это время в ожидании встречи с Николаем II находился министр иностранных дел Александр Извольский. Извольский сидел. Алексей подошел к министру и резко сказал: «Когда наследник русского трона входит в комнату, все должно встать». Но все-таки в большинстве случаев он был добрым и милым. Когда мать из фрейлин императрицы приласкала его, царевич, точно имитируя жест отца, протянул

ей руку и, улыбаясь, сказал: «С вашей стороны это очень мило». В девять лет он подарил сыну доктора Боткина, Глебу, который хорошо рисовал, коллекцию своих любимых колокольчиков. Вместе с подарком он отправил записку: «Украшай свои рисунки изображением колокольчика внизу. Алексей». Однако потом, перед тем как отослать подарок Глебу через доктора Боткина, Алексей внезапно вычеркнул свою подпись. «Если я пошлю записку со своей подписью, это может быть понято как приказание, которое Глеб вынужден будет исполнить», — объяснил царевич. — Но я считаю свое обращение только просьбой, которую Глеб может не выполнять, если она ему не нравится».

Когда Алексей начал подрастать, родители осторожно объяснили ему, что он должен избегать ударов и столкновений с кем-либо. Однако, как и всякий ребенок, Алексей, полный жизненных сил, тянулся именно к тем занятиям, которые представляли для него наибольшую опасность. «Я хотел бы иметь свой собственный велосипед», — просил он у матери. «Но, Алексей, ты же знаешь, что ты не можешь...» — «Пожалуйста, разреши мне играть в теннис». — «Любимый, ты же знаешь, что тебе нельзя». И, наконец, с отчаянием в голосе и со слезами на глазах Алексей восклицал: «Почему другие мальчики все могут, а я — ничего?» И вот наступали дни, когда царевич переступал все запреты и начинал делать все, что ему хотелось. Это преднамеренно рискованное поведение, достаточно распространенное среди больных ге-

мофилией, имеющее свое название («реакция дьявольского своеволия»), состоит из многих компонентов: бунт против постоянной сверхопеки, подсознательное желание доказать свою неуязвимость со стороны внешнего мира и — самое главное — простое желание быть и вести себя как нормальные дети. Однажды, в семь лет, он появился на парадном плацу на тайно одолженном им велосипеде во время смотра дворцовой гвардии. Изумленный царь тотчас остановил смотр и приказал окружить и остановить несчастный велосипед и его счастливого седока. В другой раз, на детском празднике, когда показывали фильм, Алексей неожиданно вскочил с остальными детьми на крышку стола и начал прыгать с одного стола на другой. Когда матрос Деревенко и другие взрослые попытались успокоить его, он весело закричал: «Все взрослые должны уйти» — и начал вытаскивать их за дверь.

Родители осыпали Алексея дорогими подарками, надеясь, что это заставит его забыть о недозволенных для него играх. Его комната была наполнена замечательными игрушками: «большая железная дорога с препятствиями, станциями, строениями, семафорами, с машинами под парами и изумительным аппаратом сигнализации; далее целый батальон солдатиков, макеты городов с соборами и церковными башнями, двигающиеся модели морских судов, превосходно оборудованные фабрики с кукольными рабочими, горнодобывающие шахты с точным воспроизведением реальных условий — с горняками, поднимающимися вверх и спускающи-

мися под землю. Все игрушки управлялись механически и стоило маленькому принцу нажать на кнопку, как рабочие оживали, корабли начинали покачиваться в специальном бассейне, церковные колокола — звонить, солдаты — маршировать».

Алексей, так же как его отец, был увлечен армейской пышностью и блеском. От рождения ему присвоили изобретенный для него титул гетмана всего казачества. Среди его игрушек были не только кукольные солдаты, крепости, пушки. У него была личная форма казака с меховой шапкой, сапогами и кинжалом. Летом он носил форму моряка русского императорского флота. Когда Алексей был маленьким мальчиком, он сказал, что больше всего на свете хочет быть «царем из древних времен, на белом коне, во главе войска, идущего в битву». Когда болезнь заставила его проводить все больше и больше времени в постели, он понял, что никогда не станет таким царем.

У Алексея был прекрасный музыкальный слух. Однако он не играл, как сестры, на фортепиано. Он предпочитал балалайку и выучился играть на ней очень хорошо. Его обожание природы привело к тому, что у него были свои звери-питомцы. Особенно он любил спаниеля Джол с шелковистой шерстью и длинными ушами, волочащимися по земле. Кроме того, царь выкупил в цирке престарелого ослика по кличке Ванька, у которого был целый репертуар трюков. Когда Алексей приходил в конюшню, Ванька начинал искать сахар в карманах своего хозяина. Если он находил сахар, то вытаскивал его с помо-

щью своего носа. Зимой Ваньку запрягали в сани, и он возил Алексея по парку.

Однажды Алексею сделали особенно редкий подарок — ручного соболя. Его поймал и вместе со своей женой приручил старый охотник, живший в отдаленных районах Сибири. Затем эти люди привезли его в подарок царю. Муж и жена приехали в Петербург, истратив все до последней копейки на долгое путешествие. После того как дворцовые власти связались телеграммой с родной деревней путешественников и установили, что эти люди не имели ничего общего с революционерами, об их прибытии поставили в известность императрицу. Через час пришло сообщение с инструкцией о том, чтобы охотник и жена вместе с соболем были представлены «так быстро, как это возможно». В сообщении дворцовым властям старый охотник сам описывает встречу с царской семьей: «Вошел царь-батюшка. Мы бросились на колени. Соболю замер и смотрел так, как будто бы понимал, что перед ним сам царь. Мы пошли в комнату детей. Царь попросил выпустить соболя, и дети начали играть с ним. Царь посадил нас на стулья. Он начал расспрашивать меня, как мне пришла в голову мысль приехать к нему... Как жизнь в Сибири... Как мы охотимся... Между тем соболю бегал по комнате, а за ним — дети. Все падало на их пути. Царь-батюшка спросил меня, что нужно делать для того, чтобы соболю хорошо существовать в неволе. Когда я объяснил, он сказал, чтобы отправил его в Гатчину к охотникам, но я сказал: «Батюшка-

царь, не надо этого делать — охотники захотят продать шкурку моего соболя. Они убьют его и скажут, что произошел несчастный случай». Царь ответил: «Я могу найти охотника, которому я верю. Но, может быть, ты прав. Возьми соболя назад с собой в Сибирь. Ухаживай за ним. Это мое повеление... Но помни, что ты должен хорошо смотреть за ним: ведь это мой соболю теперь. Господь с тобой!» Старый охотник получил в подарок часы с императорским двуглавым орлом, его жена — брошь. Их щедро отблагодарили за соболя и дали денег на дорогу. Но дети были безутешны. «Если папа решил, — говорили они, — ничего нельзя сделать».

Любимые животные, игрушки — все это были попытки заменить то, что Алексею действительно было очень нужно, — сверстников, мальчиков-друзей. Из-за гемофилии императрица не хотела, чтобы Алексей часто встречался со своими маленькими двоюродными братьями Романовыми, которые иногда появлялись во дворце с родителями. Она считала их в своем большинстве грубыми и дерзкими, боялась, что они могут ударить и повалить Алексея во время своих грубых игр. Самыми постоянными друзьями Алексея были два маленьких сына Деревенко-морья, которые играли с ним, в то время как отец Деревенко не спускал с царевича глаз. Если их игры становились, с его точки зрения, опасными, он начинал ворчать, и все три мальчика моментально повиновались ему. Потом, несколько лет спустя, тщательно отобранные, проинструктированные о возможной опасности ма-

ленькие кадеты приезжали во дворец, чтобы поиграть с царевичем.

Чаще всего царевич играл с сестрами или один. «К счастью,— писал Жильяр,— его сестры любили играть с ним. Они вносили в его жизнь элементы молодого веселья. Без них жизнь Алексея была бы лишена этого совершенно». Иногда он просто лежал на спине и смотрел в синеву неба. Когда ему было десять лет, его старшая сестра, Ольга, спросила, что он делает так тихо? «Я люблю думать. И удивляюсь»,— сказал Алексей. «Чему же?» — настаивала Ольга. «Меня удивляет многое»,— ответил он.— Я так люблю солнце, я наслаждаюсь им и красотой лета и буду это делать до тех пор, пока буду жить,— сказал он.— Но кто знает, может, однажды в такой же прекрасный день я буду лишен этой возможности».

Как никто другой, не считая членов семьи, Пьер Жильяр понимал природу гемофилии и то, что она означала для царевича и его семьи. Это понимание складывалось постепенно. Жильяр приехал в Россию из Швейцарии в 1904 г. в возрасте двадцати пяти лет. Начиная с 1906 г. он обучал сестер Алексея французскому языку. В течение 6 лет он приходил во дворец почти каждый день давать уроки девочкам, практически ничего не зная о царевиче. Он видел его, когда тот был совсем маленьким, на руках матери; потом — почти его тень, когда он бежал вдали по коридору; еще раз — в парке, в снегу, во время катания в санях. И ничего больше. Жильяру совершенно ничего не было известно о болезни наследника.

«Временами его посещения классной комнаты девочек внезапно прекращались, и он надолго исчезал,— писал Жильяр.— Каждый раз, когда это случалось, все во дворце становилось подавленными. Настроение моих учениц становилось печальным. Они пытались это скрыть. Но тщетно. Когда я спрашивал их, в чем дело, они уклончиво отвечали: «Алексей Николаевич не совсем здоров». Я знал, что он чем-то болен... Но чем? Об этом никто никогда со мной не говорил».

В 1912 г. по просьбе императрицы Жильяр начал давать Алексею уроки французского языка. Преподаватель увидел мальчика восьми с половиной лет, высокого для своего возраста. «Удлиненное лицо с прекрасным овалом, тонкие черты лица, каштановые волосы с медным отливом и огромные серо-голубые глаза матери...

У него был глубокий, острый склад ума, способность все быстро схватывать. Он удивлял меня вопросами, которые по своей серьезности превосходили его возраст и носили отпечаток тонкой высокоорганизованной духовности. Тот, кто не должен был, как я, обучать его основам какой-либо дисциплины, мог легко попасть под обаяние этого ребенка. Под внешним обликом капризного маленького существа, каким он вначале мне показался, я нашел ребенка с органически присущим ему любящим благодарным сердцем, очень чутко отзывавшимся на боль других людей именно потому, что так много страдал сам».

Продолжение следует

ПРОБА ПЕРА

Саша АЛЕКСЕЕВ, 16 лет
г. Химки Московской области

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ АНЖЕЛИКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Когда Анжелика пришла из Лицея, дома никого не было и можно было спокойно заниматься своими делами. Несмотря на то что автомат-повар приготовил обед, Анжела не стала садиться за стол, а сразу прошла в свою комнату, где на изящной подставке стоял ее личный домашний суперкомпьютер.

В комнате Анжелика вначале подошла к большому, во весь рост зеркалу, которое было предметом ее тайной гордости. Оно было настолько широким, что позволяло Анжеле видеть всю себя целиком даже с разведенными в стороны руками. Перед зеркалом стоял маленький столик, в многочисленных ящиках которого были флакончики, коробочки, тюбики, кисточки, пакетики, словом, самые различные предметы косметики, без которых Анжелика буквально дня прожить не могла.

Девушка поправила прическу, полюбовалась собою, а потом стала неторопливо раздеваться, глядясь в зеркало. Когда эта процедура была закончена, Анжела еще некоторое время покрутилась, любуясь своим красивым молодым телом, а потом отправилась в ванную. Приняв душ и заглянув на кухню, она вернулась в комнату в своем коротком домашнем халатике и уселась в мягкое, глубокое кресло перед клавиатурой компьютера, поставив рядом поднос с кофе и сэндвичами.

Анжелика включила компьютер и связалась с городским инфобанком с целью узнать свой лицейский рейтинг. Затем откусила немного от сэндвича, запила кофе и стала читать появившийся на экране текст: «Справка городского инфобанка. Данные о рейтинге

популярности среди девушек Лицея. Информация для Анжелики Монс. По данным лицейского опроса этого месяца, вы находитесь сейчас на первом месте, 2126 очков. На втором месте — Натали Крод, 2034 очка».

Анжела задумалась: «Да, эта новенькая, Натали, опасная девчонка. Сейчас она еще не вступила во власть, но уже достигла пика популярности, если так пойдет дальше, она отобьет многих моих почитателей. Но ничего, зато все остальные мне не чета, а этой я в следующем месяце устрою такое, что на нее даже смотреть никто не будет. А сейчас стоит, пожалуй, посмотреть досье».

Анжелика нажала еще несколько кнопок на клавиатуре.

На экране возникло лицо парня, лицеиста, и послышался мягкий голос суперкомпьютера:

— Это Ален Гринней, ваш ровесник, из группы Б. Лицейские оценки по стобальной шкале: интеллектуальные — 50 баллов, физические — 66 баллов, нравственные — 72 балла, эмоциональные — 64 балла. Оценки общей успеваемости по двенадцатибалльной шкале — восемь баллов. Увлечения...

Ален Гринней... Анжелика помнила его. Так, ничего особенного. Парень как парень. У него непримечательная внешность, такие лица часто встречаются. И сам он весь такой же непримечательный. Серенький. Разговаривать с ним нет никакого интереса. Никогда этот Гринней не удивит редкой захватывающей историей, не может даже приврать поинтереснее. Когда они встречались, он начинал нести какую-то околесицу про интересные книги, про новые открытия археологов на Марсе, всего не упомнить. Правда, Мери Оуэн рассказывала, что если его разговорить, вытянуть на откровенность, он начинает так увлеченно разглагольствовать, что от него не отойдешь. Но с какой стати Анжелика должна кого-то вытягивать на разговор. Пусть другие ищут тему, интересную для нее. А между тем этот Гринней уже замучил Анжелу записками: он, видите ли, хочет с ней встречаться, предлагал какие-то билеты, например на подводную экскурсию по Атлантиде. Но эту Атлантиду уже показывали по видео, так что незачем себя беспокоить. Нет, Анжеле такие не нужны, необходимо рассориться с ним, чтобы перестал приставать.

Анжелика приказала компьютеру:

— Дальше!

Следующий был Глен Кейтон. Верзила со здоровенными мускулами, но, если честно говорить, ума в нем маловато. Анжелика была прочь немного прогуляться с ним под вечер по улицам городка. Было забавно смотреть, как Глен кичится тем, что у него такая красивая девушка. И не дай Бог ему кто-нибудь не понравится в этот момент. Однажды он избил прямо на улице двоих парней только за то, что они, проходя мимо, обменялись каким-то остро-

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

умным замечанием; Глен их бил, а Анжелика стояла рядом и смеялась. Она знала, что достаточно ей о чем-либо Кейтона попросить или приказать, что одно и то же, и он побежит выполнять это во что бы то ни стало. Конечно, интеллект у этого парня невысокий, но рядом с ним она чувствует себя спокойно. Отлично подходит на роль телохранителя, поэтому можно его оставить в своей свите.

Анжелика взглянула в лицо очередного парня. Это был Брайан Шитке. Тоже полезный человек. В Лицее ведь завершается период общего изучения наук, это врата в большую жизнь, и нагружают

лицеистов так, что у них ни на что больше не остается времени. А Анжела человек занятой, она не любит штурмовать вершины науки, она предпочитает другим путем получать удовольствия от жизни, которая, к счастью, так полна весельем. Стереовидео, новые танцы, пляжи, аэробары — всего, что есть интересного вокруг, и не обхватить, и поэтому нужно спешить. А для того чтобы держаться на уровне в Лицее, существуют такие вот Брайаны Шитке. Он, слава Богу, с лицейскими науками в ладах, профессора на него не налюбуются, да и свободное время он отдает учебе, может, постигает законы звездного неба, может, еще что, Анжелика не знает. Но всеми его знаниями она смело пользуется. Если при опросе Анжелы что-то не знает, то стоит только попросить, и Брайан сам вызывается на кафедру, чтобы перехватить коварный вопрос. Да и при письменных проверках он спокойно позволяет ей сдуть со своего дисплея все что угодно. Еще бы, ведь Брайан при взгляде на нее просто тает. Стоит только Анжелике при встрече сладко улыбнуться, как она это умеет, и ласково сказать: «Приветик, Брайан», как он уже выбросил белый флаг, и единственное, что может промямлить в ответ, это: «Здравствуй».

«В общем полный дурак», — подумала Анжела и нажала кнопку. На экране появилось следующее лицо — Оливер Тренти. Этот тоже пригодится. Он ничем не выделяется, но родители у него вращаются в высших артистических сферах — они знакомы с певцами, режиссерами, актерами. А такие связи нужны Анжелике, ведь она не дура, она не собирается после окончания Лицея быть секретаршей какого-нибудь босса или, к примеру, гувернанткой... Анжелике вообще не нужна работа, где нужно особо напрягаться. А вот стать, например, певицей... Ведь что сейчас нужно для этого? Чтобы и сзади, и спереди все было на месте, ноги красивые, фигурка, смазливое личико — вот и все. Да еще, пожалуй, красивые ровные зубы. Все это при ней. А чтобы не петь по ночам в кабаре, а выйти на большую сцену, стать суперзвездой, нужны хорошие знакомые, которые вывели бы ее в люди... «На сцене Анжела!» Звучит! Анжелика представила себе огромные залы, аплодисменты, толпы поклонников, цветы. Вот для этого и нужен Тренти. Анжела уже намекала Оливеру, чтобы он познакомил ее со своими родителями и их друзьями, и, похоже, все пойдет успешно. Надо только быть более ласковой с Тренти, дать ему понять, что если он исполнит ее просьбу, то может надеяться на кое-что большее в их отношениях.

Следующий — Френсис Лавинсон. Вот с кем можно интересно провести время. Он наболтает такого, чего не прочитаешь ни в каких книжках. Анжелика вспомнила один вечер, когда Френсис привел ее в какое-то кафе, они сидели рядом, и Лавинсон рассказывал увлекательные истории, веселые и страшные, одну за другой. Анжела, слушая его, покатывалась со смеху. Он, конечно, в основном врал, но сколько надо иметь фантазии! Большинство этих

рассказней, может быть, таким, как Брайан Питке, покажется глупыми и ничуть не смешными, но Анжелика всегда весела с Лавинсоном, а что его болтовня это вранье — наплевать. Единственный недостаток у Френсиса это то, что он дает волю рукам. Рассказывает что-нибудь, а сам то и дело норовит облапать Анжелу. Но кто же из парней может обойтись без этого. С кем Анжелика встречалась, почти все так делали.

Когда Анжелика увидела лицо следующего парня, она поморщилась. Мартин Гуллин. Наверное, единственный человек из знакомых ребят, которому Анжела абсолютно безразлична. Собственно, ей тоже ничего не нужно от Гуллина, но как можно допустить, чтобы в королевстве Анжелы существовал человек, не подчиненный ее власти. Как-то Анжелика решила прощупать его, заговаривала с Мартином, применяла разные уловки, но он совершенно не обращал на нее внимания, не пытался пригласить на свидание, как другие, из него приходилось вытягивать каждое слово. Анжелика тогда плюнула на Гуллина, но в душе решила, что когда у нее будет достаточно времени, она употребит все свои средства и заставит Мартина влюбиться в себя. А уж после этого Анжела жестоко отомстит Гуллину. Он будет гореть, мучиться, страдать, а Анжелика будет холодна как лед, совсем перестанет обращать на Мартина внимание, даже не поглядит в его сторону. Вот тогда-то он пожалеет о своей бывшей неприступности!

А вот и Рудольф Конли. Анжелика бросила быстрый взгляд на стереосистему фирмы «Эс-джи-эс», расположившуюся в углу комнаты. Всем известно, что серийные образцы фирма, пользуясь правом монополиста, распространяет по цене, намного превышающей себестоимость. Рудольф же через своего приятеля достал для Анжелики эту аппаратуру почти по дешевке. Этим-то он и полезен. Через него Анжелика может получить все, что душе угодно. Когда археологи обнаружили на Марсе глубокую пещеру, в которой росли необыкновенные по форме, яркие цветы, то один из первых экземпляров неизвестным путем попал в качестве подарка от Конли в комнату Анжелы. Здесь хранятся и другие редкости, преподнесенные Рудольфом. Наивный, он думает, что таким путем можно завоевать сердце Анжелики. Она даже устала от Конли, ведь он постоянно бегаёт за ней, каждый день назначает свидания. Ну что ж, тех, кто щедр, следует поддерживать, и сейчас Анжеле пора собираться на встречу с Рудольфом...

...Из доклада начальнику криминальной полиции города N Вальтеру Эринбергу:

«За прошедший год в нашем городе зарегистрировано 16 умышленных убийств, из них раскрыты 14. Зафиксировано 23 случая самоубийства, причем в шести случаях в найденных предсмертных записках упоминалось имя некой Анжелики Монс...»

ИЩУ ДРУГА

Писем, пришедших в адрес рубрики «Ищу друга», очень много.

И это даже мягко сказано:

их количество превзошло все ожидания.

Если сложить их одно на другое —

получится стопка высотой более двух метров.

И стало совершенно очевидно,

что опубликовать все письма «Мы» будет не в состоянии.

Впрочем, одно из писем, пришедших в редакцию,

заставило усомниться в большой радости тех ребят,

чьи адреса уже появились на страницах журнала.

Так вот, одна девочка, чей адрес напечатан, написала нам,

что за очень короткое время она получила более тысячи писем

и что на все ответить просто не в силах...

Но — тем не менее — попробуем вместе

с вами разобраться в нашей почте.

Как и раньше, много писем от музыкальных фанатов, поклонников той или иной группы (или певца), жаждущих общения со своими единомышленниками. Вот их адреса.

Поклонники Виктора Цоя и группы «Кино»:

172041, Тверская обл., Торжокский р-н, п/о Мошки, д. Мошки, д. 124, кв. 5. Наливайко Наташа (14 лет).

397140, г. Борисоглебск Воронежской обл., ул. 40 лет Октября, 26, кв. 1. Андреева Оля (13 лет).

252035, Киев-35, ул. Урицкого, 32, кв. 85. Лидия (15 лет).

346360, г. Зверев-1 Ростовской обл., ул. Обухова, 11, кв. 49. Алещенко Лена (14 лет).

423812, г. Набережные Челны, новый город, д. 11/06, кв. 45. Гуля (13 лет).

Поклонницы Алексея Глызина:

396321, Воронежская обл., Новоусманский р-н, с. Рогачевка, ул. Советская, 155, кв. 1. Бутакова Снежана (14 лет).

722157, г. Кант-7 Киргизской ССР, ул. Строительная, 7, кв. 31. Кравцова Таня (13 лет).

Поклонники поп-музыки!

Вас приглашают стать членами Неформального объединения поклонников популярной музыки. Его члены готовы помочь вам в поиске друзей по переписке.

454092, г. Челябинск, ул. Крупской, 44, кв. 137. НОПП.

Поклонники группы «Ласковый май» и ее солиста Юрия Шатунова:

465320, г. Миасс Челябинской обл., ул. Молодежная, 32—37. Фан-клуб группы «Ласковый май».

626200, г. Ханты-Мансийск Тюменской обл., ул. Пролетарская, 14—6. Света и Наташа.

702400, г. Алмалык Ташкентской обл., ул. Фурката, 2«б» — 15. Цой Света (12 лет).

480035, г. Алма-Ата, 10 мкр., д. 5, кв. 93. Гудкова Олеся (14 лет).

667010, г. Кызыл Тувинской АССР, ул. Московская, 104, кв. 77. Тарасова Наташа (15 лет).

394019, г. Воронеж, ул. Красных зорь, 36, кв. 61. Бородинова Наташа (15 лет).

Поклонницы Майкла Джексона:

433510, г. Дмитровград-7 Ульяновской обл., пр. Ленина, 14«в», кв. 9. Тарасова Лена (16 лет).

252211, г. Киев, ул. Приозерная, 4«а», кв. 47. Тарасенко Вика (13 лет).

И еще адреса из этой же категории:

440035, г. Пенза, ул. Пацаева, 5, кв. 22. Союз поклонников творчества Сергея Кузнецова (и группы «Мама»).

347730, Ростовская обл., Зерноградский р-н, ст. Мечетинская, ул. Пушкина, 84. Серова Алена (мечтает создать клуб поклонников певца Александра Серова).

423837, г. Набережные Челны, пр. Мира, 39, кв. 67. Прохорова Наташа (17 лет, просит откликнуться тех, кому нравится творчество Ирины Аллегровой).

252001, г. Киев-1, К. Маркса, 15—12. Аня (15 лет, поклонница группы «Депеш Мод»).

301220, Тульская обл., Щекинский р-н, п. Лазарево. Царева Нина (19 лет, ждет писем от поклонников «Модерн Токинг», «Блю систем» и Томаса Андерса).

270069, г. Одесса-69, ул. Академика Заболотного, 41, кв. 187. Лисенкова Аня (15 лет, поклонница Сандры).

От музыки перейдем к другому, не менее популярному искусству — кино.

Поклонники фильмов с участием Брюса Ли, пишите:

404020, г. Дубовка Волгоградской обл., пер. Вишневый, 9. Соловьева Наташа (13 лет).

413825, Саратовская обл., Балаковский р-н, с/з «Зоркинский», п. Заречный. Архипова Оксана (13 лет).

ИЩУ ДРУГА

И, наконец, вечноживое племя поклонниц индийского кино:
654059, г. Новокузнецк Кемеровской обл., ул. Тореза, 111 «а», кв. 39. Ирина Д. (16 лет).

229700, Латвийская ССР, г. Лиепая, ул. Роню, 3, кв. 53. Здесь живет 14-летняя девочка, скрывшаяся под псевдонимом «Мандаккни».

423270, Татарстан, г. Лениногорск, ул. Садриева, 38—7. Любасенко Люда (13 лет).

278120, ССР Молдова, г. Каушаны, ул. Ленина, 52/1. Гросул Люда (12 лет).

«Переписка научила меня еще сильнее любить свою Родину, ценить дружбу, радоваться жизни. С тех пор я считаю переписку лучшим занятием», — пишет нам 13-летняя Инга.

334911, Крымская обл., Краснопереконский р-н, с. Ильинка. Пиндус Инга.

Ждет писем талантливая 14-летняя девочка из Прибалтики. Она пишет рассказы и стихи. Но она больна — не ходит... Мы надеемся, что благодаря нашему журналу у нее появятся друзья по всей стране!

238520, г. Балтийск Калининградской обл., ул. Гоголя, 7, кв. 1. Горбач Вера.

...Ты лучше выпиши журнал,
Который б твоим другом стал.
И жизнь бы стала не скучна.
Ведь сводят всякого с ума
Страницы «Мы» журнала! —

написала нам 14-летняя девочка, любительница стихов и животных.

344058, г. Ростов-на-Дону, ул. 2-я Краснодарская, 127, кв. 107. Бурлина Виктория.

Что ж, пора и нам, видимо, открыть свой «живой уголок». Начнем с кошек. Вот два адреса:

277068, г. Кишинев, ул. Федько, 1/2, кв. 28. Катя П. (14 лет).

390008, г. Рязань, ул. Островского, 3, кв. 14. Здобнова Ира (13 лет, о своей воспитаннице она написала: «У меня тоже живет кошка — премерзкая такая драчунья»).

Таня любит собак — а балдеет от «Депеш Мод» и Цоя.

349340, г. Краснодон Луганской обл., ул. Шевцовой, 11. Ларикова Таня (15 лет).

У 14-летней Иры пристрастий больше: кошки, собаки, попугаи, хомяки... А мечта — породистая собака.

343814, Донецкая обл., г. Дебальцево, п. Светлодарское, д. 54, кв. 75. Ира Ш.

У 14-летней Маши был верный друг — собака Герда. Теперь ее нет. И Маша остро поняла, что такое — одиночество. «Если ты чувствуешь себя одиноким, покинутым всеми, тебе некому излить свою боль — напиши мне! Я очень хочу помочь тебе».

400137, г. Волгоград, бульвар 30 лет Победы, 60, кв. 276. Роточкова Маша.

15-летняя Мишель (это псевдоним) увлекается английским и американским роком 50-х годов, импровизирует на пианино, любит собак и лошадей. Одно условие: она просит не писать ей тех, кому нечего делать.

426054, г. Ижевск, ул. Школьная, 60, кв. 2. Туранова М.

11-летний Максим — серьезный парень. Он собирает марки, катается на скейте, занимается спортом. Но главное его увлечение — судомоделирование. Есть еще ребята с такими увлечениями?

400119, г. Волгоград, ул. К. Маркса, 5, кв. 20. Дубовой Максим.

14-летний юноша, написавший хорошее, серьезное письмо в «Мы» (спасибо тебе за доверие, Андрей!), просит откликнуться добрую, красивую девушку, его ровесницу. Он занимается каратэ и атлетической гимнастикой, так что постоять за себя сможет...

198261, г. Ленинград, пр. Маршала Жукова, 64/1, кв. 159. Андрей.

Его тезка из Белоруссии постарше — он уже думает о том, как будет служить в армии. А пока ждет писем от веселых и симпатичных девушек и ребят-рокеров.

220096, г. Минск, ул. Голодеда, 15, кв. 146. Дрожжа Андрей.

15-летняя Оксана просит писать ей мальчиков, ее ровесников, которые носят имя Дима. «Это мое любимое мужское имя!» — пишет она.

334340, Крым, г. Саки, Михайловка, ул. Советская, 21. Куликова Оксана.

Рубрику ведет
Нина ТИХОНОВА

НОВЫЙ АЛЬБОМ «АГАТЫ КРИСТИ»

Свердловская рок-группа «Агата Кристи» вышла в звезды вскоре после раскола «Наутилуса Помпилиуса». Специально не планируя такой последовательности восхождения, «Агата» стала подтверждением, что свято место музыкального кумира пусто не бывает.

Мне уже доводилось высказывать свое суждение о том, что взлет свердловского рока предопределен провинциальной незащищенностью уральцев. Они живут вдалеке от столичных споров о соотношении рока и эстрады, в котором московско-ленинградские тусовки порой держатся чопорного сектантства, вовсе отрицая развлекательность рока (да и собственно принадлежность его к искусству тоже). Свердловчане раскрепощеннее начали применять в своих композициях элементы попса, что немало украсило музыку и «Нау», и «Агаты».

Свой адрес попросили опубликовать трое ребят из детской воспитательно-трудовой колонии. Алеше Липову (3 отряд) 19 лет, он увлекается спортом, любит песни Розенбаума и Высоцкого. Ильнур Аухадыев (18 лет, 2 отряд) написал, что любит читать журналы, играть в шахматы и вообще красиво жить. А Алексей Третьяков (17 лет, 1 отряд) любит путешествовать. А писать им так: г. Димитровград Ульяновской обл., ДВТК-6. Указать номер отряда.

Ваших писем ждут:

461447, Оренбургская обл., Сакмарский р-н, п. Дмитриевка, д. 12, кв. 40. Хлынина Юлия (13 лет).

423200, Татария, г. Бугульма, п/о 4694-048, до востребования. Федоров Андрей (увлекается пантомимой и фотографией).

420033, г. Казань, пр. Ямашева, 96, кв. 73. Маслова Наташа (16 лет).

241021, г. Брянск, ул. Пушкина, 13, кв. 11. Оля К. (13 лет).

И еще один адрес — пусть читатели рубрики обратят на него самое серьезное внимание. Клуб «Голубь мира» ждет писем от всех, кто хочет переписываться. В своих письмах укажите имя, фамилию, адрес, увлечения, день рождения, школу и класс, где учитесь. «Мы всех вас передружим!» — общаются ребята.

352203, г. Армавир Краснодарского края, п-к Прикубанской, школа № 8. КИД «Голубь мира».

Прежде чем представить премьеру «Агаты Кристи», напомним историю создания и развития группы.

Путь «Агаты» начался в 1978 году в одной из средних школ города Асбеста, совсем уж глубокой провинции, промышленном поселении в Свердловской области. Там вместе учились и создали ансамбль Вадим Самойлов (гитарист) и Александр Козлов (клавишник).

Впрочем, группа тогда еще не носила нынешнего названия. В 1985 году Самойлов вновь собрал команду в Уральском политехническом институте, где учился на радиотехническом факультете. Группа именовалась «РТФ» — аббревиатура названия факультета. В нее снова вошел Козлов, учившийся тогда в мединституте. И все активнее стал подключаться, да так и закрепился в составе младший брат

Самойлова — Глеб (бас-гитарист).

Все участники «Агаты» окончили в свое время музыкальную школу. Весной 1989 года сменился барабанщик: вместо начинавшего в «РТФ» Петра Мая пришел Альберт Потапкин, до этого игравший в «Нау», а после служивший в армии. Образовательный уровень группы не пострадал, барабанщики в «Агате» по традиции имеют диплом Свердловского музыкального училища имени П. И. Чайковского. (Тогда же ненадолго в составе мелькнул второй клавишник Лев Шутылев).

Примерно в это же время группа переходит из самодельного статуса в разряд относительно самостоятельных свободных художников. Дает 8—10 концертов в месяц. Любит (как ни странно) бывать за границей. В 1989 году выступила на фестивале в Глазго (Англия). Весной следующего года — в Болгарии.

Летом... Впрочем, вот строки из письма «Агаты» того периода ко мне: «В июне мы участвовали в очень крутом фестивале в Ксантене (ФРГ). «Фирмачи» отметили необычную для Запада симфоничность нашего звучания, мелодичность, энергетику. «Gimes» заметила, что наш стиль напоминает «hot bed» — «горячую постель». Затем мы проследовали во Францию, в город Бён (что рядом с Лионом), где участвовали в фестивале-конкурсе. Этот конкурс длится полгода. Каждую неделю в клубе на 300 — 400 мест выступают 2 группы, молодые, начинающие из всей Западной Европы. Восток представляли только мы. Оценивает жюри. Пока мы на первом месте (конкурсу длится еще 1,5 месяца). Если победим, нас ожидает большое призовое турне по Западной Европе».

В недавнем письме «Агаты» подтвердилось — группа получила официальное приглашение на финал конкурса во Франции. Вообще музыканты «Агаты» говорят, что получают предложения на заключение контрактов с иностранными импресарио. Подробности об этом, вероятно, в будущих письмах. С собой для более достоверных впечатлений, как это делают зарубежные артисты, отечественные музыканты журналистов не зовут. Сувениров не привозят. А потому снова экскурс в историю.

Ребята рассказывали: «Мы начинали тогда, когда дискотеки стали вытеснять «живую» музыку с танцплощадок, но в результате она же и выиграла. Если под музыку не танцуют, нужно, чтобы ее слушали. А слушать — значит думать. Слушая Ричи Блэкмора,

Дэвида Гилмора, Маккартни, Фрэди Меркури, мы учились мыслить категориями, которые не преподают в музыкальных школах. Мы узнали, что, кроме правильной красивой мелодии и академического вокала, существуют мощные выразительные средства: интонация, дыхание, саунд, динамика, индивидуальность исполнителя. Благодаря лидерам отечественного рока того времени, а ныне ветеранам — «Аквариуму», «Машине времени», «Воскресенью» — мы прониклись убеждением, что рок нечто большее, чем музыка, это — мировоззрение.

С 1984 года «Агата Кристи» выпускает по одному альбому ежегодно. Программы 1984-го и 1986 года носили промежуточно-экспериментальный характер, в них просматривается процесс «притирки» артистов друг к другу.

Определенный интерес представляет альбом 1985 года «Если». В нем можно найти по крайней мере три стиля, «вытащенных» из европейского рока. Это композиции в духе традиционного харда, несколько помпезный арт-рок и миниатюры во вкусе «новой волны». Достижением можно считать то, что такое разнообразие не воспринимается излишне эклектично. Ребята старались придать общему строю музыкального языка конкретность и выдержать единый принцип в гармонии и аранжировке — выполнить все достаточно академично, на основе опыта классической музыки. Хотя почти для каждой тогдашней композиции можно подобрать аналог из зарубежного рока.

Стиль альбома 1987 года

«Свет» ребята назвали «хард». Здесь они задались целью слить в сплав хард и арт-рок на основе лаконичности языка «новой волны».

Однако своим полноправным дебютом сочли следующий альбом — «Второй фронт». Только тогда мы осознали, — признавались артисты «Агаты», — что рок-музыка европейского образца хоть и хороша сама по себе, но не обладает особенностями, характерными для отечественного рока».

«В чем сегодня проявляется причастность «Агаты Кристи» к свердловской школе рока? — продолжали рассуждать артисты. — В нашей музыке есть некоторая угловатость, свойственная также «Кабинету», потому что мы знали и любили «Трек». Мы драматичны и раскованны в формах, потому что воспитаны на балладах «Урфина Джюса». Мы стараемся быть чувственными и искренними, как и «Настя», потому что нам нравятся чувственность и искренность «Наутилуса». Но вместе с тем мы более динамичны и любим гротеск, как и «Апрельский марш», потому что мы группа нового поколения свердловского рока».

Мои пристрастия по-прежнему сохраняются за альбомом «Агаты» 1989 года «Коварство и любовь». За шлягером «Вива, Кальман!» с его мастерской стилизацией под «Цыганского барона», аранжирующей вековую притчу о шуте-убийце, платящем трагедией за внешнюю улыбку».

В новом 1991 года альбоме «Агаты» — «Декаданс», на мой взгляд, скромнее мелодическая

изобретательность. Хотя стиль, пожалуй, еще более попсовый, с отчетливым акцентом в «приблатненное», «шафутинское» направление

Кстати, как это часто бывает в роке, авторство вокальных партий Кристи, устойчиво и правильно — и музыку, и тексты выполняют практически все участники группы. Тексты всех песен «Декаданса» принадлежат Глебу Самойлову. Песню из этого альбома «Эпидемия» сочинил Саша Козлов. Исполнение вокальных партий тоже не закреплено за единственным солистом, хотя мне более других близки тембр голоса, темперамент и фантазия «бенефицианта» предыдущего альбома — Вадима Самойлова.

По-прежнему удивляет равнодушие «Мелодии» к творчеству «Агаты Кристи». Покуда фирма грамзаписи может похвастаться лишь тем, что давным-давно выпустила пластинку со стройотрядовскими песнями Вадима Самойлова.

Эдак нетрудно усугубить обидный спад интереса к року — явление в принципе нормальное в отличие от патологического ажиотажа. Безусловно, внедряясь за рубеж, группа и сама не успевает поддерживать собственную популярность на Родине. Однако и в ситуации затишья «Агата» — команда достойная.

Итак, чем же характеризовать «Декаданс» — полным слиянием рока с попсой? Нет. Хотя, повторяю, взаимопроникновение этих двух направлений в музыке может быть весьма продуктивным.

Усомниться в том, что рокеры сложили оружие, подсказывает само название альбома — музы-

канты не без сарказма сопоставляют нынешний период с эпохой сладкого загнивания в искусстве и жизни. В рокерских традициях окрашивать нехитрые песенки интонационным разнообразием, колоритностью каждого песенного персонажа. Выразительность подкрепляют музыкальные аранжировки, как бы дающие подтекст, объемность первому смысловому плану. И наконец, как всегда, восхищают эпизоды «оркестрового» звучания «Агаты».

По-прежнему часты в альбоме псевдоцитаты. Только это уже не румба, как в «Африканке», не танго, как в «Танго с дельтапланом», не марш, как в «Крысах в белых перчатках», — шлягерах «Коварства и любви». Странно, весь этот стиль ретро вроде бы напрашивается в «Декаданс». Но музыканты делают иной ход — играют на узнаваемых клише советских и народных песен, не упуская подтрунить и над материалом, и над собственной эксцентричностью его использования.

Суперхитом, на мой взгляд, в «Декаданс» является песня того же названия — «Декаданс». Мне, если кто потрудился заметить логику моих вкусов, естественно, понравилось то, что в песне звучит вальс. Но особенно он впечатляет потому, что трехчастная форма композиции построена на острейшем ироничнейшем контрасте. Не только в музыке, но и в текстовом сюжете. Не стану пересказывать, хотя не надеюсь, будто средства массовой информации не убоятся той остроты. А потому постарайтесь разыскать в магнитофонном варианте новый альбом «Агаты Кристи» — не пожалеете.

ШУБА- ДУБА ШОУ

Недавней премьерой Владимира Маркина стало «Шуба-дуба шоу» — веселое, изобретательное, разнообразное представление, в котором артист, кажется, в полной мере осуществил свою заветную мечту — ежеминутно менять забавные пародийные облики.

О сегодняшней попсовой эстраде говорить трудно. Ее поклонникам это часто представляется обидным, они влюбляются в ту или иную смазливую мордашку и верят, будто ценят в своем кумире музыкальность и артистизм. «Почему вы не пишете о нем (о ней)?» — осаждают редакцию письма. Да потому, что, объективно глядя, очень часто об актерских данных того или иного исполнителя говорить не приходится (нет зачастую даже типажной внешности). А когда «артист» способен сообщить со сцены и за кулисами лишь то,

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

какой фасон трусиков он (она) предпочитает и какие блюда любит на обед, журналистам скучно и даже унизительно брать подобные интервью.

Собственно, отсутствие личностей на эстраде и в жизни — проблема не только сегодняшнего дня. Щедро грешила тем же эстрада отцов, дедов... Не случайно в истории выживают единичные имена звезд.

Сейчас жажну комплиментами и смелыми прогнозами. Однако не боюсь утверждать, что Владимир Маркин — индивидуальность уникальная на эстраде. Он возрождает традиции кабаре-театров (артистов кабаре) и скоморохов, для которых остроумие становилось естественным способом существования и, главное, воплощалось в конкретном мастерстве — умении сыграть любую роль в скетче, сочинить запоминающийся мотивчик и занятный стишок, петь, танцевать, владеть музыкальными инструментами — все вместе.

Не буду пересказывать сюжет и галерею масок «Шубы-дубы шоу» — оставляю зрителям приятную возможность личной встречи с театральными неожиданностями. Расскажу о предыстории шоу, кстати, может быть, кому-то напомнив, кто же такой этот самый гениальный Владимир Маркин. Лично я долгое время вовсе не знала фамилии артиста, и он существовал для меня как тот, который...» Причем, «когда их» оказывалось много, и только позже все они вдруг сложились в единый образ — Маркина. Моего, как выяснилось, доброго приятеля.

Московский ДК МЭИ славился тогда своими музыкальными тусовками. Чтобы иметь возможность изучать записи, кропая статьи о любимых певцах, я в понятных целях экономии познакомилась с местным радистом, который согласился безвозмездно снабжать меня магнитофонными последствиями концертов. Звали его Володя — вы же понимаете, редкое имя. Внешность тоже неброская.

А тем временем я тщетно опрашивала Москонцерт, Росконцерт, областную филармонию (круг эстрадных организаций прежде был не столь велик, как нынче), что это за артист мелькнул в Московском телеканале с исполнением прелестных «дворовых» песен, очень смешно имитируя тягучую гнусавую манеру пения подростков под гитару в подъезде. Никто не знал имени певца — он как в воду канул.

А тем временем курортные пляжи сотрясались от шлягера:

*«Снова тень наискосок,
рыжий берег с полоской ила,
я готов целовать песок,
по которому ты ходила».*

Каникулярные романы завязывались и обрывались в нежности и слезах, рожденных этой песней. У людей постарше она вызывала трогательную ностальгию по таким же «школьным» песенкам: «Льет ли теплый дождь, падает ли снег, я в подъезде возле дома твоего стою», «...и я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то мне нравился ты»... Чем, собственно, нынешние «романсы» хуже ретровых? В конце концов,

всякий год, как говорится, с упорством, заслуживающим лучшего применения, для кого-то расцветают и отцветают хризантемы в саду.

И вдруг на концерте в том же самом ДК МЭИ я вижу Маркина, который, оторвавшись от пульта радиста, оказывается тем самым исполнителем «дворовых» пародий и автором «тени наискосок». Не без подсказки вспоминаю, что он же мелькает в телепередаче «Веселые ребята». Однако «неузнаваемость» Маркина объясняется не его безликостью, а, напротив, многообразием. До сих пор покупаюсь, когда он, например, под именем М. А. Ркина гундосит заушный некролог в образе зануды-ученого, как выясняется, вознамерившись похоронить самого себя. Умению Маркина перевоплощаться стоит завидовать — его действительно не сразу узнаешь, хотя артист не злоупотребляет накладными бородами, усами, носами.

Не вредно равняться и на его упорство. Ну что — обычный инженер, выпускник МЭИ. Правда, осведомленность в радиоаппаратуре материально, насколько я понимаю, поддерживала. Со временем позволила собрать собственную студию магнитозаписи.

А в остальном на пути в артисты помогала общительность Володи. Поначалу его всерьез за актера не держали, но охотно прихватывали с собой даже в зарубежные поездки с различными культурными миссиями — парень добродушный, простой, заводила спеть всей компанией да и один поразвлекать народ горазд. А Маркин не упускает слу-

чая совместить приятное с полезным: завести нужные знакомства, взлететь в эфир, в экран, на сцену.

Впрочем, основной опорой, что помогла Володе поберечь и себя, стал студенческий лидер МЭИ в Алуште. Задолго до всяких перестроечных перемен здесь образовался творческий микроклимат, поощрявший острые шутки, раскрепощенное, но не разнузданное поведение и в результате создание «капустников» (пародийных шоу), посмотреть которые съезжались зрители со всего побережья. Вести культработу в лагерь приезжали профессиональные артисты и музыкальные группы, хотя труд их не оплачивали, а они сами еще должны были покупать места на проживание в палаточном городке. Здесь начинал Сергей Минаев, с которым Маркин потом гастролировал по Союзу. Многие студенты МЭИ подались в профессиональные артисты. Здесь же зародилась идея создания на ТВ «Веселых ребят».

Не торопитесь стартовать в Алушту. Парадокс, но именно на волне перестройки традиции этого лагеря были уничтожены.

Сказали: «Развели тут «азлиты». Запретители имели в виду, но перепутали, слово «элита».

А что плохого в элите? Смотря кого ею называть. Что-то не наступает время, когда образуется элита ярких творческих личностей. Чтобы мы гордились, например, актером, выходящим на сцену и умеющим что-то делать лучше нас. Покуда демократизация подтолкнула крениться в противоположную сторону — чем без-

личнее, посредственное, тем лучше, «ближе к народу». Прямо как в послереволюционные годы, когда аттестация: сирота, образования никакого, бомж — стала идеальной характеристикой.

Свою собственную музыкальную группу, подготовившую появление шоу, Маркин собирал долго и с трудом. Работал в ресторанном оркестре и в крепкой «металлической» группе «Вечерние сумерки», давшей музыкантов созданной позже «Арии». Одиночке-холостяку выжить куда легче, чем неся ответственность за собственный театр. Может быть, поэтому новый ансамбль получил название «Трудное детство».

Скорее всего, что такое название возникло и не без иронии. Ведь большая часть репертуара группы — в духе подростковой попсы. А уж какими драматичными кажутся подростковые проблемы самим тинэйджерам! Над этим Маркин, как, впрочем, и я, не издевается. Только чуть-чуть подшучивает, что гарантирует его песенки от вульгарности.

Кстати, «Шуба-дуба» — это изначально название того самого «слезного» шлягера про песок. Поэты многих веков не видели ничего смешного в том, чтобы целовать следы ног любимой. По существу, не возражаем и мы с Маркиным. Бог с ним, даже с тем, что пляж непременно попадется маленькому слишком запутанному для поделуев. Легкую улыбку вызывает сам образ песочного героя, который предлагает Маркин и которого усиленно не интересовались замечать многие истовые поклонницы певца. По интонациям голоса артиста можно догадаться, что его персонаж

явно копирует расхожий стереотип любви, сам вряд ли влюбился всерьез, хотя все равно лучше, что влюбился, а не убил.

К «Шубе-дубе шоу» привели знаменитая песенка Маркина о «Таньке — самой симпатичной во дворе». И «интеллектуальные» частушки, где герой Маркина выступает обывателем, жертвой всевозможных кратких курсов обучения. В интерпретации персонажа Гегель, Фейербах, кардинал Ришелье склочничают друг с другом в духе более привычной нашему сознанию коммунальной кухни, а перевернутые цитаты из философии и изящной литературы нелепо применяются к самым неподходящим житейским ситуациям. А еще — маркинские «попурри-шечки» — эдакие коллажи из популярных песен, совмещенных с классикой, откуда мотивчики нынешних шлягеров, мягко говоря, заимствованы.

— Я теперь лично познакомился с эстрадными артистами и композиторами, — говорит Маркин. — Многие на мои пародии обижаются, тоже, оказывается (как и иные зрители), не понимают юмора. Я-то думал, они сами шутят, когда сочиняют свои песни, а у них все всерьез. О песенке «Шуба-дуба» говорят: «Это — шлягер века, огромная творческая удача» — без тени улыбки.

— Вообще-то я «Шубу-дубу» вычислил, — признается Маркин. — Многие стараются угнаться за существующей модой, а я пытаюсь заглянуть на день вперед. Чего сегодня не хватает, то войдет в моду завтра.

Мы с Маркиным считаем, что сегодня явно в дефиците самоирония.

МОЗАИКА

Появление последнего диска группы «Кино» сопровождалось событиями, достойными нашего «рыночного» времени. Ю. Айзеншпис, бывший директор группы, а ныне руководитель «благотворительного» фонда В. Цоя, заломил за билеты на презентацию ни много ни мало — 150 рублей. Видимо, в целях благотворительности. Да и сам диск тоже стоит недешево. Большое недоумение по поводу цен на билеты выразил в печати директор Московского Дворца молодежи (где планировалась презентация) С. Туманов, с которым позабыли договориться.

И все же презентация состоялась. Купившие билеты увидели на экране последний концерт Виктора Цоя, спетый 24 июня прошлого года. Получили они и пластинку, тиражирование которой (планируется выпустить миллион экземпляров) сейчас приостановлено: нет возможности печатать достойные конверты. А продавать «в бумажке» неловко.

«Перемен! Мы ждем перемен!» — пел Цой. Да чего там ждать. Вот они, перемены, — в наших кошельках.

Алла. Для большинства любителей эстрадной музыки это имя не требует никаких продолжений. Конечно — ...Борисовна Пугачева. Легендарная, любимейшая певица. Кумир многих людей разных поколений. Пункт «сдвига» нескольких совершенно сумасшедших. И вот — ее альбом. Но на сей раз нотный. Он так и называется — «Алла». В нем собрано 36 песен, созданных в течение 12 лет напряженной творческой жизни. Приветствуя появление этой книги, нельзя не задать себе грустный вопрос: а как же другие исполнители — обошлись? А жаль. Может быть, именно поэтому и гаснут звезды...

Проходившие в СССР (Ленинград, Прибалтика, Москва) концерты британской рок-группы «Назарет» сопровождалась привычной для нас неразберихой. Один из концертов (и где — в столице!) по техническим причинам начался с опозданием более чем на час. Публика вроде бы радовалась, что все же дождалась. А вот музыканты... По свидетельству прессы, за те дни, что они пробыли в нашей стране, они осунулись и похудели.

Были у англичан и контакты с коллегами. Так, Джон Маккаферти высоко оценил показанный ему видеоклип арт-рок группы «Караван» — группы, более известной на Западе, чем среди родных осин.

Гастроли «Назарета», кстати, стали поводом для заявления руководства Госконцерта СССР о кризисе в этой организации. Причина — опять «рынок»: демократический Моссонет и Аэрофлот требуют валюту, которая на счет Госконцерта не поступает... Уже отменены планировавшиеся гастроли Криса Де Бурга.

Символическое «крещение», выразившееся в омовении пенной струей огнетушителя, совершено в Тамбове во время гастролей Татьяны Овсиенко. Таким своеобразным способом местные фанаты выразили свое более чем положительное отношение к премьере сольной программы певицы.

Итак, ее «развод» с группой «Мираж» состоялся. На место Тани заступила новая солистка — Катя Болдышева. Ее голос можно будет послушать в новом альбоме группы, который называется «Не в первый раз».

А как же Татьяна Овсиенко? Будет ли она иметь «отдельный» успех? Первые концерты — совсем не колом: восторгу публики не было предела. Как, наверное, не будет предела возмущению блюстителей строгих нравов, не прощающих певице подчеркнутой эротичности ее внешнего облика. А казалось бы, что такого? Не хочешь — не смотри.

Про «Караван» есть еще одна новость. Через три месяца после их альбома «Город теней», записанного «Мелодией», появился еще один — «Ложный устав». Его выпустила независимая фирма звукозаписи «Орфей».

Вот только послушать его смогут далеко не все. «Ложный устав» — лазерный компакт-диск. Большинству любителей рока остается только поглазеть на него.

И еще один развод в популярном семействе: от известного коллектива «Рондо» отпочковалась новая группа — «Казино». Пока трудно сказать, на красное или на черное попадет шарик в их музыкальной рулетке (а может быть, выпадет и «зеро» — ноль?), но сейчас Игорь Андреев, Алексей Хохлов и Юрий Писакин ставят на выигрыш. Что ж, на то оно и «Казино».

А «Рондо» звучит дальше. Скоро те, кому повезет, услышат их новый альбом — «Рондо» в Японии. Говорят, что группа имела там успех.

Еще кое-что про «Рондо». На сей раз не развод, а, скорее, наоборот. Неожиданно дуэтом спели вокалист группы Александр Иванов и... Владимир Пресняков! Баллада, прозвучавшая в их исполнении, была снята на видеоклип, дружно обруганный со всех сторон. Но певцы — выше всяких похвал.

«Аквариум» снова на Родине! О причинах этого события рассуждать не будем. Надеемся, что не провал сов-рока на Западе (высказывалось и такое мнение). Но тем не менее концерты группы во Дворце культуры МЭЛЗ в Москве, несмотря на высокие цены на билеты (доходившие до четвертного), имели оглушительный успех и, как уж повелось, сопровождались милицейско-резинново-дубиночным вмешательством.

А БГ стал блондином. Но следовать его примеру не стоит: краски в продаже нет.

Широко известная с начала 1980 годов группа «Крематорий» радостно отметила выход двух своих альбомов (фирма «Мелодия») — «Живые и мертвые» (некое подобие «избранного» за пять лет работы) и «Клубника со льдом (или любовь до гроба)» (поклонникам группы наверняка запомнились эти композиции, ранее собранные в магнитоальбом). А еще группа записала новый магнитоальбом «Зомби» — свой вариант «избранного» за все годы существования.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Вы, конечно, помните знаменитое ироническое пушкинское стихотворение: «С утра садимся мы в телегу; мы рады голову сломать и, презирая лень и негу, кричим: «пошел!..» Ну и так далее.

Мы не случайно вспомнили именно про эти озорные строки Александра Сергеевича, в которых утро ассоциируется с отрочеством, юностью. Дело в том, что мы хотим создать на страницах нашего (вашего!) журнала новую рубрику и дать ей имя «Телега жизни». В эту телегу мы погрузим лучшие юмористические рассказы и стихи известных и просто талантливых авторов, смешные литературные пародии и афоризмы, карикатуры и многое другое. Погрузим — и поедem. А если вы захотите сесть в эту телегу, то милости просим! Места хватит всем.

Итак, поехали. Первым в нашу телегу уселся Андрей Кормаш. Ему 15 лет, сам он живет в городе Мелитополе Запорожской области. Но, видимо, успел уже съездить в Новокузнецк и хочет поделиться своими впечатлениями со сверстниками. Среди множества стихов, полученных редакцией, — о любви, о дружбе и изменах — такое стихотворение оказалось единственным. Но оно нас порадовало несмотря на грустную тему: значит, все же не правы те читатели, которые написали нам, что экология их не интересует. Видимо, все же не роком единым жив человек...

А еще мы вспомнили про Аркадия Аверченко. Как говорили в прежние, не всегда добрые времена, «в карете прошлого далеко не уедешь». Впрочем, как выяснилось теперь, старательное открещивание от своего прошлого тоже не продвинуло нас далеко вперед. Сейчас ворошим то, что было когда-то, и с удивлением находим там многое от нашего настоящего. Давайте прочитаем рассказ замечательного юмориста и еще раз убедимся в этом.

А за телегой плетутся наши читатели. Те, что прислали нам письма, из которых мы выбрали по несколько строк.

Итак, поехали...

Москва,
журналу «Мы»...

Все говорят, что на мне лица нет,
а разве оно будет, если такая жизнь?

Я морально стала очень
нервной за этот год.

Теперь любовь —
мое самое больное место.
Я этого не вынесу, я повешусь.

Я хотела бы сойтись с ними
по внешности.

За каких-то полгода я уже четыре раза
чуть не стала женщиной...

Андрей КОРМАШ, 15 лет
г. Мелитополь

**РАССКАЗ
О КУЗНЕЦКПЕРЕСТРОЙКЕ
И ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА
(почти по Маяковскому)**

Прошел кислотный
дождичек,
Которым
сумрак сжат.
Сидят в грязи
рабочие,
Как много лет
назад.
Принадлежит народу
Пустыня
под
и над;
Через четыре года
Здесь будет
город-сад!
Темно свинцовоначие,
И нет
дождю конца,
А мокрые рабочие
Вдыхают пар
свинца.
Лысеют люди смолоду,
Деревья
не плодят.
Через четыре года
Здесь будет
город-сад!..
Мы роём, роём скважины,
Пускаем реки вспять,
А те, что «там» посажены,
Нам скажут, где пахать.

КРАХ СЕМЬИ ДРОМАДЕРОВЫХ

Существует такой афоризм:

«Семья — это государство в миниатюре».

И никогда этот афоризм не был так понятен и уместен, как в 1919 году.

* * *

В семье Дромадеровых сегодня торжественный день: после долгих совещаний с женой и домочадцами глава семьи решил выпустить собственную монетную единицу.

Долго толковал он с женой о монетном обращении, об эмиссионном праве, о золотом запасе, и наконец все эти государственные вопросы пришли к благополучному разрешению.

Тезисы финансовой стороны были выработаны такие:

1. Семья Дромадеровых для внешних сношений с другими семьями и учреждениями выпускает собственную монетную единицу.
2. Ввиду отсутствия металлов монетная единица будет бумажная.

Примечание: При изготовлении монеты надлежит принять все меры к тому, чтобы затруднить подделку монеты.

3. Для того чтобы избежать перенасыщения рынка кредитными билетами семьи Дромадеровых, вводится эмиссионное право.

4. О золотом запасе. Выпущенные кредитные билеты семьи Дромадеровых обеспечиваются всем достоянием госуд., т.е. семьи Дромадеровых, имеющей в своих кладовых два золотых массивных браслета, брошь, четыре кольца и двое золотых часов с золотой же массивной цепью.

5. Министром финансов назначается жена Дромадерова; ей же предоставляется право разрешения эмиссий.

* * *

Монетный двор был устроен на столе в кабинете главы семьи. Материалом для изготовления кредиток послужили три сотни

когда-то заказанных и испорченных визитных карточек, на которых по недосмотру типографщика было напечатано: «Николай Тетрович Дромадеров».

Сын Володька отстукивал на оборотной стороне карточек гуттаперчевые цифры «3 р.», «5 р.», «10 р.»; отец ставил сбоку подпись, а гимназистка Леночка приписывала:

«Обеспечивается всем достоянием семьи Др.»

«За подделку кредитных билетов виновные преследуются по закону».

— Морду буду бить,— свирепо пояснял отец семейства эту юридическую предпосылку.— Лучше бы ему, подлецу, и на свет не родиться. Ну-с, эмиссионное право на две тыщонки выполнили. Соня! Прячь в комод деньги и остаток материалов.

— Папочка,— попросил Володька,— можно мне выпустить свои полтинничные боны? Так, рублей на пятьдесят?

— Еще чего! — рявкнул отец.— Я тебе покажу заводить государство в государстве! Не смеь.

— Ну, слава Богу,— вздохнула жена Соня.— Наконец-то у нас есть человеческие деньги. Коля, я возьму двадцать пять рублей, схожу на рынок. А то у нас на кухне совсем сырья нет.

— Сырья одного мало,— возразил Дромадеров.— Его еще обрабатывать надо. Потребуется топливо и рабочие руки.

— Так я возьму еще рублей сто. Куплю дров и найму кухарку.

— Только скорей, а то население голодает.

* * *

На бирже новая монетная единица была встречена очень благожелательно.

В зеленой лавке «дромадерки» сразу были приняты без споров сто за сто, а мясник даже предпочитал их керенкам, на которых были очень сомнительные водяные знаки.

— Верные деньги,— говаривал он.— Это не то что советская дрянь, обеспеченная, как говорится, блохой на аркане. Опять же «скворцовки» я приму и «воропьяновки» я приму, потому — и Скворцов господин и Воропьянов господин — очень даже солидные финансовые заборщики. Их даже в казначействе принимают. А «волосатовок» мне и даром не надо, потому что — это уже все знают — господин Волосатов — сущий жулик и свое эмиссионное право превысил раз в десять! А золотого запаса у него разве только коронка на зубе.

На денежном рынке «дромадерки» заняли прочное положение:

при котировке за них давали даже «скворцовки» с некоторым лажем, а «волосатовки» предлагали триста за сто «дромадерок» — и то не брали!

Жена Соня расширяла два раза эмиссионное право, рынок искал «дромадерки», как араб ищет воду в знойной пустыне, сам Дромадеров стал уже искоса с вожделением поглядывать на международный рынок, допытываясь у всех встречных — почем вексельный курс на Лондон и Париж — как вдруг...

Но тут мы должны предоставить слово самому Дромадерову... Только он своим энергичным стилем может изобразить весь тот ужас, всю ту катастрофу, которая постигла так хорошо налаженный монетно-финансовый аппарат.

— Сначала я обратил внимание, что у подлеца Володьки появились цветные карандаши, конфеты и даже серебряные часы-браслет. «Где взял, каналья?» — «Карандаши, — говорит, — товарищ подарил и конфекты тоже, а часы-браслет нашел».

Ну, нашел и нашел; ну, подарили и подарили. Ничего я себе такого не думал. Вдруг слышу, говорят, Володька на биллиарде сто рублей проиграл.

— «Где деньги взял?» — «Часы, — говорит, — продал». — «Врешь! Они у тебя на руке!» — «Это я, — говорит, — другие нашел...» Подозрительно, а? Стал я приглядываться к «дромадеркам», которые мне изредка в руки попадали — глядь, а на двух вместо «Тетрович» «Петрович» напечатано.

Я к Володьке: «Ты, анафема? Признавайся!!» — в слезы; покраснел как рак. «Я, — говорит, — папочка, только расширил эмиссионное право». Ну, показал я ему это расширение права... До сих пор рука опухшая!

— Чем же все это кончилось? — спрашивал сочувственный слушатель.

— Крахом! — отвечал несчастный отец, проливая слезы. — Кончилось тем, что теперь «волосатовки» идут выше: за одну «волосатовку» четыре «дромадерки»... Каково? Все финансовое хозяйство разрушил, подлый мальчишка!

Итак, наше первое путешествие закончилось.

Но скоро мы опять соберемся вместе.

Еще раз напоминаем — места в телеге хватит всем.

Поэтому для тех, кто любит путешествовать, объявляем конкурс на самую забавную карикатуру, на самый смешной гротесковый снимок, на остроумную эпиграмму, пародию, стихотворение.

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Александр АДИН

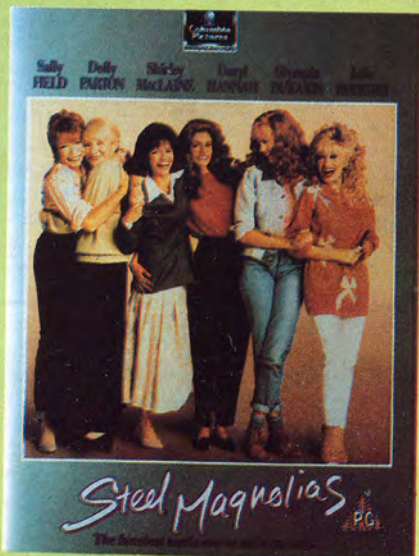
В предыдущем номере мы рассказали о фильмах, которые пользовались успехом в американских видеотеках в прошлом году. Однако окончательными итогами мы в тот момент не располагали. И вот поступила информация: по данным престижного делового журнала в области музыки и видео «Биллборду», самой прокатной лентой на видеокассетах в 1990 году стала картина режиссера Эми Хекерлинг «Посмотри, кто говорит». Вторую строчку в списке занял фильм Роба Райнера «Когда Гарри познакомился с Салли». На третьем месте — «Родители» Рона Говарда, на четвертом — «Собачья работа» Рода Дэнниела, пятая позиция за «Обществом мертвых поэтов» Питера Уира.

Следующая пятерка расположилась в таком порядке: «Железные магнолии», «Море любви», «Тернер и Хуч», «Черный дождь» и «Внутреннее расследование».

Теперь судите сами о вкусах американцев. И еще одна маленькая деталь — о семи картинах из первой десятки мы уже рассказывали в предыдущих номерах журнала.

Те, кто любят мелодраму, останутся довольны фильмом «Железные магнолии». В картине режиссера Герберта Росса собраны замечательные актрисы — Салли Филд

(«Изюминка», «Смоки и бандит»), Джулиа Робертс («Красотка»), Ширли Маклейн («Мадам Сузацка»), Долли Партон («Самое приятное заведение в Техасе», «Кафе Райнстоун»), Олимпия Дукакис («Власть луны») и Дерил Ханна («Адвокаты экстра-класса»). Но, пожалуй, наибольшее впечатление оставили Джулиа Робертс, представленная на премию «Оскар» за 1989 год в категории вторая женская роль, и Ширли Маклейн. Эта картина о взаимоотношениях матери с дочерью, которая очень больна. Врачи запрещают ей иметь ре-

бенка, но она тем не менее решает-ся на это.

«Мимолетное увлечение» ре-жиссера Блейка Эдвардса («10», «Знакомство вслепую») — рассказ о писателе, который, кажется, рас-терял весь свой талант и потому ударился в загул. Фильм смешной, чем-то похож на знаменитую «10»-ку, только там герой композитор. В конце концов и тот, и другой вернулись в семью.

«Бой без правил» может попра-виться только тем, кто предпочита-ет кроваво-бестолковые ленты, за-канчивающиеся однозначно — ма-фию, коррупцию в профессиональ-ном спорте одолевает главный по-ложительный силач.

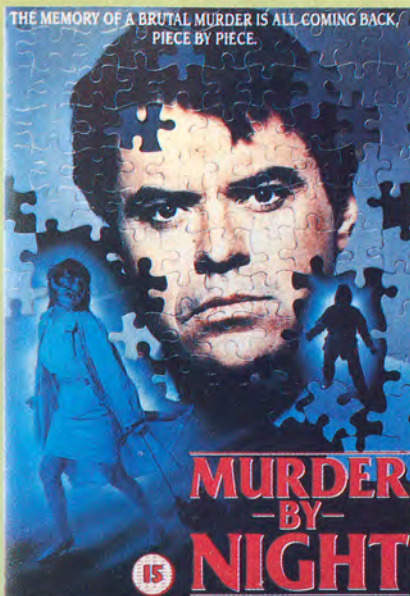
В последние годы американские кинокомпании не могут устоять пе-ред духами и призраками. Есть кар-тины, которые пользовались боль-шим успехом, например «Призрак» (Ghost) режиссера Джери Цукера («Самолет», «Безжалостные люди»). Однако фильм Джона Де-река («Болеро», «Тарзан — чело-век-обезьяна») «Призраки этого не могут», в котором он одновременно сценарист, оператор и режиссер, оставляет желать много лучшего. Жена Дерек — Бо («10», «Боле-ро») женщина красивая, но актриса никудышная. Я уже писал о том, что среди звезд самым плохим акте-ром десятилетия был признан Сильвестр Сталлоне. Так вот, сре-ди актрис этот титул принадлежит Бо Дерек. Хотя Слай (так называ-ют Сталлоне), как мне кажется, несравнимо лучше Бо. И не спасает ее даже партнерство со знамени-тым Энтони Куином («Месть», «Грек Зорба»), исполняющим роль

престарелого любящего мужа, ко-торый кончает с собой, узнав про неизлечимую болезнь сердца. Став призраком, он всюду сопровождает жену, подсказывает ей, как вести дела, и оба желают, чтобы его душа перенеслась в тело молодого мужчины. Так оно и происходит. Любители эротики пару раз могут насладиться обнаженной Бо, вот и все.

Может ли психически больной заменить врача? Создатели филь-ма «Психодром» сажают психа, роль которого исполняет Ден Эй-кройд («Братья Блюз», «В сетях зла»), на место сексопатолога. Он отлично справляется с этой зада-чей, и только в конце не остается сомнений: главный герой — про-фессиональный симулянт.

«Ночные убийства» — фильм, сделанный для телевидения, напряженный и интересный. Маньяк убивает людей. Один человек становится свидетелем убийства, но в этот момент взрывается автомобиль, и он полностью теряет память. Постепенно она к нему возвращается. И... Вы узнаете убийцу, если посмотрите картину.

Разведывательный самолет сбит над Вьетнамом. Подполковник Джин Хекман («Французский связной», «Мишень») катапультируется и пытается спастись. Ему в этом помогает пилот другого разведывательного самолета Денни Гловер («Смертельное оружие», «Сильверрадо»). Оказавшись на земле, подполковник впервые увидел, как война выглядит в действительности, на земле, а не с высоты птичьего полета.

ЖЕЛЕЗНЫЕ МАГНОЛИИ
(STEEL MAGNOLIAS) ****
США 114 мин. Драма 1989

МИМОЛЕТНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ
(SKIN DEEP) ***
США 97 мин. Комедия 1989

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
(NO HOLDS BARRED) *
США 90 мин. Боевик 1989

ПРИЗРАКИ ЭТОГО НЕ МОГУТ
(GHOSTS CAN' DD IT) *
США 83 мин.
Драма/Фантастика 1990

ПСИХОДРОМ (COUCH TRIP) ***
США 94 мин. Комедия 1988

НОЧНЫЕ УБИЙСТВА
(MURDER BY NIGHT) ****
США 90 мин.
Триллер 1989 (сделан для ТВ)

21-Й БАТАЛЬОН (BAT-21) ***
США 103 мин. Военный 1988

***** — отличный фильм

**** — хороший

*** — неплохой

** — ничего особенного

* — плохой

8231
Цена 1 руб. 20 коп.
Индекс 70554

МИР КРАСОЧНЫЙ

Print

П&С Принт Юхтиет

P&S Print-Yhtiöt Oy

Albertinkatu 23 A

00120 Helsinki, Finland

Телефон +358-0-646722

Телефакс +358-0-641652

Телекс 126215 pnt sf